

63.3 (2Р36-4К4А)

С 25 +

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

1.250.946
**Великая Отечественная
в памяти фронтовиков
и тружеников тыла**

Курган, 2000.

Курганская областная
библиотека
им. А. К. Югова
Книгохранилище

002 K-28451A 89
+ 280

Издано по постановлению администрации г. Кургана № 11 от 10.03.99 г. к 55-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Редакционный совет:

Серков В. В. - первый заместитель главы администрации г. Кургана,

Жебелев Л. Л. - заместитель председателя городского совета ветеранов войны и труда,

Проказов В. И. - председатель городской секции ветеранов войны и военной службы,

Брюханов А. И. - член бюро городской секции ветеранов войны,

Байдакова А. Я. - председатель Советского территориального совета ветеранов войны и труда,

Усольцев В. И. - председатель Октябрьского территориального совета ветеранов войны и труда,

Сигаев Н. И. - председатель Первомайского территориального совета ветеранов войны и труда,

Фадюшин В. Т. - член бюро городской секции ветеранов войны и военной службы,

Марков А. А. - член бюро городской секции ветеранов войны и военной службы,

Бивдюк А. А. - член бюро городской секции ветеранов войны и военной службы,

Серков В. Т. - член бюро городской секции ветеранов войны и военной службы.

Литературная запись воспоминаний ветеранов - **Александр Нечухрин.**

Редактор - **Валерий Портиягин.**

ISBN 587247-180-7

© Администрация города Кургана

© Издательство «Зауралье». Оформление.

Книгоиздательство

СОЗДАТЕЛИ ПОБЕДЫ

Настоящую книгу администрация города Кургана готовила как один из самых дорогих подарков нашим ветеранам и их семьям к 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Но, думаю, что это документальное повествование переживет еще не один юбилей, ибо Память народная не знает границ во времени.

Память народная навсегда поселила в нашем сознании понятия, которые давно стали святыми для каждого из нас, - фронтовая землянка, солдатский треугольник, дети тыла, женщина на войне, Сталинградская битва, Курская дуга, штурм Берлина и, конечно, Победа 9 мая 1945 года. Все эти и сотни других мгновений из истории Великой Отечественной войны ветераны помнили и помнят, бережно их записывали, чтобы донести до нас.

И вот книга перед нами. Ее авторы - наши деды и отцы - родились не для того, чтобы воевать. Но стали солдатами - по выбору судьбы. По зову Родины. По велению сердца. Они стали участниками Великой Отечественной войны, защитниками своей страны.

По-разному складывались их судьбы. Они воевали на различных фронтах, в различных родах войск, партизанили в тылу противника, не жалели сил на трудовом фронте, но все они стали создателями Великой Победы! Слава им!

Я уверен, что книга воспоминаний наших земляков для многих станет семейной реликвией. Она будет храниться на почетном месте, и сердца ее читателей всегда будут наполняться гордостью.

Спасибо вам, авторы удивительной книги, спасибо вам, фронтовики и труженики тыла, за ваш жизненный подвиг! Низкий поклон вам, создатели Победы!

Мэр города Кургана
Анатолий Ельчанинов.

ЭХО ВОЙНЫ

Уважаемый читатель!

Книга, которую ты держишь в руках, написана не профессиональным писателем, не историком войны. Это - собрание эпизодов-воспоминаний ее непосредственных участников - фронтовиков, партизан, тружеников тыла. Она не претендует на историческую оценку тех или иных событий Великой Отечественной, на разбор военных операций. Ее ценность в другом: словно мозаика, воспоминания рисуют подлинное лицо такого страшного явления, как война, достоверно передают сам дух того трагического и героического времени, венцом которого явилась Великая Победа.

Городской совет ветеранов благодарит всех, кто принял участие в создании книги, поделился своими воспоминаниями о военных годах.

Особая благодарность администрации г. Кургана, оказавшей неоценимую помощь в ее издании.

Надеемся, что книга воспоминаний "Священная война" явится хорошим подарком к 55-летию Победы.

Курганский городской совет ветеранов.

Из заявления Советского Правительства 22 июня 1941 года

... Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города - Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Василий ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, -
Идет война народная,
Священная война.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб.

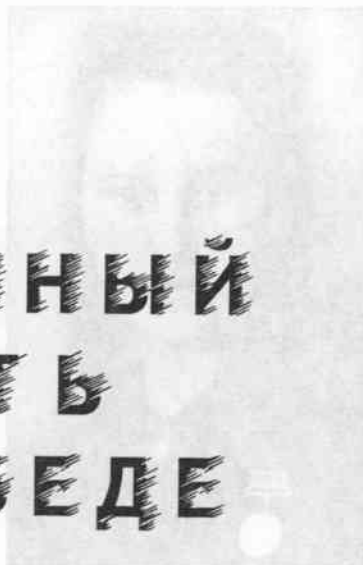
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, -
Идет война народная,
Священная война!

22 июня 1941 г.

НАС - ИТЦЯ АЩЕ РЕБЕСКИМ

ВНИМАНИЕ, „ВОЗДУХ“!

Александрович Валентин на
Немецкая улица на улицах Зо-
дательств - 1942 году звание
Медалью Героя от роду. Ску-
щину в 277-м отдельном эс-
дрильно-штурмовом авиаполку
ВВС. Победу встретил на
земле Восточной Пруссии в

**ОГНЕННЫЙ
ПУТЬ
К ПОБЕДЕ**

История началась на бати-
трое. Сформировать три ко-
манды специальности - ласково-
виртима, свистеть, разлетима. В основном была развед-
участ. Я должна была летать все типы самолетов, все стел-
и, так в прочивания, уметь по ситуации, по месту мастера в
указую определять их, определять действия на сложившейся
ситуат. И чем быстрее, тем лучше. И все умело делать
само.

В 1942 году меня приехали в штаб дивизии. После
окончания трехмесячных курсов по подготовке машини-
стского состава я была назначена командиром ди-
таком. На войне мне тяжело, особенно дежурилом. При-
ходилось летать в холодных шкурах эмлях и даже ко-
же, часто, часто, порой не раздеваясь и не разуляясь. Это
было тяжело, трудно, но ведь были и бомбежки,
и обстрелы.

ВАЛЕНТИНА АНДРИЕВСКИХ

ВНИМАНИЕ, „ВОЗДУХ“!

Андриевских Валентина Ивановна ушла на фронт добровольцем в 1942 году восемнадцати лет от роду. Служила в 271-м отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе. Победу встретила на земле Восточной Пруссии в городе Кенигсберге.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями “За боевые заслуги”, юбилейными, а также знаком “Отличник противовоздушной обороны”.

Первый год службы я находилась на батарее. Освоила три воинские специальности - дальномерщика, связиста, разведчика. В основном была разведчицей. Я должна была знать все типы самолетов, как своих, так и противника, уметь по силуэту, по шуму мотора в воздухе определять их, передавать данные на командный пункт. И чем быстрее, тем лучше. Я это умела делать хорошо.

В 1943 году меня перевели в штаб дивизиона. После окончания краткосрочных курсов по подготовке младшего офицерского состава я была назначена комсоргом дивизиона. На войне всем тяжело, а особенно девушкам. Приходилось жить в холодных сырых землянках и даже конюшнях, спать, порой не раздеваясь и не разуваясь. Это все бытовые трудности, но ведь были и бомбежки, и обстрелы.

Особенно запомнился февраль 1943 года. Наш дивизион (и другие подразделения) стоял на охране узловой станции Бологое Октябрьской железной дороги, через которую шли составы с боевой техникой и продовольствием в блокадный Ленинград. В это время бывало по два-три налета вражеской авиации в день. Даже ночами бомбили. Это сущий ад. Конечно, не легче было и после, но тот февраль сорок третьего и запомнился потому, что это было первое боевое крещение. А потом... Потом ко всему как-то привыкаешь.

А самая большая радость за всю войну была в Кенигсберге. Там я встретила День Победы.

В 1943 году немцы захватили узел коммуникаций в Бологое. Наши дивизионы стояли на охране узловой станции Бологое Октябрьской железной дороги, через которую шли составы с боевой техникой и продовольствием в блокадный Ленинград. В это время бывало по два-три налета вражеской авиации в день. Даже ночами бомбили. Это сущий ад. Конечно, не легче было и после, но тот февраль сорок третьего и запомнился потому, что это было первое боевое крещение. А потом... Потом ко всему как-то привыкаешь.

А самая большая радость за всю войну была в Кенигсберге. Там я встретила День Победы.

ЯКОВ АНБРОХ

ДОЖИЛИ, ДОШЛИ И ПОБЕДИЛИ

Анброх Яков Меерович родился в 1923 году в г. Городке Хмельницкой области. Окончил среднюю школу с золотой медалью, поступил в Ленинградскую военно-медицинскую академию, где и застала его война. Участник Великой Отечественной войны. Прошел фронтовыми дорогами от Ленинграда и Москвы до Германии. Шесть раз был ранен, дважды контужен.

Имеет 23 государственных награды, среди которых ордена Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, медали - "За оборону Москвы", "За оборону Ленинграда", "За взятие Кенигсберга" и другие.

После войны Яков Меерович окончил медицинский институт, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук, имеет несколько десятков научных публикаций. На пенсии с 1983 года.

Война застигла меня в Ленинграде, где я постигал азы военной медицины в Военно-медицинской академии. Отсюда и начались мои первые шаги по дорогам войны.

Бомбардировки города, борьба с зажигательными бомбами, Пулковские высоты, первая контузия, блокада и голод, дистрофия, эвакуация академии в конце 1941 года.

И неоднократно мои рапорты об отправке на фронт. Наконец после пятого рапорта я был направлен на Северо-Западный фронт в 11-ю армию военфельдшером в лыжный ударный батальон.

Тяжелое ранение. Госпиталь. С документами об ограничении годности снова просился на фронт. На этот раз попал на Западный фронт в 33-ю армию, стоявшую под Москвой. Снова в пехоте, на переднем крае. Бои за освобождение Вязьмы, Монастырщины, Смоленска. Снова тяжелое ранение.

После госпиталя - я уже на 3-м Белорусском в 39-й армии. Штурм Витебска, освобождение Белоруссии. Снова тяжелое ранение. После госпиталя удалось попасть в свою часть. Наступление в Восточной Пруссии - Гумбинен, Инстербург, Кенигсберг. При штурме Кенигсберга был контужен, но часть не покинул, лечился в медсанбате. При взятии Фишхаузена был легко ранен.

Штурм базы Балтийского флота фашистской Германии - Пиллау. Кругом цвела весна, а воздух в городе был полон кирпичной пыли и дыма от беспрерывно рвущихся мин, снарядов и авиабомб. Пиллау - огромный пылающий костер, в котором мы передвигались короткими перебежками, занимая дом за домом. Все это было знакомо по Кенигсбергу, где мы брали штурмом дома и улицы, перебегая в дымящихся пилотках и шинелях среди горящих зданий.

Штурм Пиллау закончился 25 апреля 1945 года - в день моего рождения, мне исполнилось 22 года. Судьба на сей раз пощадила меня: после боя я насчитал на своей шинели 7 дырок от пуль. Но ни одна не задела меня. Мы погнались немцев дальше по узкой песчаной косе, протянувшейся на многие десятки километров до самого Данцига.

Шли последние дни войны. И так не хотелось погибнуть, не дожив до Победы. В эти дни я был ранен в шестой раз, к счастью, легко. Перевязав сам себя, остался в строю. Последние бои были очень тяжелыми.

Мы, зарывшись в песок на ровной открытой местности, были видны как на ладошке. А против нас - отборные головорезы дивизии СС "Мертвая голова". Сыпучий пе-

сок не позволял отрыть не то что окоп, а простую ячейку. Палящее солнце, жажда, голод. Глаза у всех воспалены от бессонных ночей и мелкого песка. По открытой местности, простреливаемой фашистами, ни боеприпасов подвезти, ни пищи, ни воды. А надо ползать по переднему краю, отыскивать и перевязывать раненых, перетаскивать их в относительно безопасное место, чтобы с наступлением темноты вытащить их с поля боя.

Казалось, на этой богом проклятой косе еще тяжелее, чем в болотах под Ленинградом и в Белоруссии, чем в снегах Подмосковья. Хотя и там тоже приходилось совсем несладко...

К вечеру 8 мая передний край немцев вдруг затих. Тихо было и всю ночь, только резкие осветительные ракеты давали понять, что немцы не ушли. Утром мы с удивлением увидели над их позициями белые флаги, а по радию слышали, что Германия капитулировала.

Вскоре к нам пожаловали три немецких офицера-парламентера...

И вот мы стоим, изможденные, грязные, голодные, но гордые и ликующие, и смотрим, как мимо нас тянется колонна немцев, хмурых, с обросшими лицами, бросающих к нашим ногам свое оружие, зачехленные знамена, штандарты.

Вот он, долгожданный миг победы, к которому мы шли долгие почти четыре года. Не сразу дошло до сознания: дожили до Победы, за которую так дорого заплатили.

Был май. В голубом небе сияло солнце, а в душе цвели надежды о счастливой, свободной жизни после войны...

Александр Твардовский

Война - жесточе нету слова.
 Война - печальней нету слова.
 Война - святее нету слова
 В тоске и славе этих лет.
 И на устах у нас иного
 Еще не может быть и нет.

***

Война - жесточе нету слова.
 Война - печальней нету слова.
 Война - святее нету слова
 В тоске и славе этих лет.
 И на устах у нас иного
 Еще не может быть и нет.

1944 год.

Последние дни войны. И там не думалось тосковать, не дожидаясь Победы. И ни дня в боях не было с тоской и страхом, долго. Нарезали как себя, остальные страшно. Последние дни были очень тяжелыми.

Мы, державшие в руках на ружьях огнестрельное оружие, были впереди нас на линии. А прочие нас - обстреливали полевые командиры СССР "Мирная земля". Случилось это

Последние дни войны. И там не думалось тосковать, не дожидаясь Победы. И ни дня в боях не было с тоской и страхом, долго. Нарезали как себя, остальные страшно. Последние дни были очень тяжелыми.

Мы, державшие в руках на ружьях огнестрельное оружие, были впереди нас на линии. А прочие нас - обстреливали полевые командиры СССР "Мирная земля". Случилось это

ЕЛЕНА БАЖЕНОВА

ЖАРКИЙ РЕЙС

Баженова Елена Григорьевна родилась в 1921 году. На фронт призвана из г. Туапсе. Почти два года служила медсестрой на Черном море: Керчь, Одесса, Севастополь, Новороссийск, Малая земля... Тысячи раненых пришлось спасать, эвакуировать на судах из осажденных, сражающихся до последнего городов. Спасать порой на утлых, практически безоружных суденышках, беззащитных перед вражеской авиацией, безжалостно расстреливавшей эти "плавучие госпитали".

После войны приехала Елена Григорьевна в Курганскую область. 13 лет заведовала медпунктом в с. Лисье Лебяжьеvевского района.

С 1959 года живет в Кургане. Работала заведующей санитарно-пищевой лабораторией при тресте столовых. На пенсию вышла в 63 года.

Отчетливо помню тот длившийся целую вечность день 12 мая 1942 г. в городе Керчь. Это у меня на всю оставшуюся жизнь...

Накануне, 10 мая, поздно вечером в порту Камышбурун мы взяли на борт небольшого гражданского судна 350 раненых и пошли в порт г. Темрюк Азовским морем.

Утром 11 мая сдали раненых в эвакогоспиталь, а в ночь на 12-е возвратились в Керчь.

За это время обстановка в городе резко ухудшилась. Камышбурун, где находилась наша база, был уже занят немцами. При заходе в Керченскую бухту на корабль поступил приказ - швартоваться для приема раненых. Было раннее утро.

В городе шли ожесточенные бои, и на причалах в порту скопилось много раненых. Кроме нашего судна в гавани было множество разных плавсредств - от средних судов до мелких рыбацких шхун и даже лодок.

Мы быстро приняли 350 раненых (это норма для нашего судна), а они все шли и шли прямо с передовой;

тяжелораненых санитары несли на носилках. А бой все ближе. Вот уже с палубы видно, как наши из последних сил стараются сдержать натиск немцев. Раненые просят не бросать их, не оставлять врагу. Ну как отказать? И мы продолжали погрузку. Взяли 700 человек. Это была двойная нагрузка и на корабль, и на нашу сангруппу, состоявшую из двух медсестер и четырех санитаров-мужчин. По условиям мы обязаны были принимать только легкораненых. Но на этот раз было много тяжелых - не оставлять же их на берегу...

Наконец дан приказ отойти от причала и стать на якорь. Мы принялись размещать раненых на верхней и нижней палубах, во всех служебных помещениях, какие были на судне.

Наступил день. Южный жаркий долгий майский день. А с приходом дня начались и налеты вражеской авиации. Самолеты шли группами: отбомбится одна, приходит другая. В бухте тесно от суденышек - на всех либо раненые, либо гражданские эвакуированные, разные учреждения. На многих - отдельные воинские подразделения, спецслужбы, штабы. Но больше все-таки раненых... Падают бомбы. То одно, то другое судно подает сигнал бедствия...

Выйти в открытое море днем мы не могли, так как узкий Керченский пролив интенсивно простреливался и идти им днем - верная смерть. Но и стоять целый день под бомбами нелегко. Особенно страдали тяжелораненые. На судне не было не только операционной и хирурга, но даже перевязочной. Оно было пригодно для перевозки лишь легкораненых. Обработку ран мы вели прямо на палубах, как на передовой во время боя. Поскольку нам перед этим рейсом не удалось связаться со своей базой, где мы брали запас всего необходимого (бинты, вата, болеутоляющие), да к тому же количество раненых превышало норму в два раза, у нас скоро кончилось все, что нужно для оказания первой помощи. К полудню на судне кончилась пресная вода. А это не на берегу, с котелком к речке не сбегаешь.

Мы снимали бинты с кровоточащих ран, полоскали их в морской воде и снова перебинтовывали раненых. Нам в этом помогали и сами раненые.

Сильная жара, жажда без пресной воды, непрерывная бомбежка, вид тонущих суденышек, крики о помощи... Такое не всякий выдержит. Один молоденький офицер, угрожая мне пистолетом, стал требовать немедленно покинуть этот ад, эту гавань. Но я как старшая группы и капитан корабля не могла выполнить его требование. Пойти на это днем - пойти на верную смерть. К счастью, ЧП не случилось. Дали "буяну" успокоительное, и все обошлось.

1.250.946
Меня позвали к тяжелораненому пожилому бойцу. Он умирал в сознании, просил посидеть рядом, говорил, что я похожа на его дочь. Достал фотографию, на которой были его жена и дочь, адрес. Просил сообщить им о его смерти. Скоро он умер. (Просьбу его я, к сожалению, выполнить не смогла, так как и фотография, и адрес пропали вскоре вместе с затонувшим кораблем).

Молоденький летчик, раненый в голову, умирал тяжело и мучительно. Третий боец умер спокойно, даже не побеспокоив рядом лежащих товарищей. Смерть, смерть, еще смерть... Говорят, медики к этому привыкают. Не верьте! Невыносимо больно видеть умирающего, сознавать, что ты уже не в силах ему помочь. И только сознание, что тебя ждут другие, заставляет преодолеть отчаяние, подняться, жить и работать.

...Наконец наступила ночь. Спасительная ночь. На море спустился плотный туман. Поступил приказ выходить в открытое море. Корабль взял курс на Азов. На рассвете мы прибыли в порт города Темрюк.

Едва успели отправить всех раненых и умерших в эвакогоспиталь и подготовиться к погрузке боеприпасов для осажденной Керчи, как появился немецкий бомбардировщик: одна бомба угодила в машинное отделение корабля, другая - в сложенный на причале боезапас. Корабль медленно стал погружаться. На причале возник пожар.

На судне из медиков оставались лишь я и санитар. Другие ушли сопровождать раненых в город. Мы должны были оказать помощь членам экипажа в случае ранения, осмотреть судно, эвакуировать на берег пострадавших. Подбежали двое раненых, у обоих перебиты

кисти. Кровь фонтаном, видимо, перебило артерии осколком. Я растерялась: кому вперед наложить жгут, на какую руку (повреждены обе)? А перевязочных осталось только в НЗ. Быстро в кубрик, схватила сумку, вдвоем с санитаром перевязали раненых.

Побежали проверять помещения. В машинном отделении лежал тяжелораненый машинист, вынесли его на причал. Когда вернулись, капитан подал команду: всем покинуть корабль! Тут я вспомнила, что в кубрике остался мой китель и в нем комсомольский билет. Быстро спустилась по трапу уже по пояс в воде. Сама удивляюсь, как, каким образом мне удалось, удерживая дверь, не давая ей захлопнуться под напором воды, дотянуться до кителя, сорвать его с вешалки. Свой комсомольский билет спасла. Выбралась на причал последней. Через пять минут корабль скрылся под водой, остались торчать лишь верхушки мачт.

На причале горело. Рвались боеприпасы. Были раненые и убитые. Нужна была наша помощь. К счастью, подоспели остальные члены нашей группы, а затем и работники эвакогоспиталя помогли.

Приказа о возвращении в Керчь не было, да и возвращаться-то было не на чем. Решили добираться до Новороссийска речным теплоходом по Кубани...

Казалось, прошла вечность, прожита целая жизнь, а ведь минули всего-то сутки. Впереди было еще много похожих и не совсем дней, но в памяти встает почему-то именно этот долгий жаркий день, страшный день в Керченской бухте 12 мая 1942 года.

* * *

Вспоминаю пережитое, и боль тревожит душу. И все чаще встает вопрос: почему?! Почему, как могло случиться, что Одесса и Севастополь теперь не наши города? Ведь там каждый камень полит русской кровью, кровью наших молодых парней. Почему?..

МАРИЯ БЕЗБОРОДОВА

„И СМЕНИЛА Я ПЛАТЬЕ ДЕВИЧЬЕ НА СОЛДАТСКУЮ ФОРМУ“

Безбородова (Статных) Мария Дмитриевна родилась в 1923 году в д. Быдина Юргамышского района Курганской области.

Первый бой приняла 15 августа 1942 года. лейтенант медицинской службы. ветеран гвардейского арtpолка 87, 39-й гвардейской дивизии 62-й армии.

Награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями „За оборону Сталинграда“, „За победу над Германией“, юбилейными.

После войны работала в системе здравоохранения. Трудовой стаж - 40 лет. Отличник здравоохранения. Член клуба „Фронтовичка“.

Воспитала троих детей, имеет пятерых внуков и правнука.

Когда началась война, я училась в Свердловском медицинском училище военной системы. Вся наша комсомольская организация подала заявление с просьбой отправить на фронт добровольцами. И вот, пройдя годовую программу за шесть месяцев, я получила диплом с отличием и значок „Ворошиловский стрелок“.

В чебаркульских лагерях поменяла легкое девичье платье на солдатскую форму, обрезала русую по пояс косу

и отправилась на Донской фронт. В полку нас вначале было две девчонки - я и Капа Девятова из Уфалея.

Наша 39-я стрелковая дивизия вступила в бой 15 августа сорок второго года в районе станицы Трехостровской. Переправились через Дон вечером. Не успели окопаться, как зашипели мины, стали рваться снаряды, зашвистели пули. Стало совсем светло от ракет. Я спросила комбата: "Это фронт?". "Нет, - говорит, - это автоматчики просочились".

Сидела я у окопчика связистов. Сильный взрыв. Я упала в ровик. Когда шок прошел, увидела, что связисты убиты. Слышались отовсюду крики и стоны раненых. Началась моя работа. Перевязав 89 человек, сбилась со счета, потеряла представление о времени. Спрашиваю у комбата: "Сколько мне жить осталось?". "Возможно, год", - спокойно ответил он.

Трое суток шел страшный бой. Подбежал ко мне капитан-десантник, раненый в руку: "Сестричка, перевяжи". Я оказала ему помощь, он надел на меня свою пилотку: "Носи, сестренка!"

На четвертые сутки ночью получила поручение командира дивизиона пройти к Дону на батарею с приказом о переброске батарей через Дон. Рядом двигались танки со свастикой, слышалась немецкая речь... Когда я наконец отыскала батарею, передала приказ, то упала к станине и расплакалась. Кто-то из бойцов дал мне кусочек сахара. Быстро запрягли лошадей, я ухватилась за лафет, и помчались к переправе. Над ней уже кружились немецкие самолеты. Начинало светать. Только успели пушки коснуться колесами берега, переправа рухнула. На реке загорелась баржа, и дым скрыл нас от немцев. Мы уходили от берега с большими потерями. Был контужен командир полка Калашников. Знамя вынес боец, обернув его вокруг себя...

А потом был Сталинград. Прибыли мы туда в конце сентября. Город горел. Расположились в районе завода "Красный Октябрь". Мы заняли здание напротив заводууправления. И вот пришел день, когда с воздуха немцы принялись уничтожать все заводские здания. Мы спустились в подвал. Дом рухнул от прямого попада-

ния бомбы, нас уцелело шесть человек. Кое-как вылезли мы в какую-то дыру, перебрались к другому зданию. Но и здесь не было спасения от фрицев. Бои шли за каждый цех, за доменную печь, где мы располагались.

Особенно памятны дни 14-16 октября 1942 года. Немцы решили сбросить нас в Волгу. Еще с вечера они кричали в рупор: "Рус, сдавайся, Волга - буль, буль!.." Наши батареи 76-мм пушек стояли на прямой наводке, а гаубицы - за Волгой. С самого утра четырнадцатого появились фашистские самолеты, взлетали черные столбы земли, дым, земля качалась под ногами. А потом немцы бросили на нас танки и пехоту. С нами была рота автоматчиков.

Пушки палили непрерывно, стволы раскалились, одну пушку разорвало. Но танковые атаки были отбиты. Ранено в живот рядового Южкова, убило Сашу Фомина, Серебрякова... Во второй половине дня самолетов еще прибавилось. Огонь переместился ближе к КП полка. Тяжело ранило командира полка Калашникова. Это от него я получила в подарок его личное оружие за отличную стрельбу. Когда его переправляли через Волгу, он умер. Мне хотелось по-девчоночьи расплакаться, но я не имела на это права. Шел яростный бой. Вражеские танки шли на наши орудия. Артиллеристы отбивали атаки. К вечеру горели уже 10 немецких танков. Командовал дивизионом Михаил Иванович Иванов.

В один из дней в Сталинграде мне пришлось передавать команды третьей батарее вместо убитого командира. А было это так. Я приползла к нему на НП, когда еще было темно. У него было легкое ранение. Перевязала. Стало рассветать. Он поднялся к стереотрубе и вдруг упал к моим ногам, кровь залила его лицо, грудь. Разрывная пуля снайпера угодила в голову, и он скончался. Из его рук выпала записная книжка с записями прицелов. Я передала их на батарею за Волгу по рации. Меня спрашивают, почему ты передаешь? А я говорю, потом объясню, а сейчас на нас танки идут. Слышу в трубке: "Батарея, огонь! За Родину, за Машу!" Так весь день и провела я на НП. Подползти ко мне было невозможно...

2 февраля закончилась Сталинградская битва. Мы вышли из своих укрытий, обнимали друг друга. Но мы еще две недели стояли на позициях в полной боевой. Мимо шел непрерывный поток пленных немцев, заматанных в тряпки.

9 февраля 1943 года я получила орден Красной Звезды. Уходя из Сталинграда, я долго стояла на берегу Волги, глядя на развалины, на камни, политые кровью моих однополчан.

После Сталинграда дали нам небольшой отдых в селе Соленом. Наконец-то можно было помыться! Ведь я не мылась, не разуваюсь четыре месяца...

А дальше - снова война, бои, бои... 3-й Украинский фронт. Северный Донец. Тяжелый бой в районе Голой Долины. Наш дивизион стоял на опушке леса. Шло наступление. Солдаты притащили на палатке раненого: "Сестричка, перевяжи". Когда я разрешила маскировочные штаны, вижу, под ними форменные брюки генерала. Оказала помощь, и его унесли.

Через несколько минут меня и санинструктора Сидоренко потребовали к штабу полка - туда попал дальнобойный снаряд. Командир полка полковник Нейман и замполит Гордеев были убиты, начальник штаба Андромонов и еще 18 человек были ранены. Оказав помощь раненым, увезла их в полевой госпиталь.

На этом же участке погибла связистка Таня. Сидели мы с ней и мечтали пойти ночью к Северному Донцу помыть головы. Услышав самолет, я побежала на батарею. А в ее окоп попала бомба...

Под городом Изюмом я впервые испытала, что такое "психическая атака". Пушки наши были замаскированы на прямой наводке. А впереди нас не было пехоты - шла смена полков. И вот идет на нас большая колонна пьяных немцев. В полный рост, маршем. Командир дивизиона Иванов встал к орудию за наводчика и передал, чтобы без его команды никто не стрелял. А немцы все ближе. Казалось, не дожидаться команды "Огонь!", хотя прошли какие-то минуты. И вот наконец - "Огонь!" Груды тел, земля, пыль - все взлетело в воздух... Атака была отбита.

...В Одессу вошли на рассвете. Дорога забита машинами немцев с награбленным добром. Все горит. Пушки тащили по газонам... Одесситы встречали с любовью, делились последней водой, чтобы нам хоть как-то помыться...

...Овидиополь-Тирасполь-Кишинев. Переправа через Днестр. Обстрелы, бомбежки, убитые и раненые. Все это было нашей фронтовой жизнью.

После войны было много встреч с однополчанами: пять раз поднималась на главную высоту России - Мамаев Курган (высота 102), трижды была на встречах в Днепропетровске, дважды - в Одессе, пять раз в Москве, в том числе на Поклонной горе на праздновании 50-летия Победы.

Обидно, что в день 55-летия Победы не смогу поехать в Москву на встречу с пока еще живыми однополчанами.

АЛЕКСАНДР БИНДЮК

КОГДА ГОРЕЛО ВСЕ, ЧТО НЕ ДОЛЖНО ГОРЕТЬ

Биндюк Александр Антонович, уроженец Могилевской области, встретил войну студентом Белорусского государственного университета. С боями прошел от Брянска до Подмосковья. Воевал в Сталинграде. Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, двенадцатью медалями, в том числе "За отвагу" и "За оборону Сталинграда".

Вся его трудовая деятельность прошла в Мишкинском районе: первый секретарь райкома ВЛКСМ, работник райкома партии, директор школы - 10 лет, заведующий районным отделом народного образования, директор Мишкинского педучилища - 15 лет.

Александр Антонович - заслуженный учитель школы РСФСР, почетный гражданин р.п. Мишкино.

Сражением века назвал маршал Советского Союза В.И. Чуйков Сталинградскую битву. В критические дни обороны города (октябрь-ноябрь 1942 г.) мне довелось быть в Сталинграде, защищать узкую полосу советской земли вдоль Волги в составе 45-й стрелковой дивизии им. Н. Щорса, входившей в состав 62-й (впоследствии 8-й) гвардейской армии. Был я в должности помкомвзвода 69-го отдельного противотанкового дивизиона.

...Для каждого из нас война началась по-разному, но отозвалась глубокой болью в сердцах всех. Я, например, встретил ее сугубо мирным человеком после трех лет учебы в Белорусском государственном университете. Не забыть первого дня войны. В 12 часов дня мы, студенты, слушали выступление В.М. Молотова, а два-три часа спустя фашисты уже бомбили Минск, расстреливали с самолетов толпы жителей города, собравшихся у репродукторов, чтобы услышать голос Москвы. Появились первые раненые, убитые. Слезы, стоны. Эта жуткая картина до сих пор перед моими глазами.

...Вскоре я был в действующей армии, с боями прошагал до Подмосковья.

В 45-ю стрелковую дивизию попал летом 1942 года. Дивизия пополнилась за счет курсантов Ульяновского пехотного училища. Предстояло преодолеть путь от станций Барыш и Инза Ульяновской области до Сталинграда. Напутствовали нас жена и дочь Н. Щорса. В ответном слове, которое было поручено сказать мне, мы заверили наших гостей, что сделаем все для достижения победы над врагом.

Из Барыша мы ехали и шли вдоль левого берега Волги многие сотни километров. Не раз немцы обстреливали нас с воздуха. Наконец мы у цели - на правом берегу Сталинград. Город горит. Горит Волга... Видны лишь остовы зданий, руины, пожарища.

Погрузились на паром, отчалили и... минометный обстрел. Чудом добрались до правого берега и оказались в самом пекле. Главный арсенал оружия был на левом берегу Волги. Мы защищали завод "Красный Октябрь", борьба шла за каждый метр заводской территории: в одном конце цеха мы, в другом - немцы.

В книге "Сражение века" командующий 62-й армией маршал Советского Союза В.И. Чуйков писал: "Представьте себе 62-ю армию в Сталинграде, занимающую около трех месяцев оборону на узкой полосе земли вдоль берега Волги. Если она не воспользуется случаем ударить измотанного боями противника, чтобы оттеснить его хотя бы на 200-300 метров от берега, то сама может оказаться в Волге... С нашей стороны было бы безумием сидеть и ждать, что предпримет враг, а не добиваться хотя бы маленьких успехов.

Наша контратака состоялась 31 октября. Мы кое-где продвинулись метров на сто вперед, заняли западную часть Новосельской улицы, западную опушку садов; на заводе "Красный Октябрь" вернули мартеновский, калибровый, сортовой цехи и склад готовой продукции. А самое главное - мы показали себе и врагу, что можем не только обороняться, но и атаковать, отвоевывать ранее потерянное. И наконец получилось так, что последний удар в конце схватки, продолжавшейся с 14 по 31 ок-

тября, нанесли мы, а не противник. Это была наша моральная победа. Дивизия носила имя ее первого командира - героя гражданской войны Николая Щорса, командовавшего ее полками в дни славных походов за освобождение Украины" (стр. 261).

Я счастлив, что в годы суровых для нашей Родины испытаний служил в этой легендарной дивизии и внес свой скромный вклад в защиту истерзанной сталинградской земли. После войны подсчитано, что на каждом квадратном метре Сталинграда находилось более тысячи осколков от мин и снарядов.

Как святую реликвию я храню присланные в 70-е годы из Москвы советом ветеранов 62-й-8-й гвардейской армии памятный знак и удостоверение ветерана армии за подписью почетного председателя совета маршала В.И. Чуйкова.

В Сталинграде я был тяжело ранен и отправлен на левый берег Волги. А затем - медицинское заключение: инвалид, демобилизовать.

Более сорока лет прожил в Мишкинском районе. Заочно завершил учебу в вузе. Работал в комсомольских и партийных органах, директором школы, заведующим райотделом народного образования, директором педучилища. Создал с единомышленниками районный историко-краеведческий музей, которому присвоено звание народного.

Теперь живу в Кургане...

МАРИЯ БОМБИНА

И ПОВАРА БЫЛИ НУЖНЫ

Мария Николаевна Бомбина родилась в 1921 году в д. Логовушке Кетовского района. Добровольцем ушла в армию в марте 1943 года. Всю войну прошла поваром 2-й путейской роты 108-го отдельного восстановительного железнодорожного батальона.

Службу начала на Калининском фронте под Волоколамском. В составе батальона воевала на 3-м Белорусском, 1-м Прибалтийском фронтах. День Победы встретила под Кенигсбергом.

20 мая 1945 года демобилизовалась и прибыла в г. Курган.

АЛЕКСАНДРА БРЕВНОВА

САНЬКА АНТАНИДИНА ЕДЕТ ВОЕВАТЬ

Бревнова Александра Федоровна была призвана в армию из деревни Жуково Куртамышского района. Служила в 83-й отдельной зенитно-артиллерийской Красносельской дважды Краснознаменной бригаде ПВО. Защищала небо над городом на Неве. Награждена медалью "За оборону Ленинграда".

Того, что выпало на ее долю, хватило бы с лихвой на сто жизней. В этом ее коротком рассказе - вся изнанка войны, ее пот и грязь, боль и слезы. Через все это надо было пройти, чтобы наступил светлый день Победы.

Ох-хо-хо... Право, и не знаю, о чем рассказывать. Если описать все, что было в моей жизни, - книги не хватит...

Деревня наша, Жуково, небольшая. Здесь и прошло мое детство. Да, почитай, и не было его вовсе. Отец рано помер, осталось нас у матери трое. Девяти лет я уж работать начала - детей в садике нянчить помогала. А в пятнадцать - завербовалась я на железную дорогу. Поработала на станциях Бердяуш и Нязе-Петровск, потом взяли меня в ФЗО.

Из ФЗО я сбежала. Дурные мы были, девчухи совсем. Все побежали, и я с ними. А ведь дома-то, в колхо-

зе, голод, есть нечего. Ну многих девчат быстренько обратно отправили, а меня оставили в колхозе. Звали меня тогда Санькой Антанидиной: прозвище не прозвище, а так все звали.

- Будет Санька Антанидина колхозным ветсанитаром!

А в колхозе неурожай, скот тощий, болеет, и вот я, Санька, худющая, голодная, целыми днями моталась по бригадам: и телят принимала, и быков кастрировала, и шкуры с дохляков снимала... Все умела, все могла. Что поделаешь - война.

В сорок втором брата под Сталинградом убили. А из деревни уж и брать-то взамен погибших некого, нет мужиков и парней, все там.

И вот в сорок третьем до нас очередь дошла: пришли повестки из военкомата четверым жуковским девчатам. Шел мне тогда девятнадцатый год. Иди, воюй, Санька Антанидина!

...Помню, как провожали нас. Повезли на пароконной бричке в гору, на Куртамыш, а за бричкой моя сестренка бежит, плачет. Долго так бежала... А мама на ограде осталась, слезами заливается. Притихли мы в бричке, что с нами будет? Куда везут? Ведь мы, деревенские, нигде не бывали..

Долго ехали мы от Кургана. Куда, зачем? Наконец: выгружайсь! Привели нас к какому-то зданию: завод не завод, кругом колючая проволока. Показали комнату:

- Здесь жить будете, ваша казарма.

Вся "обстановка" в комнате - двухъярусные нары на 60 человек. И все. Дали нам матрацы, сходили мы недалеко, набили их соломой, устроились.

Как выяснилось потом, привезли нас в городок Кимры Калининской области. Здесь нас будут обучать военному делу. А называемся мы теперь отдельным женским запасным стрелковым полком. Нигде мужчин не видно, кругом одни девчата. Шесть тысяч девчат - и рядовые, и командиры. Один только командир полка мужчина, но мы его почти не видели. Большинство из нас еще не нюхали пороха, но были, правда, и такие, что в боях успели побывать. С ними особенно трудно было.

Они не признавали дисциплины (а она железная была) и часто попадали на гауптвахту.

...И началась наша учеба. В семь часов подъем, в одиннадцать отбой. Целый день на ногах: четыре часа строевая подготовка, четыре - огневая, четыре - тактика... Из нас, например, минометчиков готовили. Помню, зима сырая стояла, натаскаемся за день по снегу, ночью валенки плавают под ногами. А сушить негде, казарма наша не отапливалась. Придем вечером с "поля боя", наши стеганые брюки - хоть выжимай. Мы их как сушили? Разложим на матрацы и спим на них. А уставали так, что только падешь на нары, сразу засыпаешь.

Порой бывало не успеешь глаз сомкнуть - учебная тревога: быстро одеваешься во все мокрое, хватаешь оружие - и строиться. А командир уже объявляет:

- "Враг" в четырнадцать километрах, мы должны его выбить оттуда. Шагом марш! Запевай!

У нас во взводе было двое запевал - я и украинка Кильевич. Нам в пору не петь, а плакать, но куда денешься, запеваем. Дошли до места, роем окопы в снегу. Иногда костер развести разрешат, погреемся. Так и день пройдет. А ночью, глядишь, опять "наступление". А миномет холодный, тяжелый... И снова:

- Запевай!

А мы не можем запеть. Бойцы локтями подталкивают: запевайте, девчата. А мы, хоть умри, не можем и все: мокрые, в рукавах снег, губы от холода сводит.

Тогда командир:

- Ложись! Пятьдесят метров по-пластунски марш!

Ползешь, винтовку, миномет тащишь по снегу.

- Встать! Запевай!

И ведь запевали. Пока тащимся до казармы, еще раз десять: то "Танки слева!", то "Воздух!", то "Конница!"... Всю дорогу "воюем". Если выпадет привал на пять минуток, так это счастье, мы падаем и прямо на снегу засыпаем. Ведь было-то нам по 18-19 лет.

Только придем, матчасть поставим, снова команда:

- Выходи строиться на ужин!

А до столовой два километра... И ведь не болели, вот что удивительно! Вот так нас шесть месяцев дрессировали-шлифовали. Мне присвоили звание сержанта.

А как мы выглядели! Одевали нас во все мужское: белье, брюки летние и стеганые, шапка-ушанка, пилотка, только шинели были специально для девочек - зеленые. Стрижены мы были "под мальчишку".

И до того эта учеба нам осточертела, что мы готовы были хоть в бой, хоть в огонь, хоть в воду, только бы выпустили нас из-за этой колючей проволоки.

...И вот дождалась. Ночью объявляют:

- Взять вещмешки, выходи строиться!

Посадили нас в "телячьи" вагоны и повезли. А куда - не знаем. Только на станции Буй, когда нас кормили горячим, мы узнали, что едем на Ленинградский фронт.

Под Ленинградом окопались. Какое-то время служили здесь, обслуживали станцию орудийной наводки. А потом перебросили нас в Петергоф охранять небо над Ленинградом.

...Когда пришла из армии, долго еще ходила в шинели и армейских сапогах. Переодеться-то было не во что. Вот такими и были военные годы Саньки Антанидиной.

Часто вспоминаю девочек своего отделения из Курганской области: Аню Маслову, Физу Падерину, Валю Новоселову, Зою Новоселову, Машу Макушину. Это их девичьи фамилии.

Милые мои, если живы и прочтете это, отзовитесь. Это вас просит ваш командир отделения Шура Сорокина. А живу я теперь в селе Пионерском Макушинского района, и фамилия моя Бревнова.

АЛЕКСЕЙ БРЮХАНОВ

ЧЕРЕЗ ГОДЫ И РАССТОЯНИЯ

Брюханов Алексей Иванович, 1919 года рождения, был призван в Красную Армию в 1939 году. Служил в Приморском крае. Участвовал в войне с империалистической Японией в Китае и Корее в составе 9-й воздушной Армии в качестве авиаспециалиста. В июле 1946 года демобилизован из Советской Армии.

— Перед призывом в армию я познакомился с девушкой, лучше которой не было для меня в целом свете. Но не прошло и двух недель со времени нашего знакомства, как жизнь

разлучила нас - меня призвали в армию, и уехал я на самый далекий Дальний Восток.

Думали мы с моей Таней, что растаемся ненадолго, а так случилось, что разлука наша растянулась на семь лет. И все эти годы она ждала меня. Я отвечал ей тем же. А наши письма друг другу помогали пережить разлуку.

В 1946 году, после демобилизации из армии, мы встретились вновь. Поженились и прожили вместе долгую счастливую жизнь.

И вот теперь, когда не стало моей Татьяны Иосифовны, в грустные минуты я достаю наши пожелтевшие письма, и они нашептывают мне дивную повесть о нашей юности, о любви и верности, о нашем незабвенном времени. Эти почти двести писем - мое бесценное богатство, хранители моей памяти...

НИКОЛАЙ БЫВАЛЬЦЕВ

НИКОЛАЙ БЫВАЛЬЦЕВ
ПРИ СМЕРТИ ПЛАМЕНИ И ДУМОВ**Артиллеристы не сдаются**

Н. Н. Бывальцев, 1915 года рождения, был призван на военную службу в феврале 1940 года Курганским горвоенкоматом. При нападении фашистской Германии на Советский Союз его артиллерийский полк, стоявший в г. Невель, был окружен. Рядовой Бывальцев, получив контузию, попал в плен и был помещен в лагерь в районе Полоцка.

При попытке бегства из плена был пойман, избит и отправлен в лагерь в Литве.

В январе 1944 года совершил второй побег из лагеря. На этот раз удачный. Попал в воинскую часть, в штрафную роту. Воевал артиллеристом.

Во время одной из атак Бывальцев заменил убитого наводчика и огнем из пушки прямой наводкой помог отбить атаку противника. Но сам был ранен в голову. За этот бой он был награжден орденом Красной Звезды.

Второе ранение Н.Н. Бывальцев получил в бою в январе 1945 года. За тот бой он был отмечен орденом Славы III степени.

Второе ранение Н.Н. Бывальцев получил в бою в январе 1945 года. За тот бой он был отмечен орденом Славы III степени.

Второе ранение Н.Н. Бывальцев получил в бою в январе 1945 года. За тот бой он был отмечен орденом Славы III степени.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ПОНЫРИ

Поэма

Есть между Курском и Орлом
 Вокзал и станция одна -
 В далеком времени былом
 Здесь проживала тишина.
 Лишь временами гром и дым
 Врывались весело в вокзал:
 Зеленый поезд, шедший в Крым,
 Здесь воду пил и уголь брал.
 Здесь разливали молоко,
 Кур покупали впопыхах.
 Свисток. И поезд далеко,
 В полях, во ржи и васильках.
 Я снова в памяти найду
 Полоску розовой зари
 И эту станцию в саду,
 С названьем странным -

Поныри.

...Мы взяли станцию зимой,
 И бой на север отошел,
 Туда, где линией прямой
 Стремятся рельсы на Орел.
 Но километрах в десяти
 Мы встали. Грянула весна.
 И ни проехать, ни пройти -
 Весной захлестнута война.
 В тиши прошли апрель и май,
 Июнь с цветами у траншей,
 Жил, притаясь, передний край
 Недалеко от Поньрей.
 И грянул наконец июль.
 И пятого, в рассветный час,
 Снарядов гром, и взвизги пуль,
 И танки ринулись на нас.
 Огонь окопы бил внахлест,

У блиндажа трещала крепь,
 И шла пехота в полный рост,
 За цепью цепь, за цепью цепь.
 Мы знали замысел врага:
 Лавина танков фронт прорвет,
 Загнется Курская дуга
 И в окруженье нас возьмет.
 И Курск, многострадальный
 Курск,

Его кудрявые холмы,
 И к Сейму живописный спуск,
 И все, что полюбили мы,
 В тюрьме окажется опять,
 Изведав краткий срок весны...
 Нет, этот край нельзя отдать,
 Здесь насмерть мы стоять
 должны.

Завыли бомбы. Черный вихрь.
 Засыпал не один блиндаж.
 Приземистые танки "тигр"
 Передний край прорвали наш.
 Но все ж никто не побежал,
 Не дрогнули порядки рот,
 И каждый мертвый здесь лежал
 Лицом к врагу, лицом вперед.
 Стояли пушки на холмах,
 Почти у самых Поньрей.
 Остались на своих местах
 Лежать расчеты батарей.
 Я позже видел их тела
 На окровавленной земле.
 Пусть в землю гаубица вросла -
 Снаряд последний был
 в стволе.

Шел бой на станции. Кругом
 Железо, немцы, мертвецы.
 Но новой школы красный дом
 Решили не сдавать бойцы.
 Окружены со всех сторон,
 Они сражались. Здесь был ад.
 Но эта школа - детский сон,
 Уроки, пионеротряд...
 Что значило отдать ее?
 Ведь это значило отдать
 И детство светлое свое,
 И нас оплакавшую мать.
 В разбитый телефон сияя,
 Кровь растирая на лице,
 Огонь "катюши" на себя
 Безусый вызвал офицер.
 Лишь чудом он остался жив.
 Что думал он в тот страшный миг,
 Себя мишенью положив,
 Какую мудрость он постиг?
 Об этом я его спросил,
 Когда он выполз из огня.
 Он отвечал: "Я был без сил,
 В кольце сражался я два дня.
 Но я поклялся победить,
 Разбить врага любой ценой.
 Так жадно мне хотелось жить,
 Что смерть не справилась
 со мной".

Всю ночь бомбили Поньри,
 Дорогу, станцию и мост,
 Ракеты, вспышки, фонари
 Затмили свет июльских звезд.
 Но та лучистая звезда,
 Что на пилотке носим мы,

Она не гаснет никогда,
 При смене пламени и тьмы.
 И вот остановился враг
 В огне, в крови, в дыму, в пыли.
 На поле танковых атак -
 Столбы металла и земли.
 Наверно, курский наш магнит
 Притягивает их сюда.
 И танк идет, и танк горит,
 И замирает навсегда.
 И снова лезут. И опять
 На танке танк, на трупе труп.
 И надо биться, жить, стрелять,
 Стирая пену с черных губ.
 Гремели в долах и лесах
 Бои с зари и до зари.
 Орел и Курск - как на весах,
 А посредине - Поньри.
 Как вьюга, леденил врагов
 Снарядов оголтелый вой,
 Среди цветов, а не снегов
 Нам было наступать впервой.
 Иди вперед, воюй, гори...
 После войны когда-нибудь
 Вернись в родные Поньри,
 Где начинал победный путь.
 Пройди на станцию, на шлях,
 Где страшный след сражений
 свеж.

Какая сила в Поньрях
 Железным сделала рубеж?
 Здесь не было ни гор, ни скал,
 Здесь не было ни рвов, ни рек,
 Здесь русский человек стоял,
 Советский человек.

ГЕННАДИЙ ВАХРИН

НАВЕЧНО В СЕРДЦЕ

Вахрин Геннадий Васильевич родился в 1923 году в селе Белом Далматовского района. В сорок первом окончил железнодорожный техникум и работал машинистом паровоза в депо Челябинск. В армию призван в мае сорок второго. Участник Курской битвы.

После выхода в запас по ранению работал в школе, в комсомольских и партийных органах. Более 30 лет - в Курганском ремонтно-строительном тресте. Сейчас ведет активную работу в совете ветеранов войны АО "Курганоблгражданстрой", является его председателем.

Меня как машиниста паровоза в армию не брали. Пришлось долго "осаждать" военкомат просьбами отправить на фронт. Наконец 3 мая сорок второго года я добился своего - был призван и отправлен на ускоренные курсы командиров. Тогда учили быстро. Через шесть месяцев присвоили мне звание лейтенанта. И стал я артиллеристом, командиром взвода 120-миллиметровых минометов.

В декабре получил назначение в 216-й минометный полк 12-й армидивизии старшим офицером минометной батареи. Ее полки и бригады формировались на Урале.

В январе сорок третьего мы погрузились в эшелон и поехали на запад. В дороге бодро пели:

Наш миномет всюду дорогу найдет...

Нас не задержит глубокий овраг,

Цель не закроет пурга,

Где бы ни спрятался враг,

Мина догонит врага!

15 января разгрузились в Ельце. Получили минометы и автомашины...

Боевое крещение наш полк принял под городом Косторным в феврале сорок третьего. А в марте нас перебросили под Курск, на Малоархангельское направление, в район деревень Тросна и Протасово. Здесь мы и приняли участие в Курской битве.

...Как сейчас вижу поле боя, огневые вспышки наших артиллерийских и минометных батарей...

Вот как начиналась для меня битва на огненной дуге. Шел июнь. Над нашими оборонительными рубежами с утра до вечера кружили немецкие самолеты. В небе завязывались воздушные бои. В первых числах июля нам стало известно, что противник готовится к наступлению в полосе 13-й армии, которой мы были приданы.

Ночь на 5 июля для офицеров нашей батареи была тревожной, никто не спал. В два часа дежурный телефонист позвал к аппарату командира. С командного пункта передали условный сигнал - "Солнце". Командир дал команду нам: "Батарея, огонь!" И началось...

Над всем участком видимого нам фронта повис мощный гул от залпов сотен батарей орудий различных систем и калибров. Небо скрылось в клубах пыли и дыма. От грохота орудий лопались барабанные перепонки, у многих солдат из ушей текла кровь. Мы задыхались от едких газов взрывчатки. За полчаса, которые длилась артподготовка, наша батарея израсходовала четверть боекомплекта.

Несмотря на понесенные потери, немцы пошли в атаку. К 9 часам утра бой приблизился к нашим позициям. На нас были брошены танки. Полк оказался без прикрытия пехоты, и командир приказал занять круговую оборону своими силами. Материальная часть в это время отводилась на запасные позиции.

Гитлеровцы вплотную подошли к нашим уже опустевшим окопам, в одном из которых торчал поврежден-

ный миномет. Когда они ринулись к нему, ветер отнес в сторону клубы дыма, и перед ними во весь рост встал командир орудия. В руках у него была 16-килограммовая мина. Он ударил ею о плиту. Сильный взрыв потряс воздух. Погибло много фашистов. Но погиб и командир миномета нашей батареи старший сержант Ванахун из Киргизии. За этот подвиг он был удостоен посмертно звания Героя Советского Союза. (В 1983 году, к 40-летию Курской битвы, на месте гибели ему поставлен памятник).

Последующие дни представляли собой один сплошной бой. 8 июля на станции Поньри враг пять раз в течение дня атаковал наши позиции, но безуспешно. Здесь он был остановлен нашей артиллерией, а затем отброшен. За этот бой я был награжден орденом Красной Звезды.

В августе 1943 года я был тяжело ранен под городом Севском Брянской области. Долго лечился в госпиталях, а в мае 1944 года отправлен в запас по ранению. Война для меня закончилась.

Едва поправившись, я устроился военруком в школу Конезавода № 7, но проработал здесь недолго. В феврале сорок пятого я был избран первым секретарем Кетовского райкома комсомола. Позже работал в партийных органах, в редакции газеты и более тридцати лет - на разных должностях в Курганском ремонтно-строительном тресте.

Связи с боевыми товарищами не теряю - семнадцать раз участвовал во встречах ветеранов своего полка, дивизии, корпуса. Последняя такая встреча ветеранов 12-й артиллерийской трижды орденоносной дивизии состоялась в Малоархангельском районе Орловской области в 1998 году в связи с 55-летием Курской битвы. Мы вспоминали те далекие огненные дни, которые навечно с нами.

ВАСИЛИЙ ВАСЕВ

„ПЕРЕМИРИЕ“

Васев Василий Павлович родился в 1925 году. В армию призван в 1942 году. Минометчик. В боях участвовал с мая 1943 года. Гвардии старший сержант.

Его боевой путь: Донбасс, Турецкий вал в Крыму, Севастополь, Смоленск, Минск, Витебск, Каунас, Шауляй, Гданьск, Кенигсберг...

Его боевые награды: орден Славы III степени, орден Отечественной войны I степени, две медали „За отвагу“ и другие.

В мирное время награжден орденом Октябрьской Революции.

- Э то было в Крыму, на Турецком валу. Перед Новым годом прошел буран, траншеи напрочь завалило снегом. С моря дул сильный ветер. Откопаться, очистить траншеи было нечем. Вылезли мы из своих „лисьих нор“, холодина!

Немцы напротив. Ходят, на головах намотано черт знает что. Кричат: „Рус, война капут! Нах хауз ком!“ А потом бросили оборону и ушли.

Нам тоже не до боя, руки побморозили. Пошли в медсанбат... Так вот сутки и не воевали, пока не окопались. Вроде как перемирие заключили...

ВЛАДИМИР ВАСИЛЕВСКИЙ

ЗАРАСТАЮТ ТРАВЮ ОКОПЫ

Василевский Владимир Иванович родился в 1923 году в г. Запорожье. На фронт призван из Северного Казахстана в начале 1943 года. Боевое крещение получил в боях под Ленинградом (Карельский фронт). В составе войск 2-го и 3-го Украинских фронтов десантник Василевский прошагал с автоматом пол-Европы - Венгрия, Австрия, Чехословакия. Перед самым концом войны был тяжело контужен.

Гвардии старшина В.И. Василевский награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями "За отвагу", "За

боевые заслуги" и другими. Демобилизован в 1947 году.

Все послевоенные годы до ухода на пенсию Владимир Иванович посвятил работе в печати. Окончил заочно Уральский госуниверситет, редактировал макушинскую районную, шумихинскую межрайонную газеты, более 20 лет был заместителем редактора газеты "Советское Зауралье" ("Красный Курган", "Новый мир"). Член Союза журналистов России. Издал ряд книг. Лауреат местных и всесоюзных литературных конкурсов.

В.И. Василевский - председатель областного комитета ветеранов войны, член Российского комитета ветеранов войны. За большую патриотическую работу награжден орденом Дружбы.

Давно мечтал побывать в этом городке, где в годы Великой Отечественной принял первый бой. И вот я в Лодейном Поле, на встрече со своей юностью.

Иду в парк Победы, что разбит после войны на крутом берегу Свири. На том самом месте, где наши части 1005 дней держали оборону. Тогда здесь проходила передовая. В парке и поныне сохранились наши траншеи, полуобвалившиеся от времени КП, блиндажи...

Земля эта обильно начинена металлом. Беру горсть. Ветер сдувает с ладони облачко суглинка, и остается в руке ржавый металл. Земля, обожженная войной, больна и поныне.

Вот рваный осколок... Мне подумалось, что это рыжее до красноты железо - осколок чьей-то горячей жизни. Может, кого-то из ребят нашей 9-й роты, которые так и не успели добежать до заветного берега Свири, или из солдат соседней батареи, что пали в этом бою. А может, это кровь моих земляков-зауральцев М.И. Шушарина, Н.М. Горбачева, С.П. Чуклинова или командира роты П.И. Хантеева, однополчан москвича А.П. Быстрова, ребят из Киргизии - Карыбая Омуралиева, Аскарбека Рыспаева, Давлета Халитова, которые бесстрашно вели себя в бою.

А вот у этого дерева была моя огневая точка. Рваные дыры по всему стволу сосны. Помню, плотный был огонь. И дерево, стоя, приняло смерть. Окоп теперь неглубок. А тогда был в полный профиль. Бесхитростные колокольчики, ромашки и веселая травка проросли на бруствере.

Память вернула меня к тем далеким дням. Вспомнились ребята, которые легли вот здесь, в эту землю, растворились в ней, сделали ее частью, стали этой густой травой и полевыми цветами. Да, густо замешана эта земля.

Один день войны. "Переправа, переправа, берег левый, берег правый..."

* * *

...Предстояло форсировать Свирь. А как это сделать, если затаившийся враг готов смести смертоносным огнем все живое, что появится на просторе реки.

И тогда командование, чтобы обмануть гитлеровцев, решило обозначить начало форсирования реки переправой ложного десанта. Предполагалось, что враг, обнаружив его, откроет огонь и даст возможность нашим артиллеристам выявить и уничтожить огневые средства противника. Только после этого должно было начаться форсирование реки главными силами.

Гвардейцам нашего 300-го полка предстояло первыми форсировать Свирь. Вечером в батальон пришел майор Курганов, служивший до этого комиссаром в полку, где совершили свой подвиг 28 героев-панфиловцев.

- Для выполнения боевой задачи нужны смелые ребята, - сказал он, всматриваясь в лица бойцов.

И сделал паузу.

- Добровольцы есть? Три шага вперед!

Коммунисты и комсомольцы, а за ними весь строй, слегка покачнувшись, сделали три шага вперед.

Майор улыбнулся и спокойно заметил:

- Надо всего двенадцать человек. Двенадцать выносливых, физически крепких, умеющих отлично плавать...

- Подумайте, - сказал командир полка Данилов, когда двенадцать гвардейцев остались с ним с глазу на глаз. - Пойдете первыми. Вы знаете, что это значит?..

Предстоял нелегкий бой.

Последний день перед переправой показался особенно длинным. Багровый диск солнца как бы нехотя, медленно опускался за горизонт. Наступила ночь - ночь перед боем. Мы не смыкали глаз, наблюдали за противоположным берегом, где завтра предстояло прорвать проволочные заграждения, взять ходы сообщения, подавить доты и другие огневые точки противника и развить наступление.

Свирь... Спокойно несла она свои воды в Ладогу, как, быть может, несла их тысячу лет назад. Тишина... Но как зловеща она перед боем! Что предвещает она двенадцати смельчакам? Кто знает, что ждет нас на том берегу? Да и кто доплывет?

Медленно начинался над Свирью рассвет 22 июня 1944 года. На востоке занялась заря. Белая ночь незаметно переходила в утро. Плыл над водой густой туман.

- Пора! - раздалась команда.

Враг притаился и хранил молчание. Только изредка где-то далеко слышны были одиночные выстрелы.

Двенадцать гвардейцев поднялись и молча вошли в воду. И поплыли через Свирь плоты. На плотках макеты солдат с автоматами в руках, с деревянными пулеметами.

“Переправа, переправа, берег левый, берег правый...”

И вдруг... Зловещую тишину разорвало несколько взрывов. Фашисты заметили “флотилию” и открыли бешеный огонь из всех видов оружия. Мины и снаряды рвались рядом. Над головами гвардейцев свистели пули. Осколки с шипением и свистом шлепались в волны реки. Враг неистовствовал. Правый берег изрыгал и сеял вокруг смерть.

А плоты все ближе и ближе к вражескому берегу. Их толкали те, кто добровольно взялся вызвать огонь на себя, дать возможность главным силам переправиться малой кровью.

Пули и осколки снарядов и мин расщепляли плоты, со свистом вонзались в чучела. Но десантники двигались вперед. Из-за разрывов, покрывавших поверхность реки, и водяной пыли мы с берега едва различали плотки и двенадцать ребят. На середине кипящей от разрывов реки один за другим плоты стали взлетать на воздух. Река бурлила и вставала столбами от густых и частых разрывов.

Враг, почуяв неладное, перевел огонь на левый берег, на наши траншеи. Кругом рвались снаряды и мины. Земля ходила ходуном. Стало трудно дышать. Солнце заволочли облака пыли.

Теперь заговорила и наша артиллерия - сотни орудий разных калибров, минометы, “катюши” обрушили свой огонь на врага. Самолеты сбросили свой бомбовый груз. Каждую минуту на голову противника из 1600 орудий и минометов обрушивалось, как потом подсчитали специалисты, шесть вагонов боеприпасов. Плотность огня была велика.

По сигналу красной ракеты началась массовая переправа. К вечеру мы заняли вторую линию обороны противника. Всюду валялась исковерканная вражеская техника. Пахло гарью. Косые лучи натруженного за день солнца освещали трупы фашистов, нашедших свою мо-

гилу на чужой земле. Потеряли и мы немало своих гвардейцев-десантников. Но оборона врага была смята и раздавлена.

Родина высоко оценила подвиг двенадцати комсомольцев-десантников: всем присвоено звание Героя Советского Союза. А было им в ту пору по 18-19 лет. Многие зауральцы за тот бой тоже были отмечены Родиной. Получил тогда и я свою первую боевую награду - дорогую для меня медаль "За отвагу". Вскоре вручили мне и партийный билет.

* * *

Через тридцать лет побывал я в своем окопе. Стоял, задумавшись, и не заметил, как ко мне подошла девчушка. Она играла невдалеке, там, где когда-то был наш взвод. Подошла и спросила:

- Вы кого-нибудь ищете?

- Ищу, - ответил.

- И нашли?

- Да.

- Кого?

- Окоп свой.

- Окоп? Вы тут воевали?

- Воевал.

- А мне мама рассказывала, - продолжала она, - что здесь много наших погибло, когда переправа была. Правда это?

- Правда.

- А еще больше на том берегу фашистов осталось...

- И это правда.

- Меня тогда еще на свете не было, - с какой-то грустью проговорила она.

Я промолчал. А сам подумал: "Милая ты моя девочка! Счастье это твое, что ничего этого не видела".

ЕФИМ ВЕРЕВКИН

В ПОРТ-АРТУРЕ СВОЙ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД

Ефим Дмитриевич Веревкин родился в 1927 году в селе Вагай Тюменской области. В армию призван в октябре 1944 года после окончания средней школы. Служил оружейным наводчиком в 262-й стрелковой дивизии 39-й армии Забайкальского фронта. Закончил войну в 1945 году в Порт-Артуре. Отличился в бою под станцией Болотай, за что награжден медалью «За отвагу».

После войны окончил финансово-экономический техникум и финансовый институт. Последние 17 лет до выхода на пенсию работал заместителем начальника управления «Кургансельстрой».

В мае сорок пятого я окончил Калачинскую школу отличных стрелков снайперской подготовки и отбыл к месту службы в Монголию. При распределении был зачислен в 315-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион (ОИПТД) в качестве оружейного наводчика.

Мне довелось участвовать в разгроме миллионной Квантунской армии японцев. Но вначале был 500-километровый марш по пустыне Гоби, по безводным степям. Шли мы только ночью. В ночь с 8 на 9 августа пересекли границу и пошли в наступление.

Условия были тяжелейшие: начались муссонные дожди, а нам надо было преодолеть горный хребет Большой Хинган. Наш 315-й ОИПТД шел в голове дивизии и первым вступил в бой.

Была отдана команда открыть огонь по вражескому эшелону. Орудие, при котором я был наводчиком, сделало несколько выстрелов. Попадание в паровоз. Состав остановился и загорелся. Японцы, более трехсот человек, в том числе и курсанты Солуханьского военно-офицерского училища, ринулись в долину, где росла двухметровая кукуруза. Завязался ожесточенный бой. Мы били прямой наводкой разрывными снарядами. Часть японских снайперов и пулеметчиков засела на Голой сопке и вела по нам прицельный огонь. А мы со своими автоматами ППШ ничего сделать не могли из-за малой дальности стрельбы.

Подошла наша пехота и сходу открыла огонь по зарослям кукурузы. Вступили в бой наши подоспевшие танки. День клонился к вечеру, а бой все длился, мы никак не могли взять Голую сопку. Она была хорошо укреплена, наши снаряды не могли уничтожить ее доты и дзоты. Малоэффективны были и танки: склоны сопки крутые, каменистые, скользкие, и танки буксовали и скатывались вниз. Пехоту же японцы поливали из пулеметов.

Но вот к исходу дня подошла "катюша". Она и решила все дело. Один залп термитными снарядами - и верхушка сопки задымилась, загорелась земля. Японцы замолчали.

Под мощным напором советских войск Квантунская армия 17 августа капитулировала.

3 сентября наша дивизия вошла в город Порт-Артур.

АНАТОЛИЙ ВЕТЛУГИН

НА ТАНКЕ ЧЕРЕЗ ЕВРОПУ

Анатолий Яковлевич Ветлугин родился в 1925 году.

В феврале-марте танкист Ветлугин был отправлен с эшелоном под Одессу.

Воевал в Молдавии, с боями прошел Румынию, Венгрию, Австрию. Закончил войну в Чехословакии. Неоднократно был ранен.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями - двумя "За отвагу", "За взятие Будапешта", "За взятие Вены", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." и другими.

После войны окончил институт, четверть века отдал педагогической работе.

БОРИС ГУРЬКОВ

ПУТЬ НА ЗАПАД

Гурьков Борис Алексеевич, 1925 года рождения, в Красную Армию призван в декабре 1942 года Пролетарским райвоенкоматом г. Куйбышева. В составе 7-го механизированного корпуса (седьмой гвардейский Нежинско-Кузбассовский ордена Суворова механизированный корпус) прошел с боями от Днепра до Берлина и Праги.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями: "За взятие Кенигсберга", "За освобождение Праги", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." и другими. Имеет гра-

моты Верховного Главнокомандующего за овладение рядом городов, за форсирование Одера, за вступление в Берлин.

— После окончания семилетки я пришел на Куйбышевский авторемонтный завод, стал токарем-универсалом. Работал там на изготовлении снарядов до декабря 1942 года. А потом меня призвали в армию, попал на радиотелеграфные курсы. Окончив их, я стал радистом 3-го класса.

В конце апреля сорок третьего с фронта приехали офицеры набирать команду. Отобрали 150 человек, и после майских праздников нас погрузили в товарные вагоны и отправили на фронт. В пути чуть-чуть "по-

нюхали пороха" - на станциях Кантемировка и Россось мы попали под бомбежку.

В начале июня мы прибыли к месту назначения - в 7-й механизированный корпус. Я был направлен в 147-й отдельный батальон связи, в экипаж радиостанции, которая была установлена на машине "ГАЗ-АА".

6 июля наш корпус получил участок для наступления на Орловско-Курской дуге в направлении Нежин - Остер - Конотоп - Бахмач - Козелец.

Подошли к Днепру. Начались упорные бои за плацдарм на противоположном берегу реки. К этому времени я был переведен стрелком-радистом на танк Т-34. Заняли мы плацдарм шесть километров вдоль берега и шесть - вглубь, и ночами стали переправлять технику корпуса. Работали две понтонные переправы. За 3-4 ночи занятый плацдарм был заполнен техникой до предела.

Пока шла переправа, немцы молчали, а как только вся техника корпуса сосредоточилась на занятом нами плацдарме, они открыли по нам массированный огонь артиллерии и авиации. Корпус нес большие потери в живой силе и технике. Танк, на котором я был радистом, был поврежден, но экипаж не пострадал. Я был переведен во взвод подвижных средств связи.

После завершения операции на Курской дуге корпус был отведен на формирование, так как потерял много боевой техники и личного состава. 28 октября 1943 года корпусу было присвоено звание "Гвардейский Нежинско-Кузбассовский ордена Суворова механизированный корпус".

Вспоминаю такой эпизод. Наша часть подошла к речушке. Не речушка вроде, а ручеек шириною 5-6 метров. Но берега этого ручейка, как кисель, топкие и довольно на большой ширине. Стали мы переправляться - тонут тяжелые машины, одна застряла, другая... За ручейком было хлебное поле, а по нему какие-то уж очень большие копны убранного хлеба. И вот, когда уже довольно поднакопилось застрявшей техники, копны вдруг зашевелились, из-под них выехали замаскированные "тигры" и открыли огонь. На наше счастье, за нами следовал артиллерийский полк. Пушкари быстро развер-

нули орудия на прямую наводку и подбили четыре танка, а остальные ушли.

Наш корпус принимал участие в боевых действиях в Восточной Пруссии. После прорыва обороны под Кенигсбергом нас перевели на отдых и пополнение в Польшу.

Небольшая передышка - и на Берлин. Форсировали Одер, Эльбу. В девяноста километрах южнее Берлина две наши бригады и медсанбат попали в окружение.

В двадцатых числах апреля 1945 года им удалось из окружения выйти. На ходу пополнившись техникой и личным составом, корпус двинулся на освобождение Праги.

Закончилась война. В декабре 1945 года меня направили на курсы автотехников при Центральной группе войск в Австрии. Окончив их, я служил до увольнения из армии командиром автомобильного взвода в 59-м отдельном ордена Красной Звезды автомобильном полку.

ГРИГОРИЙ ДЕНИСЕНКО

И РЕШИЛ АРТИЛЛЕРИСТ СТАТЬ ВРАЧОМ

Денисенко Григорий Филиппович родился в 1918 году в деревне Смирновке Усть-Уйского (ныне Целинного) района Курганской области. Учился в Кислянской средней школе. Работал до войны на Челябинском тракторном заводе, в комхозе "Пятилетка". В Красную Армию призван в 1940 году. В войну вступил 25 июня в составе 20-й армии в районе Витебска. Защищал Ленинград. В 1942 году был тяжело ранен.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями.

После войны окончил медицинский институт. Врачом проработал сорок лет.

В феврале 1940 года нас, группу парней, призвали в Красную Армию и зачислили в полковую школу 365-го артиллерийского полка 153-й стрелковой дивизии. После окончания школы и присвоения звания младшего сержанта я был направлен в 505-й стрелковый полк командиром 76-мм орудия.

Служба шла хорошо. Я был физически крепкий, выносливый, и все давалось мне легко. Полк наш стоял на зимних квартирах в г. Ирбите, а летом мы выезжали в Камышловские лагеря.

14 июня 1941 года нас подняли по тревоге, погрузили в вагоны. Комиссия проверила, как закрепили орудия, разместили лошадей, как устроен личный состав.

Эшелон тронулся. В Свердловске мы получили фураж, все необходимое. Тут же нам зачитали приказ: двери и окна вагонов на разъездах и станциях не открывать, за невыполнение приказа - военный трибунал. Мы поняли, что едем не на тактические учения.

22 июня на станции Чудово мы остановились согласно расписанию, чтобы вывести лошадей на прогулку. Но не успели мы вывести их из вагонов, как прозвучала команда: "По вагонам!". Нам объявили, что сегодня Германия вероломно напала на Советский Союз.

Нам дали "зеленую улицу". Ночью на станции Витебск мы выгрузились, заполнили зарядные ящики и передки орудий снарядами. Нам выдали новое обмундирование, и мы выступили в направлении Минска.

Когда мы находились на марше, над нами появился самолет-разведчик. Покружился и улетел. Прошло какое-то время, и нас стали бомбить немецкие самолеты. Так 25 июня мы вступили в войну.

А первый и самый памятный настоящий бой мне пришлось принять во второй половине июля в Витебской области, рядом со Смоленской. Орудия еще были на передках, перед нами была небольшая высотка, а сзади болото. Эта высотка сильно обстреливалась немцами, подряд рвались снаряды и мины, велся сплошной автоматный и пулеметный огонь. И вот поступает приказ командира батареи вытащить орудия на высотку, ожидаются танки противника. Я предложил старшему лейтенанту обогнуть высотку и там установить орудия на прямую наводку. Сектор обстрела будет тот же. Но он повторил приказ. Я видел, что, как только сунемся туда, все орудия будут уничтожены. И отказался выполнять приказ. Он выхватил пистолет: расстреляю! А я отдал приказ: "Взвод, галопом за мной!" Обогнули высотку, установили орудия у ее подножия. И тут увидели танки.

Мы открыли по ним огонь прямой наводкой. Немцы не ожидали здесь нас встретить, а потому наши позиции не "обработали" перед атакой. Мы сразу подожгли четыре танка. И тут в расположении взвода появился какой-то полковник, спрашивает, чьи орудия. Я доложил: "Командир взвода 76-мм арторудий сержант Денисен-

ко". А в это время у крайнего левого орудия упал снаряд, и весь расчет погиб.

Я столкнул тело наводчика с сиденья, сам сел за панораму, кричу полковнику: подавай снаряды! Ну и, конечно, мать твою, перемать... Подбили мы с ним два танка, другие орудия еще два... Всего мой взвод уничтожил восемь танков. Остальные ушли в укрытия. После этого поступила команда отходить в лес.

Только заехали мы в лес, вызвали меня в политотдел. Зашел в дом (видимо, это был дом лесника), за столом три человека. "Разоружить предателя! - отобрали у меня две гранаты, пистолет, карабин, клинок. А дальше, не слушая моих объяснений. - Расстрелять!" В это время заходит тот полковник: "В чем дело?" Ему доложили, что я отказался выполнить приказ. Полковник рассказал, что взвод сержанта уничтожил 8 танков и лично он - 2 танка. Правда, говорит, меня отmaterил здорово, а действовал правильно. Тройка, выслушав мои объяснения, отпустила меня. Позднее я узнал, что полковник тот был член военного совета Захаров. Он был в штабе дивизии, когда на территорию штаба просочились немецкие автоматчики, и случайно оказался в распоряжении моего взвода. Вот эта случайность и спасла меня.

Наша дивизия нанесла большой урон танковой армии Гудермана на территории Смоленской области. 8 августа мы вышли из окружения на Савеловской переправе через Днепр, хотя в то время уже никакой переправы не было.

Приказом Народного комиссара обороны № 308 от 18 сентября 1941 года нашей 153-й дивизии было присвоено звание гвардейской, и она была переименована в третью гвардейскую стрелковую дивизию. Нас перебросили на Ленинградский фронт.

Выгрузились мы на станции Жихарево - и сразу в бой. Особенно тяжелые бои были у деревни Гайталова, продвигались на 20-25 метров в сутки. Там на каждом метре солдатские могилы.

Мой взвод позднее занял позицию на берегу Черной речки. На сутки нам выдавали по 4 снаряда на орудие. Огонь открывать мы имели право только по танкам или

по крупным огневым точкам. Тогда мой взвод уничтожил батарею противника по приказу командира 9-го стрелкового полка. Это было в октябре 1941 года. Меня вызвали в штаб полка, заполнили наградной лист на орден Красного Знамени, сфотографировали. Фотографию я послал родителям. А наградной лист "осел" где-то в папках особого отдела.

Дивизию перебросили на Волховстрой. 12 декабря 1941 года мы пошли в наступление. Снарядов теперь было достаточно, так как нам делегация рабочих из Свердловска привезла в подарок целый состав боевого снаряжения.

22 декабря освободили станцию Погостье. Она много раз переходила из рук в руки. От нее ничего не осталось, только горы трупов. Каждую ночь приходило пополнение, и бойцы спрашивали: "А где же станция?" Мы все время стояли на прямой наводке, окапываться некогда было. Много боевых товарищей потеряли у этой кровавой станции.

4 февраля 1942 г. мне было присвоено звание младшего лейтенанта, в том же месяце меня приняли кандидатом в члены партии.

31 марта 1942 года в наступлении в направлении станции Чудово я получил тяжелое ранение. В сознание я пришел лишь через 18 суток в госпитале Волховстроя.

Когда я пришел в сознание, врач сказал мне, что на меня нет никаких документов, а в истории болезни лишь записано, что в медсанбат полка меня доставил сержант Белобородов.

Я попросил медсестру эвакогоспиталя, чтобы она написала под мою диктовку в штаб полка. Пришел ответ, что моим родителям выслана похоронка, отозван денежный аттестат. Мне был выслан аттестат и сообщено, что остальные документы отправлены в Москву как на погибшего.

Главный хирург предложил мне ампутацию правой ноги. Я категорически отказался. После чистки раны и удаления костных и металлического осколков я стал поправляться, начал осторожно учиться ходить... Тогда у меня появилась мысль стать медиком.

После госпиталя я получил месячный отпуск и предписание явиться в отдел кадров артиллерии Уральского военного округа. Там по предписанию медкомиссии я был уволен из армии.

Работал военруком в Усть-Уйской средней школе, в Кислянской школе того же района. В 1945 году поступил в Курганскую фельдшерско-акушерскую школу и в 1948 году окончил ее. Отработал три года и поступил в Челябинский медицинский институт. Все годы учебы работал в неотложной помощи. А после - сорок лет врачом...

После окончания школы в 1935 году я ушел в армию. Там в течение нескольких лет служил в артиллерии. В 1945 году поступил в Курганскую фельдшерско-акушерскую школу, которую окончил в 1948 году. После этого работал военруком в Усть-Уйской и Кислянской школах. В 1951 году поступил в Челябинский медицинский институт, который окончил в 1954 году. С тех пор работал врачом в неотложной помощи.

После окончания школы в 1935 году я ушел в армию. Там в течение нескольких лет служил в артиллерии. В 1945 году поступил в Курганскую фельдшерско-акушерскую школу, которую окончил в 1948 году. После этого работал военруком в Усть-Уйской и Кислянской школах. В 1951 году поступил в Челябинский медицинский институт, который окончил в 1954 году. С тех пор работал врачом в неотложной помощи.

После окончания школы в 1935 году я ушел в армию. Там в течение нескольких лет служил в артиллерии. В 1945 году поступил в Курганскую фельдшерско-акушерскую школу, которую окончил в 1948 году. После этого работал военруком в Усть-Уйской и Кислянской школах. В 1951 году поступил в Челябинский медицинский институт, который окончил в 1954 году. С тех пор работал врачом в неотложной помощи.

После окончания школы в 1935 году я ушел в армию. Там в течение нескольких лет служил в артиллерии. В 1945 году поступил в Курганскую фельдшерско-акушерскую школу, которую окончил в 1948 году. После этого работал военруком в Усть-Уйской и Кислянской школах. В 1951 году поступил в Челябинский медицинский институт, который окончил в 1954 году. С тех пор работал врачом в неотложной помощи.

АЛЕКСАНДР ДОМАРЕВ

МЕДАЛЬ ЗА ОТВАГУ

Домарев Александр Николаевич, 1915 года рождения, был призван в армию в 1935 году. Служил на Дальнем Востоке.

Войну встретил под Сталинградом. Был тяжело ранен. После лечения в госпитале был демобилизован. Инвалид I группы.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, медалями "За отвагу", "За оборону Сталинграда", юбилейными.

— Службу свою я начал в 1935 году на Дальнем Востоке. С отличием окончил артиллерийскую школу и был направлен в 153-й артиллерийский полк 32-й Краснознаменной дивизии резерва главного командования. Дивизия стояла у озера Хасан, затем передислоцировалась на Халхин-Гол.

Воевать начал под Сталинградом командиром взвода в звании старшего лейтенанта. Там я пробыл в общей сложности около 6 месяцев - с июля по декабрь 1942 года. И все это время мы сдерживали натиск немцев под хутором Вертячим. Помню, как-то в конце декабря немцы пошли в атаку на моем участке. Их было где-то человек шестьдесят. Пьяные, шли в полный рост. Подпустив их метров на 10-15, мы открыли огонь из винтовок. Я палил из автомата ППШ. Выскочили из окопов и с криками "Ура!" бросились на немцев. Половина фашистов остались на поле боя убитыми, остальные бежали. Я застрелил из своего автомата их командира.

После боя подошли ко мне командир полка Казачковский, комиссар Малышко и с ними еще один военный. Тот, третий, сказал: "Наградить командира". В этот же день мне вручили медаль "За отвагу". Потом я узнал, что тот, третий, был Г. К. Жуков.

В декабре 1942 года я получил тяжелое осколочное ранение в ногу и был контужен. Год я лечился в Уфимском госпитале, перенес 9 операций. Ногу спасли, но она стала короче. Я был демобилизован, война для меня закончилась.

В 1943 году я вернулся в Кировскую область, откуда призывался. У меня не было никакой специальности. Пришел на костылях в райком партии. Там меня определили в колхоз пропагандистом. А позже я 20 лет отработал редактором районной газеты.

После окончания партийной школы в Москве был направлен в Курганскую область. Работал парторгом на заводе ЖБИ на ст. Иковка, контролером на "Дормаше", в тресте "Зауралсельэлектросетьстрой".

С 1975 года на пенсии.

II-

В 1942 году я попал в госпиталь в Уфимском госпитале. Там я пролежал год. После этого я вернулся в Кировскую область. Там я работал редактором районной газеты.

После окончания партийной школы в Москве был направлен в Курганскую область. Работал парторгом на заводе ЖБИ на ст. Иковка, контролером на "Дормаше", в тресте "Зауралсельэлектросетьстрой".

АННА ЕВДОКИМОВА

ГЕОГРАФИЮ УЧИЛИ НЕ ПО УЧЕБНИКУ

Евдокимова Анна Яковлевна родилась в 1921 году в селе Марай Половинского района. В августе 1942 года ушла на фронт добровольцем. Прошла с 29-м отдельным полком связи боевой путь от Ленинграда до Чехословакии, где и встретила День Победы.

Анна Яковлевна имеет награды: орден Отечественной войны II степени, медали - "За боевые заслуги", "За победу над Германией" и другие.

В настоящее время - пенсионерка, ведет большую общественную работу в городском совете ветеранов, в клубе ветеранов блокадного Ленинграда.

После короткой подготовки я попала в 29-й отдельный полк связи, обеспечивавший связью командование 7-й армии на Карельском фронте. Полк стоял в селе Аলেখовщина Лодейно-Польского района Ленинградской области.

Противник пытался вести наступление через Тихвин на Лодейное Поле, чтобы замкнуть Ленинград вторым кольцом блокады и принудить его к капитуляции. До июня 1944 года войска 7-й армии вели ожесточенные бои, не давая возможности немецким войскам, наступавшим со стороны Волхова-Тихвина, соединиться с финскими, занимавшими оборону по реке Свирь. Связистам прихо-

дилось часто менять пункты связи под непрерывным огнем неприятеля и нести большие потери.

И вот 21 июня 1944 года началась Свирско-Петрозаводская наступательная операция войск Карельского фронта - последняя крупная операция в ходе Ленинградской битвы. Закончилась она 9 августа полным разгромом финских войск.

После изгнания финских войск с нашей территории нам пришлось какое-то время заниматься совсем не военным делом. Наш полк принял активное участие в уборке урожая с полей Южной Карелии, оставленной финнами. Но такая "мирная жизнь" длилась недолго.

В январе сорок пятого наш полк связи был направлен на 3-й Украинский фронт в Венгрию (в г. Цеглед). 16 марта после жестоких боев в районе озера Балатон войска 3-го Украинского фронта перешли в наступление в направлении Секешфехервар - Папа - Шапрон - Винер - Вена. В этой операции мы воевали в составе 9-й гвардейской армии.

13 апреля была взята столица Австрии Вена, а наш полк в составе 9-й гвардейской армии продолжал освободительный поход по Чехословакии. Когда немецкая группировка в Чехословакии была разгромлена, полк закончил свое участие в Великой Отечественной войне.

После направления в г. Чехаркув, где находилась штаб-квартира 9-й армии сформировались в гвардейских частях два фронта. Здесь состоялся полковник школы, получил командование бригадой младших сержантов и вступил в должность заместителя командира. Для прохождения кандидатской сессии был направлен в Москву, где проходил курс 9-й гвардейской километровой части, на которую были направлены роты 9-й гвардейской бригады.

В октябре 1945 года мы выехали на фронт в Югославию. Основным направлением нашей операции была:

Первый бой. Первые атаки были совершены в направлении Хорватия. Скорость ракет по направлению к цели в воздухе достигала плановых. В результате артиллерийского огня в воздухе слышались звуки, дыма и огня. Дым был слышен в воздухе. Были слышны звуки.

Анатолий ГОЛОВКОВ

ПЕХОТА

Волей всевышней царица-пехота
 В высшие сферы занесена.
 Месит суглинок уставшая рота...
 А впереди все война да война.
 Тронная, вам доложу, обстановка:
 Алый закат, золотое жнивье,
 Бьет по ногам за спиною винтовка,
 Ибо я ростом почти что с нее.
 В общем-то я выделяюсь едва ли
 Чем-то особо в солдатском строю.
 Каска, шинелька, обмоток спирали,
 Уж об усталости не говорю.
 Стойко ворочая почву пудами
 И оставляя подметки на ней,
 В отблеске славы гремит котелками
 По бездорожью царица полей!..

- II Пехота карликовой полгоронысье и пещеры в 23-й от-
 деленной полке гвардии, обескураженный самоду-
 рством 7-й армии на Кармановском фрон-
 те. Путь отнял в чате Давидовича Николай Ольховский
 пароник Ленинградской области.

Протекция Волжск восток энтузиастике мэра Таллин
 на Давидовича Пеле. чтобы замкнуть Ленинград вторым,
 солдата Финляндия и проиходит это в амбулатории. До
 слезы 1941 года войны 7-й армии война областного бой.
 Не доработать ответственности ответственности, на туловище
 на отрядом Восточная-Таллин, подвинулись в финских
 антипарашютизм сборнику по реке Севра. Сопоставил приго-

ИВАН ЕВДОКИМОВ

ЗАЛПЫ „КАТЮШИ“

Евдокимов Иван Александрович, 1923 года рождения, был призван в армию Звериноголовским райвоенкоматом в 1942 году. Воевал под Ржевом, участвовал в боях за освобождение Смоленщины, Белоруссии. В армии служил до 1953 года.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”.

-В 1942 году мне исполнилось 19 лет. Я был призван Звериноголовским райвоенкоматом в Красную Армию. Шла война.

Меня направили в г. Чебаркуль, где находился лагерь, в котором формировались и готовились резервы для фронта. Здесь окончил полковую школу, получил воинское звание младший сержант и военную специальность минометчика. Для прохождения дальнейшей службы нас направили в Москву, где формировался 99-й гвардейский минометный полк, на вооружении его стояли установки БМ-13 - “катюши”.

В октябре 1942 года мы выехали на фронт под г. Ржев. Отсюда начался боевой путь нашего полка.

Первый бой. Первые залпы наших гвардейских минометов. Скрежет ракет по направляющим пакета с яркими хвостами пламени. В расположении противника море сплошного огня, дыма и пыли. Даже нам сначала немножко было страшно. Быстро меняем огневые

позиции. Немцы больше всего боялись этого грозного оружия, которое поражало их живую силу и технику, наводило панический ужас на солдат и офицеров. Они буквально охотились за батареями и использовали все средства для их уничтожения. От бомбежек и артиллерийских обстрелов нередко несли потери и гибли наши гвардейцы.

Полк участвовал в боях на Калининском, Центральном, 3-м Белорусском фронтах. За все это время были сделаны сотни пусков, выпущены тысячи снарядов по вражеским целям.

Я занимал должность наводчика реактивной установки. В составе полка принимал участие в боях за освобождение Смоленской области, Белоруссии, городов Духовщина, Демидово, Смоленск и других.

В декабре 1943 года я заболел и был направлен в военный госпиталь в г. Томск, а затем в санаторий в Новосибирскую область.

После выздоровления в мае 1944 года стал курсантом Киевского Краснознаменного военного училища. В 1946 году окончил училище, получил воинское звание младший лейтенант и был направлен для прохождения военной службы в Группу оккупационных войск в Германии (г. Дрезден) на должность командира зенитно-пулеметного взвода 40-го, а затем 1-го танкового полка.

С 1950 года служил в Белорусском военном округе в 60-м танковом полку на станции Пуховичи. В 1953 году, при сокращении Вооруженных Сил, был уволен из Советской Армии в запас.

После демобилизации работал в г. Кургане, в школах № 26, № 37, преподавателем военного и физического воспитания.

В 1968 году работал военным руководителем по вневойсковой подготовке в СПТУ-5, с 1989 года - мастером производственного обучения городских курсов гражданской обороны.

ФЕДОТ ЕЛИСЕЕВ

У ДНЕПРОВСКИХ КРУЧ

Елисеев Федот Васильевич - профессиональный военный, Герой Советского Союза, Почетный гражданин города Кургана, родился в 1915 году в деревне Елисеевке в Башкирии. В 1936 году призван в Красную Армию. В 1940-м окончил курсы младших лейтенантов. На фронте - с начала Великой Отечественной. В 1943 году окончил курсы "Выстрел". Командовал батальоном 205-го гвардейского полка 70-й гвардейской стрелковой дивизии. Батальон гвардии капитана Елисеева 20 сентября 1943 года успешно переправился на правый берег Днепра, захватил плацдарм, чем способствовал форсированию реки другими подразделениями. Звание Героя Ф.В. Елисееву присвоено 16 октября 1943 года.

После войны работал военным комиссаром Курганской области. В 1967 году вышел в запас в звании полковника.

— Свои мощные укрепления на правом берегу Днепра фашисты называли "восточным валом". Бетонированные доты, блиндажи, врытые в землю танки, несколько поясов глубоких окопов и траншей. Град снарядов и пуль обрушивается на левый берег, едва там заметят какое-либо шевеление. Ночами небо непрерывно озаряется от осветительных ракет и трасси-

рующих снарядов. И вот этот-то "восточный вал" предстоит штурмовать, форсировав могучую реку.

В двух километрах от Днепра, в деревеньке Глыбово, затаился перед смертельным броском мой третий батальон. Я, комбат, с местным старичком рыбаком с ночи укрылись в прибрежных камышах. Целый день веду наблюдение за правым берегом, изучаю каждый куст, каждый бугорок, за который можно будет зацепиться. Ночью - переправа.

Ночь с 20 на 21 сентября 1943 года была ненастной. Только что в ротях прошли партийные и комсомольские собрания. У ротных партторгов стопки заявлений: "Прошу принять меня в партию..." И вот батальон готов к форсированию реки. Пора.

Крепко обняв бревна, тихо, без всплеска, гребут бойцы. Над водой лишь головы торчат. Рядом на лодках - минометы, на плоту - пушка-сорокопятка. Льет дождь. Вот и середина реки, а правый берег молчит. Не догадывался я тогда, что немцы не хотят мокнуть под дождем, ракеты для острастки запускают прямо из блиндажа. Уверены, что русские в такую ночь не сунутся.

Вот уже и дно под ногами, берег. Солдаты карабкаются на крутояр по липкой глине. Первые траншеи пусты. Немцы укрылись в блиндажах. Когда туда ворвались мои бойцы, фашисты от неожиданности буквально оцепенели. Схватка была жестокой и короткой. На валу дежурили лишь малочисленные дозорные посты. Главные силы немцев были расположены в селе Домантово.

Я радировал в полк о первом успехе и принял решение быстро расширить плацдарм. Разведчики ушли в Домантово и вскоре вернулись со старожилом, встретив его за селом. Он рассказал, что в селе много немцев, спрятались от непогоды и спят. И еще он заметил, где у них стоят пушки и пулеметы. Оставив на берегу небольшой заслон, я повел батальон на Домантово. Гранатами забросали пулеметные точки и штаб, захватили две пушки. Немногим гитлеровцам удалось уйти живыми. Я выставил охрану и отдал бойцам приказ разойтись немного отдохнуть по хатам. А дождь все лил.

Хмурым утром, часов в десять, посты доложили о приближающейся колонне немцев. Отдал приказ подпустить их на бросок гранаты, без команды не стрелять. Внезапность и здесь помогла. Немцы не ожидали напасть здесь на русских. Это было какое-то строительное подразделение. Почти все оно было уничтожено.

Немцы ударили по нам после обеда. Сначала Домантово обстреляла артиллерия, а затем пошли "тигры". За ними - цепи автоматчиков. Против "тигров" наши противотанковые ружья были бессильны. Пришлось оставить село и лесопосадками добираться к берегу, к немецким траншеям. Там мы и заняли оборону: впереди немцы, сзади - обрывистый берег Днепра. Бойцы сражались отчаянно, но наши ряды таяли. Нам было приказано держаться до последнего. (В батальоне не знали тогда, что наша роль - отвлечь немцев от направления главного удара, значительно южнее).

На пятый день положение стало катастрофическим. Немцы смяли левый фланг. Чтобы восстановить линию обороны, пришлось идти врукопашную. Это было страшное зрелище. Немцев выбили, но в бою погиб командир роты Саша Гавриленко.

Шестую в этот день атаку немцы начали с танкового броска. Отбить ее помогли форсировавшие Днепр механизированные части. Прорыв на главном направлении не удался, и командование решило развивать наступление на нашем участке. Это и спасло остатки батальона, зацепившегося за правый берег.

А через неделю командир полка поставил новую трудную задачу - взять и удерживать высоту 105/4, что давало возможность контролировать рокадную дорогу Чернобыль-Киев и еще две важные прифронтовые дороги. Это было очень нужно: готовилось наступление по освобождению Киева.

Дал мне комполка две учебные роты сержантов, а из батальона разрешил взять кого посчитаю нужным. После тщательной разведки батальон ночью топами пробрался в немецкий тыл. Пока бойцы собирались у лесной опушки, разведчик вел наблюдение за дорогой. Скоро связной от него доложил, что по дороге прошло около

роты немцев. И тут родилась идея - двигаться к цели походной колонной. Только бойцы вышли к дороге, как к ним примкнула группа немцев с походной кухней и повозкой. В темноте они, видимо, приняли нас за своих. Один из немцев попытался что-то спросить, но ему быстро заткнули рот. Но заорать он все же успел. Немцы, почуяв неладное, разбежались. На козлы кухни сел наш боец с переводчиком и погнался в голову батальона.

Дорога вывела на поляну, где стояли пушки. Часовой вышел навстречу. Ему и в голову не могло прийти, что здесь появятся русские. Быстро уничтожили спящих гитлеровцев, а четыре пушки вывели из строя.

На рассвете наша колонна заняла указанную командиром полка высоту. Мы организовали круговую оборону и надежно оседлали перекресток дорог. Три дня мой батальон удерживал высоту, пока наконец не подошла подмога. Здесь я и узнал, что за форсирование Днепра получил звание Героя Советского Союза. Такое же звание получили посмертно и наш земляк, старший сержант Федор Коуров, и лейтенант Александр Гавриленко. Все остальные участники форсирования Днепра из нашего третьего батальона были награждены орденами и медалями.

ЮРИЙ ЕРМОЛАЕВ

ВОЗМЕЗДИЕ

Ермолаев Юрий Федорович восемнадцатилетним парнем попал на фронт, когда наши войска неудержимо шли на запад. Нелегко был этот путь. Тысячи и тысячи солдат наши свою могилу в чужой земле, прежде чем свершилось возмездие и настал день Победы. На машинах и танковой броне, пешком и ползком прошел этот путь от Сандомирского плацдарма до Берлина и Ю.Ф. Ермолаев.

После окончания 10-й окружной школы снайперов в г. Чебаркуле нас, выпускников этой школы, отправили на фронт. Было начало сентября 1944 года. Стояла теплая, сухая погода. Нас погрузили в эшелон, и мы двинулись. Куда везут - не знали. Знали одно: на фронт. В вагонах было шумно, в некоторых играли гармошки, пели солдаты.

Много было таких же 18-летних, как я, не нюхавших пороха, но ехали и "старички", не раз смотревшие смерти в глаза. Они рассказывали нам о боях, о фашистах. А какие они, фашисты, и что такое война, мы увидели, когда проезжали Украину: разрушенные города, сожженные дотла (торчали одни трубы) села, люди, живущие в землянках...

Наконец мы прибыли к месту назначения - на Сандомирский плацдарм на территории Польши (на западном берегу реки Сан).

Наши войска, форсировав реку Сан еще в июле 1944 года, захватили обширный плацдарм, где 1-й Украинский фронт наращивал силы для дальнейшего наступления.

Мы попали в 3-ю танковую армию маршала Рыбалко. О танках мы не имели ни малейшего представления, видели их только в кино. А вот здесь оказалось, что снайперы во время наступления особо и не нужны, нужнее подвижные механизированные части. Так мы из снайперов превратились в автоматчиков-мотострелков. Нас зачислили в 69-ю мотострелковую бригаду.

В школе мы изучали винтовку со снайперским прицелом, а здесь нам выдали автоматы ПППШ, гранаты РГ-43 и Ф-1. И начались ежедневные учения. Мы учились взбираться на броню танков, прыгать с них на ходу (а ведь Т-34 может развивать скорость до 50 км в час). Прыгать так, чтобы не попасть под гусеницы и быть готовым сходу вести бой.

Жили мы в блиндажах и землянках, открытых в основном лесу.

Наступил 1945 год. Рано утром 13 января нас еще затемно подняли по тревоге. Впереди, где-то километрах в трех, слышались сплошной гул и гром артподготовки, разрасталось огромное зарево. Рассвело, и в воздухе появились самолеты. Они шли в сторону фронта нескончаемым потоком. Нас долго не трогали. И только в 12 часов спешно погрузили на "студебеккеры", и мы за колонной танков двинулись в прорыв. Навстречу стали попадаться наши раненые. Сходу мы проскочили первую и вторую немецкие траншеи. И увидели там ужасную картину - горы трупов немецких и наших солдат. Так мы двигались до самого вечера, не сходя с машин. На ночь остановились у каких-то сараев, спали на полу вповалку. Чуть рассвело - снова вперед, по бетонному шоссе. Вдруг команда: "Воздух!". На нас посыпались мелкие противопехотные бомбы. Я упал в кювет, прижался к земле, было очень страшно, ведь это была первая бомбежка. Когда все стихло, мы стали подниматься. Но несколько темных точек остались лежать на снегу. Первые наши потери. Здесь погиб и мой товарищ. Похоронив убитых, мы двинулись дальше - вперед, вперед...

В одном из польских местечек старая женщина подошла к нам и сказала: "Там герман". И показала на погреб. Мы стали стучать по крышке - молчок. Тогда мой товарищ Сергей говорит: "Бросим туда гранату". Сразу крышка открылась, и из погреба показался грязный азиат в форме немецкого солдата. Мы удивились: "Кто ты, гад, говори!" А он: "Нихтс ферштеен". Тогда Сережка: "Сбросим его обратно, а следом гранату". Он сразу заговорил: "Не надо, я все слышу..." Оказалось, это был власовец. Мы сдали его в штаб. Власовцев здорово ненавидели. У многих они расстреляли родных, близких. И хотя командование запрещало бить пленных, удержаться было трудно...

Однажды, когда мы двигались пешим порядком, из небольшого лесочка раздалась пулеметные очереди. Наше отделение из 8 человек заскочило в этот лесок. Смотрим, среди деревьев средний немецкий танк. Видно, у него кончились горючее и снаряды. Мы зашли сзади, заскочили на броню и стали стучать по башне. Никто не отвечал, прекратилась стрельба из пулемета. Башенный люк не был закрыт изнутри, и один наш солдат, казах Жанат, бросил внутрь гранату. Прогредел взрыв. Мы заглянули внутрь и обнаружили трех убитых фашистов. За этот танк нас всех наградили медалями "За отвагу", а Жанат получил орден Красной Звезды.

Идем все дальше и дальше. Враг отступает к Одеру.

19 января мы колонной на "студебеккерах" остановились около соснового леса и рассыпались в цепь. Танки где-то отстали. По приказу двинулись вперед. Впереди затарахтели пулеметы, навстречу полетели трассирующие пули. Мы залегли в лесочке. Впереди была замерзшая речка, а за ней небольшой городок. Команда "Вперед!". Мы побежали, но на льду нас уложил пулеметный огонь. Вновь залегли у яра. Здесь был и мой друг Колька.

Я был связным у командира взвода, лежал с несколькими автоматчиками рядом с ним. Рядом с пулеметом - Миша Багин. Лежим, разговариваем. Комвзвода потерял связь с левым соседом и послал меня к нему. Дополз я до соседнего взвода, его командир передал нашему, что у моста стоит немецкая самоходка и ведет огонь по льду. Когда я полз обратно мимо Миши, смотрю, он лежит на боку у пулемета. "Ты ранен?", - спрашиваю.

Он только поморгал глазами. Через несколько секунд он умер.

Я дополз до комвзвода, доложил ему. А Коля спрашивает, как дела. Я сказал, что Миша убит. Послышался гул танков, они выскочили из леса, домчались до нас, прозвучала команда "Вперед!". Я выскочил на обрыв, где только что лежал Коля, и остолбенел, увидев его обугленный труп. Но в бою не остановишься: бегу за танками, стреляю из автомата. Наши танкисты - опытные ребята: вскоре вверх взлетели колеса от немецкого орудия, замолчала и фашистская самоходка. Мы ворвались в немецкие траншеи. А вскоре и городишко был взят. Большинство немцев бежало, но были и пленные. Оказалось, что все они власовцы.

Коротая ночь, я думал, отчего сгорел Коля. Потом дошло: он был сигнальщиком, у него был ракетный пистолет и большой запас ракет, видимо, пуля попала в вещмешок, и ракеты взорвались. Так и сгорел мой друг.

И вот мы в Германии. Даже не заметили, как переехали ее границу. В первое время никого из населения не встречали, все люди бежали на запад. Дальше стали появляться старики, старухи, дети. Все они кричали, заведя нас: "Гитлер капут!"

Шли навстречу люди, угнанные фашистами в Германию, пленные...

А потом сопротивление фашистов усилилось. Мы приближались к Силезскому угольному бассейну. Немцы остановили нас на подступах к городу Глейвицу. Это был крупный железнодорожный узел. Наш батальон залег у железнодорожной насыпи. И так пролежали двое суток. Немцы обстреливали нас из шестиствольных минометов. Зима, холодно, ноги мерзнут. И встать нельзя. По ночам мы выскакивали из окопов, прыгали, согревая ноги.

Ночью 26 января поступил приказ идти вперед без артподготовки и без выстрелов. Командование рассчитывало застать немцев врасплох, но не вышло. Только мы появились в поле на ровном месте, как с фронта и с флангов началась пулеметная стрельба. Мы залегли. Я лежал недалеко от комвзвода. После очередного взрыва снаряда рядом со мной что-то шлепнулось в снег. Посмотрел - нога в валенке. А валенки были только у на-

шего командира взвода. Меня в дрожь бросило. Это все, что осталось от командира.

Кто-то подполз сзади и передал приказ отойти назад, за железную дорогу. Ползу. Ползти мешает фляжка со спиртом. Перевернулся на спину, глотнул несколько глотков, заел снегом, флягу выбросил, чтоб не мешала. Полежал немного, хмель ударил в голову. Тогда я встал во весь рост и пошел к железной дороге - будь что будет. Пули миновали меня. Я перешел за насыпь. Нас отвели подальше, разместили в каком-то кирпичном сеновале. Подвезли кухню, накормили, и мы тут же заснули, как убитые.

Часа через два нас подняли и снова бросили на штурм Глейвица. При поддержке танков к рассвету мы все же ворвались в город. Немцы не ввязывались в уличные бои и оставили его. Во время этого штурма погиб друг Сережка и еще много солдат и офицеров.

Сутки мы провели в городе. А потом опять на запад. Где-то числа восьмого февраля сходу форсировали Одер севернее Бреслау и повернули в сторону Берлина...

Весь март и половину апреля мы стояли в лесах юго-восточнее Берлина. Прибывали пополнение, танки, другая техника.

И вот наступил канун Берлинской операции. В ночь на 16 апреля нас подняли по тревоге, и мы большими колоннами танков и автомашин двинулись на передовую. Уже в темноте мы разгрузились, замаскировались, открыли окопы и задремали. Ночь стояла тихая, теплая, звездная. Разбудил нас страшный грохот. Началась артиллерийская подготовка. Небо сплошь сияло от реактивных снарядов "катюш". "Катюши" и тяжелые гаубицы стояли недалеко позади нас. А впереди вели огонь средняя и легкая артиллерия, минометы. За речкой, где была немецкая оборона, стояло сплошное зарево. Так продолжалось более часа. Рассвело. И на передний край немцев пошла наша авиация. Самолеты шли на бреющем полете...

Подвезли завтрак. Мы плотно поели и думали, что сейчас двинемся. Но нас держали до 12 часов дня.

Пехота проскочила первую линию обороны без боя, так как немцы оставили ее. Бой шел на второй линии. Саперы наводили переправу для танков. Пришел наш

черед - за танками ринулись и мы, автоматчики. В первый день, 16 апреля, наша бригада продвинулась без боя примерно километров на пятнадцать. А с утра снова - вперед и вперед. Кругом горят немецкие фольварки, небольшие города. Были у нас стычки с фаустниками, не раз обстреливала нас артиллерия, но уже ничто не могло остановить наступательного порыва такой армады.

Перед Берлином сплошные леса. Мы стоим километрах в 20 от фашистской столицы. Уже видно огромное зарево над большим городом. Мы обходим его с юго-запада...

26 апреля мы на танках двигались по шоссе. Слева небольшой лесочек и какой-то фольварк. Я сижу со своим отделением на броне тридцатьчетверки. Слева от меня Димка Смолин. Мы крепко держимся, чтоб не свалиться. Вдруг слева затрещал пулемет. Острая боль пронзила мою левую руку. Я свалился с танка. Все друзья попрыгали с него и побежали в сторону фольварка, стреляя на ходу. Танк развернулся и пошел на пулеметную точку, стреляя из пушки. Рядом со мной только Димка Смолин. Пуля попала ему в шею. Нас перевязали. Меня отправили в медсанбат, а Димку увезли во фронтовой госпиталь. Больше я его никогда не видел. Надеюсь, что он все же остался жив.

Так закончилась для меня война. А до победы оставалось еще двенадцать дней.

Однажды ночью в г. Зарау, где я лежал в госпитале, началась сильная стрельба. Все, кто мог, повскакивали с кроватей. Кто-то предположил, что в город ворвались фашисты. Но тут вошел замполит госпиталя и сказал, что войне конец. Победа!

Все, кто был ходячий, кинулись к окнам. Небо светилось ракетами и трассирующими пулями. Наконец свершилось то, к чему мы так долго шли.

...Наступило утро 9 мая. Нам принесли праздничный завтрак, вино, шоколад...

ОЛЬГА ЗАЙЦЕВА

Александр Гроховцев

МЕДСЕСТРА ОДОЛЕЛА ЯПОНИЮ

Уроженка Орловской области Зайцева Ольга Ивановна с 1938 года проживала в г. Биробиджане. В мае 1941 года окончила медицинскую школу, получила профессию медсестры и вскоре была зачислена в 9-й эвакогоспиталь.

С 22 сентября 1943 года - медсестра 877-го военного эвакогоспиталя, входившего в состав 1-го Дальневосточного фронта.

Из приказа И.В. Сталина № 372 от 23 августа 1945 года: "Войска 1-го Дальневосточного фронта под командованием Маршала Советского Союза Мерецкова форсировали р. Уссури, прорвали Хотоуский, Мишаньский, Пограничненский и Дуннинский укрепленные районы японцев, преодолели труднодоступную горнотаежную местность, продвинулись вперед на 500 километров и овладели городами Мишань, Гурин, Яньцзы, Харбин..."

С частями 1-го Дальневосточного фронта шла и Ольга Ивановна. Тем же приказом № 372 Верховного Главнокомандующего ей объявлена благодарность "За отличные боевые действия".

О.И. Зайцева награждена медалью "За победу над Японией", орденом Отечественной войны II степени, юбилейными медалями.

Демобилизована Ольга Ивановна 26 октября 1945 года.

Александр ПРОКОФЬЕВ

ОГОНЬ И СТАЛЬ

Священные руины Сталинграда,
Кто вам родня?
Мы шире Волги сделали преграду
Из стали и огня;

Из ярости, которая взлетала
Быстрее орлиных стай,
Из ненависти, что сильнее металла,
Что пепелила сталь;

Из братства да из дружбы нашей кровной -
Их забывать не след -
Да из любви к Отчизне - столь огромной,
Что ей и меры нет.

МАРИЯ КАДНИКОВА

ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА...

Говорят, война - не женское дело. Но когда на твой дом падают бомбы, когда сапог жестокого завоевателя топчет твою родную землю, то за оружие берется и хрупкая женщина.

Я столько раз видела
рукопашный.
Раз - наяву. И тысячу - во сне.
Кто говорит, что на войне
не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Эти стихи поэтессы Юлии Друниной можно с полным правом отнести к Марии Александровне Кадниковой, с одной разве что поправкой: Мария Александровна, фронтовая медсестра, видела рукопашный не раз и не два, пройдя с боями не только полстраны, но и пол-Европы.

На фронт я ушла добровольцем. С июня 1941 по июль 1942 г. воевала в составе 38-й армии Юго-Западного фронта. Была контужена. После госпиталя меня направили на Сталинградский фронт, где воевала в составе 62-й армии генерала Чуйкова. После Сталинграда - 3-й Украинский фронт. Освобождение Украины, Молдавии. Затем - Румыния и Болгария, Югославия и Венгрия, Австрия.

Я прошла всю войну, но нигде не видела таких боев и такого разрушенного города, как Сталинград.

Наша 62-я армия держала переправу, и мы были прижаты немцами к самой Волге. Раненых надо было выносить с поля боя и переправлять через Волгу. Приходилось делать это по нескольку раз в день. А переправа была под постоянным обстрелом.

А сколько других рек было на нашем долгом фронтовом пути! И всюду было очень трудно и опасно переправлять раненых. Делали из подручных средств - бревен, камыша - плоты. Плынешь, толкаешь впереди себя плот, а кругом вода кипит от взрывов. Меня выручало часто то, что я хорошо умела плавать.

...В 1985 году с поездом "Фронтвик Зауралья" я снова побывала в Сталинграде. Мы посетили то место, где сражалась наша 62-я армия, где был крутой берег с окопами и блиндажами. Теперь он одет в камень. А город поднялся из руин и пекла, стоит красивый, молодой...

Верность своей медицинской профессии я сохранила и в мирное время, проработала в системе здравоохранения сорок три года.

Наша 62-я армия держала фронт в Сталинграде с июля 1942 года. Это был самый ожесточенный бой в истории войны. Враг потерял сотни тысяч солдат и танков. Мы выстояли до января 1943 года, когда началось освобождение города. Сталинград стал символом мужества и героизма советского народа.

ЯКОВ КАДНИКОВ

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Кадников Яков Федорович в армию призван в 1938 году. Служил на Дальнем Востоке, где и застала его весть о войне. Его часть спешно была переброшена на оборону Москвы. Здесь он и принял свой первый бой 7 ноября 1941 года под Можайском.

Старший сержант Кадников участвовал в боях за Смоленск, Витебск, Минск, Каунас. Штурмовал Кенигсберг.

Нам была поставлена задача окружить группировку противника юго-западнее Кенигсберга.

Немцы сосредоточились на небольшом полуострове и были прижаты к морю. Наше командование предъявило им ультиматум: во избежание ненужного кровопролития выслать парламентариев и к 12 часам сложить оружие.

Время ультиматума истекло, а немцы и не думали сдаваться. Со стороны моря к ним на помощь подошли два корабля и стали разгружать боеприпасы.

Ровно в 12 мы открыли огонь. Тысячи немецких солдат и офицеров, побросав оружие и подняв руки, сдавались в плен. Вереница их тянулась до самого вечера.

Но часть их решила уйти на кораблях. И тогда в дело вступили наши "катюши". Залп - и все, кто не сдался в плен, нашел свою смерть в водах Балтийского моря.

...А мы начали готовиться к штурму Кенигсберга.

Пришло время, и нашу дивизию отправили на восток: откуда прибыл я в первые дни войны, туда и отправился в последние. И вот в Перми, на вокзале, такой случай. Встретил свою учительницу. Побежал скорее к старшине, выпросил буханку хлеба и немного консервов для нее. Ведь она тут, в тылу, голодала.

Отошел наш эшелон, а меня не покидало чувство радости, словно снова на минуту окунулся в мирное безоблачное детство. Столько лет минуло с той поры, многое позабылось, а ту встречу на вокзале помню, словно это было вчера. И при воспоминании об этом снова охватывает меня волнение и какое-то чувство светлой радости.

Время улетывало, как песок сквозь пальцы, и я не успевал привыкнуть к новой обстановке. Но мне казалось, что я вернулся домой. И вот в этот день я встретил свою учительницу. Она стояла передо мной, как прежде, только теперь в ее глазах было столько боли и столько надежды. Я побежал к старшине, выпросил буханку хлеба и немного консервов. Она взяла их с благодарностью и сказала: «Спасибо, сыночек».

Вот так и пролетели дни. Каждый день я вспоминал о том, что было раньше. И мне казалось, что я снова в детстве. И вот однажды я встретил свою учительницу. Она стояла передо мной, как прежде, только теперь в ее глазах было столько боли и столько надежды.

Вот так и пролетели дни. Каждый день я вспоминал о том, что было раньше. И мне казалось, что я снова в детстве. И вот однажды я встретил свою учительницу. Она стояла передо мной, как прежде, только теперь в ее глазах было столько боли и столько надежды.

Вот так и пролетели дни. Каждый день я вспоминал о том, что было раньше. И мне казалось, что я снова в детстве. И вот однажды я встретил свою учительницу. Она стояла передо мной, как прежде, только теперь в ее глазах было столько боли и столько надежды.

Вот так и пролетели дни. Каждый день я вспоминал о том, что было раньше. И мне казалось, что я снова в детстве. И вот однажды я встретил свою учительницу. Она стояла передо мной, как прежде, только теперь в ее глазах было столько боли и столько надежды.

НИКОЛАЙ КАМШИЛОВ

„ЗА ВОЛГОЙ ДЛЯ НАС ЗЕМЛИ НЕТ...“

Николай Михайлович Камшилов родился в 1924 году в деревне Шкодино Кетовского района. На фронт ушел добровольцем в январе сорок второго. Боевое крещение получил под Сталинградом. Освобождал Смоленск, Полоцк, Шауляй. После тяжелого ранения и лечения в госпиталях в январе 1945 года прибыл в Курган инвалидом II группы.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями “За отвагу”, “За оборону Сталинграда”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”

В 1940 году я окончил семь классов школы № 14 г. Кургана и поступил в Курганское педучилище. После первого курса, когда началась война, наше училище расформировали, и я пошел доучиваться в Куртамышское педучилище.

В январе сорок второго мы, комсомольцы, собрали собрание и постановили: идем на фронт добровольцами. И буквально через несколько дней, 31 января, нас отправили в 32-й лыжный полк, который формировался в Кургане. Но мне не суждено было служить в этом полку. В марте я был направлен на учебу в г. Тюмень, в военно-пехотное училище. Учиться надо было шесть месяцев, но обстановка на фронте была настолько тяжелой, что после пяти месяцев учебы нас курсантами отправили на фронт.

Формировались мы в Златоусте в составе 97-й отдельной стрелковой бригады, и в сентябре сорок второго нас бросили под Сталинград.

Когда подошли мы к Волге, все вокруг горело. Немцы ожесточенно бомбили город и окрестности. На правый берег нас перевозили моряки на баржах: приказали нам раздеться догола, оставили одни кальсоны. Это на случай, если бомба угодит в баржу, так чтобы легче было выплыть. В общем, хоть голый, но чтоб перебрался. Но пронесло, прыгать в воду не пришлось, хотя кругом вода кипела от взрывов.

Переправились, пришли в Бекетовку, а оттуда - на передовую. Оборону заняли у высоты 145,5 (Лысая гора), окопались. Немцы здесь "угощали" нас не только бомбами и снарядами, но и издевательскими листовками: "Рус, готовь полотенце и мыло, будем в Волге купать". А еще для острастки сбрасывали с самолетов бочки с дырками. Летит такая бочка - шум, вой, не у каждого нервы выдержат.

Наступило 28 октября - день нашего первого боя. Накануне мы почти все написали заявления: "Прошу принять меня в партию, а если не вернусь - считать коммунистом". И вот наша контратака: впереди моряки-добровольцы с Дальнего Востока, а мы из своих "максимов" поддерживаем их огнем...

В обороне царил один для всех закон: "Ни шагу назад. За Волгой для нас земли нет. Победа или смерть!". Так держали мы оборону до 19 ноября 1942 года. А девятнадцатого в 7 часов 30 минут Красная Армия перешла в контрнаступление. Первыми заговорили "катюши", а за ними все остальные батареи. Больше часа бушевал артиллерийский огонь страшной силы, сокрушая оборону противника... Вот с тех пор день 19 ноября и стал Днем ракетных войск и артиллерии.

В декабре, кажется, числа двадцатого, я с расчетом пулемета "максим" был в боевом охранении. Немцы нас обнаружили и открыли минометный огонь. Нас было трое. Двоих наповал, а меня ранило в левое плечо и оглушило. Когда очнулся и пришел к командиру роты, находившаяся там медсестра вынула осколок и предло-

жила отправиться в санчасть, но я отказался. Мы тогда считали позором с легким ранением уходить с передовой. Выручил командир роты, оставил при себе связным, а перевязки медсестра делала. Так до конца декабря и пробыл я связным.

По долгу службы мне часто приходилось бывать в траншеях, оставленных отступающими фашистами. А у них бушевала эпидемия брюшного тифа. Вот и я подцепил его. Тут уж от госпиталя не отвертишься. Лечился до февраля 1943 года. А после выписки мне для поправки дали отпуск на 30 суток. Побывал дома в Шкодино.

После отпуска Курганский военкомат направил меня в Чебаркуль Челябинской области, где формировался артполк артиллерийской дивизии резерва Главного командования. Мне было присвоено звание сержанта, и я был назначен командиром отделения топовычислителей взвода разведки дивизиона.

И снова - на фронт: Смоленск, Полоцк, Шауляй. Под Шауляем я был тяжело ранен в ногу. И начались мои скитания по госпиталям - Паневежис, Витебск, Вичуга Ивановской области. В последних числах декабря 1944 года война для меня закончилась - выписали меня из госпиталя инвалидом второй группы. После этого еще два года ходил на костылях...

ЗОЯ КИЗИЯРОВА

КОГДА ПРИХОДИТ ПОЧТА ПОЛЕВАЯ, СОЛДАТ ТЕПЛОМ ДАЛЕКИМ ОБОГРЕЕТ

Кизиярова Зоя Георгиевна родилась в 1923 году. На фронт попала в 1943 году в качестве телефонистки. Но служить пришлось в полевой почте.

Награждена орденом Отечественной войны I степени, медалью "За боевые заслуги".

После войны приехала к двоюродной сестре в Курган, да так здесь и осталась. Работала на "Химмаше". На пенсию ушла с должности моториста цеха.

-Мы доставляли почту в пять рот и всех до единого солдатиков знали. Нас, почтальонов, встречали бесподобно. Я в роте - самый любимый и желанный человек. Каждому лично в руки письмо вручала, а кому письма нет, хоть сухарик, да подам. Носила булочки, колбасу - все, что перепадет (все же мы в штабной роте служили).

Жили очень дружно, хотя и тяжело приходилось, особенно на Курской дуге: грязь, а мы пешком...

Часто говорили о доме, о том времени, когда закончится война. Но после войны спешить мне было некуда, родителей у меня не было. Хорошо, что приютила двоюродная сестра в Кургане. Вот так здесь и прожила жизнь...

РОМАН КИРЕЕВ

**ОТ ПЕРВОГО ВЫСТРЕЛА
ДО ПОБЕДНОГО САЛЮТА**

Киреев Роман Никитич родился в 1920 году в Калужской области. В 1939 году окончил педучилище и поступил в Ленинградское военно-инженерное училище. Войну молодой лейтенант встретил на западной границе. Великую Отечественную отвоевал с первых ее минут на западе до безоговорочной капитуляции Японии на востоке. Познал и горечь поражений, отступая от Буга до Москвы, и радость побед, с боями пройдя на запад тысячи километров, отвоевав с первой до последней минуты с японцами. Ратный путь Романа Никитича обильно полит его потом и кровью. Шесть раз он был ранен, трижды - тяжело, но неизменно возвращался на фронт.

О том, как воевал гвардии майор Киреев, говорят его боевые награды - три ордена Отечественной войны I степени, два десятка медалей, в том числе "За оборону Москвы".

Но силы человеческие не беспредельны. Как говорит Роман Никитич, здоровья хватило только на войну. В 1948 году, служа на Дальнем Востоке, он прошел медицинское освидетельствование. Приговор врачей был неумолим: в запас. Пришлось думать о жизни на "гражданке".

И решил Роман Никитич с женой (она у него врач, фронтовой хирург) и детьми податься в родные ка-

лужские края. Но судьба распорядилась по-своему: в Кургане пришлось сойти с поезда - заболели жена и дети. Так и стал Роман Никитич Киреев курганцем.

Работал в партийных и советских органах. Защищал диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Но и годы спустя война не отпускала Романа Никитича из своих жестоких лап - таскала его по больницам и госпиталям.

Сейчас Р.Н. Киреев, инвалид Отечественной войны, живет в Кургане.

Я учился в Ленинградском военно-инженерном училище, которое готовило саперов, командиров инженерных войск. Каждый год с весны до осени мы находились в летних лагерях под Лугой, что в 130 километрах от Ленинграда. Учились, практически постигали подрывные работы, строили оборонительные сооружения, мосты, наводили переправы. Так было и весной сорок первого.

Учеба подходила к концу. Эта весна в лагерях была для нас последней. Впереди выпуск - и в войска.

10 июня дежурные и дневальные объявили срочное построение с личными вещами. И хотя официально нам никто ничего не сообщал, мы понимали: учебе конец. В Ленинграде нас построили на плацу и зачитали приказ наркома обороны маршала Тимошенко о выпуске и присвоении воинского звания лейтенант. И разлетелись мы по гарнизонам.

Меня направили в 204-й отдельный саперный батальон, который находился в Западной Белоруссии, строил на новой границе мощные долговременные оборонительные сооружения. Прибыл я туда 19 июня 1941 года. Мне дали пару дней, чтобы осмотреться, ознакомиться с обстановкой. Представился командиру батальона, познакомился с начальником штаба и с одним офицером - с ним мы ходили обедать в польскую деревушку.

На третий день назначили меня дежурным по части. Дали (для проформы) списанный револьвер, и я приступил к исполнению своих обязанностей.

Наступило воскресенье, выходной день. В части никого не было - все на стройке. Там шел непрерывный процесс бетонирования оборонительных объектов. Дежурство мое шло спокойно, и я, проверив посты, решил отдохнуть. Зашел в караульную палатку, прилег и, размышляя о службе, о своей дальнейшей судьбе, не заметил, как задремал.

Вдруг слышу резкий шум моторов, взрывы, сотрясающие землю, крики, детский плач. Выскочил из палатки, вижу: на востоке, километрах в двух от нас, пылает город Цехановец. А над самой нашей рощицей проносятся на бреющем полете самолеты с крестами. Это они бомбили город, а теперь "поливали" нас. Война!

Объявил боевую тревогу, послал связного за комбатом и начальником штаба. Дал команду срочно запрягать лошадей, грузить оружие, обмундирование, продукты для людей на стройке. До сего дня не уверен, попали ли подводы со снаряжением по назначению. Немцы могли их перехватить.

Прошло совсем немного времени, как я услышал беспорядочный шум голосов и плеск воды. У подножия небольшой сопки, поросшей редкими сосенками, на которой мы располагались, протекала речка. Оттуда и раздавались голоса. Мы еще пытались грузить на подводы штабную мебель, в спешке отрывали от стены телефонный аппарат, когда нам крикнули, что видят чужих вооруженных солдат. Я подошел к самому краю сопки и увидел сплошную лавину солдат: рукава закатаны, на груди автоматы. Нетрудно было догадаться - немцы!

Занимать оборону было уже некогда, да, откровенно говоря, и не с кем. Подал команду всем отходить в лес, благо буквально рядом (через проселок) и до самого леса было ржаное поле. Рожь высокая, укрыться можно. И вот мы, кто в ворота, кто через проволочный забор, в спешке устремились укрыться во ржи. А там - ползком, короткими перебежками - в лес. Это нас спасло, позволило, правда, ненадолго, оторваться от немцев.

...И началось наше отступление через всю Белоруссию до Смоленской области. Отходили сплошной лавиной. Части разрозненны, все перепуталось, смешалось.

Никакой разведки. Что впереди? Где противник? Все дороги на восток, большие и малые, забиты: солдаты, пушки, танки, машины, а рядом стада скота, беженцы с тележками, узлами, велосипедами... И над всем этим хаосом жарница, пыль до неба, жажда. Немцы часто бомбили, сбрасывали десант, расстреливали людей с самолетов...

Худо стало с питанием. Деревни вдоль дорог быстро оскудели. Где ж им прокормить такую лавину. И, чтобы раздобыть еду, надо было искать деревни в 10-15 километрах от дороги. А это непосильно было женщинам с детьми, старикам, больным...

Помню, сошлись мы как-то с одним младшим лейтенантом-артиллеристом, призванным из запаса и тоже потерявшим свою часть, и несколько дней вместе делили все невзгоды отступления. Идем, есть хочется, спасу нет. И решили: добудем еду в какой-нибудь деревне во время бомбежки, когда все жители попрячутся в укрытие. Так и сделали.

Началась бомбежка, мы забегаем в одну хату, чуем, пахнет хлебом. Заглянули в печь, так и есть, там он. Взяли несколько караваев, режем, чтобы остывали быстрее, запиваем молоком, которое тоже обнаружили. И тут входит хозяин, мрачно смотрит на нас, молчит. Мы извиняемся, как нашкодившие мальчишки, деньги предлагаем. "Не нужны мне ваши деньги. Да и зачем они теперь?" - говорит. - Кушайте на здоровье". Заправились мы основательно - и в путь. На другой день мой попутчик отыскал свою часть, и я опять остался один.

Но вскоре и мне повезло: на Смоленщине старослужащие офицеры вновь возрождали нашу 113-ю дивизию. Под Рославлем собралось много отступавших солдат и офицеров. Офицерам было приказано подбирать себе группы бойцов. Я тоже набрал группу. На знакомство, на элементарную организацию и учебу времени не было. Дали нам 2-3 дня - и в бой.

В первом же бою я был тяжело ранен в голову. Так первый раз попал я в госпиталь в г. Борисоглебск Воронежской области. В нем рентгеновского аппарата не было, потому крупные осколки из меня вытащили, а мелкие по всей щеке так и остались на всю жизнь.

После госпиталя направили меня в штаб Орловского военного округа, который к тому времени переехал в Тамбов. Там формировались три курсантские стрелковые бригады. Я получил назначение в 20-ю бригаду командиром саперной роты. А вскоре был назначен бригадным инженером. Здесь мы неплохо подружились, по привыкли друг к другу.

Осенью сорок первого, перед праздником Великого Октября, заняли мы участок обороны под Москвой, в Химках. Началась суровая боевая жизнь. Враг неистовствовал, хотя и нес большие потери. Наконец наступил такой момент, когда можно было переходить в контрнаступление. И такой приказ был получен. Наша стрелковая бригада наступала в направлении Старой Руссы. Образовался Северо-Западный фронт, в составе которого бригада и воевала до лета 1942 года.

Вспоминается такой случай. Стояли мы в небольшой деревушке. Дело было к вечеру. Мороз. Смотрим, въезжает подвода. Правит лошадежкой женщина в полушубке, а спиной к ней сидит немец в летнем обмундировании, на коленях... винтовка. Закоченел так, что пошевелить пальцем не мог. Словом, приехал на край жизни...

Весну 1944 года я встретил в 3-м гвардейском Сталинградском механизированном корпусе, куда был направлен после ранения и лечения в Соликамском госпитале на должность бригадного инженера 8-й гвардейской механизированной бригады. Корпус наш имел богатый боевой опыт. Перед летним наступлением он был передан в распоряжение 3-го Белорусского фронта.

Белоруссия богата реками, озерами, болотами. Все это затрудняло наше продвижение, но оно все же развивалось успешно. Серьезным препятствием стала река Березина. Все понимали, врага надо гнать без передышки, не дать ему зацепиться, занять оборону. Вот почему многие пехотные подразделения, подойдя к Березине, с ходу форсировали ее на подручных средствах.

Другое дело мы. Для нашей тяжелой техники надо было строить переправу. Перед инженерными подразделениями, в том числе и перед бригадным инженером, стояла серьезная задача. Строительной техники в то

время в войсках почти не было - лопаты да пилы, топоры да гвозди. Как быть? А с противоположного берега кричат: "Бригадного инженера 8-й бригады к генералу Белому!" Генерал-майор Белый, заместитель командира корпуса, каким-то образом уже переправился на другой берег и руководил продвижением войск на запад. Бегу, докладываю. А генерал: "Вот что, инженер, видишь, сколько войск скопилось. Скоро солнце взойдет, самолеты противника налетят, представляешь, что будет? Сколько тебе времени надо, чтобы мост построить?". Прикинул я и отвечаю: "Не менее суток". - "Ты что?! Мы же войска и технику погубим, сорвем операцию..."

Дал он мне, помню, несколько часов сроку и крепко предупредил об ответственности. Мне бежать скорее надо, время идет, а у меня ноги подкашиваются от страха. Законы-то военного времени я крепко усвоил. Явился я к своему командиру бригады гвардии полковнику Кремеру. Он у нас отличался особой выдержкой, был человеком высокой культуры и эрудиции, знал несколько языков, до войны работал в ряде стран военным атташе. Он обладал исключительной храбростью и никогда не терял самообладания. Может, потому командование корпуса поручало 8-й бригаде самые сложные и ответственные операции. В 1944 году полковнику Кремеру было присвоено звание Героя Советского Союза и воинское звание генерал-майор. Командир корпуса взял его своим заместителем.

Так вот, доложил я ему о задании генерала Белого, и он мне спокойно сказал: "Думай и вноси предложение. Какой-то выход все равно есть. Мост строить, конечно же, нет ни сил, ни средств, ни времени, надо искать что-то другое".

...На реке мы случайно обнаружили большое скопление бревен, прибитых весенним паводком к остаткам опор взорванного моста. Видимо, его взорвали наши при отступлении в сорок первом году. От моста сохранились лишь скрытые под водой опоры да высокие насыпи по обе стороны реки.

Глянул я на эти бревна и подумал: "Вот оно, наше спасение". Пошли мы с командирами инженерных под-

разделений по бревнам - не шевелятся. Попробовали их ломами двигать - крепко держатся. Но вот беда: с берегами они не соединяются и сгружены как попало, в беспорядке. Решили соединить этот завал с берегами, подровнять торчащие бревна, расширить проезжую часть. Об этом доложил я командиру бригады. Он план одобрил. И работа закипела. Теперь вся надежда на саперов, на их проворство и выносливость. Помогали нам и стрелковые подразделения, особенно в доставке стройматериалов. За короткое время переправа была готова.

Осторожно пошли по ней танки и самоходки. Держит. А мы в это время продолжали ее доделывать, укреплать, устранять поломки настила...

С восходом солнца появились вражеские самолеты, начали бомбежку, обстрел переправы. Но основная часть войск к тому времени была уже переправлена, а оставшимся легче было маневрировать и укрываться от авиации, простора на берегу больше стало.

Вскоре мы ускоренным маршем пошли догонять свой корпус и бригаду. А на Березине рядом с нашей временной переправой началось строительство капитального моста, возглавил которое заместитель корпусного инженера гвардии капитан Карякин.

Хочется рассказать об одном дерзком рейде моей родной 8-й гвардейской Краснознаменной Молодечненской механизированной бригады. Это было уже в Прибалтике. Там было сосредоточено 300-тысячное войско противника, и положение его было критическим: с юга и востока давила наша армия, а с севера - море. И никаких плавсредств. В середине августа наше командование решило расчлнить группировку противника и бить ее по частям. Нашему корпусу была поставлена задача: в нескольких местах прорвать оборону и совершить глубокий рейд в тыл немцев. Исходным рубежом 8-й бригады была Елгава, что юго-западнее Риги, а конечным пунктом намечен г. Тукумс близ Рижского залива. Рейд решено было совершить ночью.

На исходе августовского дня, когда противник уже не ожидал от нас особой активности, наши танки, самоходки, бронетранспортеры обрушились на него лавиной.

Сходу взломали оборону и, не замедляя хода, устремились дальше. По пути давили и расстреливали обозы противника, застигнутые врасплох.

Летняя ночь короткая, и мы не успевали под покровом темноты дойти до Тукумса. И тут сама природа помогла нам. Пал густой туман и стоял почти до середины дня. Так мы вышли на Тукумс, пройдя за ночь около 130 километров. До Рижского взморья оставалось 18-20 километров. Мы отправили туда небольшой отряд. Там наши люди набрали в бутылки балтийской воды, запечатали их и отправили в Москву в доказательство, что мы у моря.

Наше неожиданное появление в Тукумсе и на побережье произвело на немцев ошеломляющее впечатление. Как? Откуда здесь советские солдаты? Поднялась невиданная паника.

...А через 3-4 дня на смену нам прибыли стрелковые части. Мы же получили новое задание.

ЭММАНУИЛ КОЛУПАЕВ

СКВОЗЬ ДВЕ ВОЙНЫ

Колупаев Эммануил Филаретович, 1915 года рождения, призван в Красную Армию в 1936 году. Принимал участие в Финской кампании, участник Великой Отечественной войны.

После войны работал начальником Мокроусовского аэропорта.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями.

Я родился 20 сентября 1915 года. В августе 1936 года был призван в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии для прохождения срочной службы. Служил на Дальнем Востоке в стрелковом полку. В ноябре 1938 года был уволен в запас.

Но недолго продолжалась моя гражданская жизнь. Началась война с Финляндией, в 1940 году был мобилизован. После прохождения переподготовки в пулеметной роте 385-го стрелкового полка воевал на Карельском перешейке. Стояла холодная зима. Боевые действия велись в сложных условиях. Финская оборонительная линия казалась неприступной. Шли ожесточенные бои. Потери были не только от огня противника, но и от сильных морозов.

В марте 1940 года боевые действия прекратились, был подписан мирный договор.

Но короткая мирная передышка быстро закончилась.

В 1941 году грянула Великая Отечественная война. Я снова на фронте, сначала на Калининском, затем на Волховском в составе 114-го стрелкового полка 31-й армии, потом 38-й армии. Был младшим командиром. После окончания краткосрочных курсов и присвоения воинского звания младший лейтенант стал командиром пулеметного взвода.

15 марта 1942 года был тяжело ранен и длительное время лечился в госпитале. После госпиталя получил инвалидность второй группы и был демобилизован из рядов армии.

Вернулся домой, в село Мокроусово. Много лет работал начальником местного аэропорта.

Сейчас уже давно нахожусь на пенсии, но по мере сил продолжаю участвовать в общественной жизни.

Вспомогательный текст, частично перекрытый и неразборчивый.

Вспомогательный текст, частично перекрытый и неразборчивый.

R-

Вспомогательный текст, частично перекрытый и неразборчивый.

МИХАИЛ КРАСИЛОВ

ЧЕРЕЗ ОДЕР

Красилов Михаил Никанорович, артиллерист. Воювал на Первом Белорусском фронте. Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, медалями.

Работал в последние годы на заводе "Курганхиммаш" термистом.

Самые тяжелые бои выпали на мою долю при форсировании Одера и расширении плацдарма. Одер в том месте шел двумя широкими рукавами. Течение, особенно на середине, было очень быстрое. Перебраться на плотках на другой берег было невозможно. А все переправы пристреляны немцами.

Долго не удавалось нашим войскам закрепиться на противоположном берегу. Переправятся орудия, самоходки, а немцы тут же выводят их из строя. Пехоту нашу танками под берег сталкивали.

После очередной артподготовки удалились мы от переправы примерно на километр влево и стали подниматься на берег. Когда поднялись, ох и картина предстала перед нами! Горят наши 45-миллиметровки, солдаты все побиты, пехоты, можно сказать, совсем нет...

Снарядов у нас остался один ящик. Мы за ними отправили расчет и остались вдвоем с наводчиком (я тогда был командиром орудия). В это время из-за бугра вышли семь танков - и прямо на нас. Снаряды у нас были осколочные, они плохо броню пробивают, зато гусеницы рвут здорово. Пятью снарядами мы подбили тогда четыре танка. А три уничтожила соседняя батарея нашего же полка. Немцы в этот день раз шесть или семь пытались столкнуть нас с плацдарма под берег. В батарее много людей погибло, был убит мой наводчик. Но удержались. А к вечеру закрепились наша пехота. Под утро саперы заминировали поле перед нами. Стало немного полегче.

До этого я участвовал в боях за освобождение Белостока, Варшавы, был в моей военной биографии и "польский коридор", войну закончил в немецком портовом городе Ростоке. Все было. Но вот форсирование рек, удержание и расширение плацдарма - это самое-самое трудное, что выпало мне испытать во время войны.

С

П

П

С

П

П

ВЛАДИМИР КОНИК

НА „ЛЕТАЮЩЕМ ТАНКЕ“

Коник Владимир Кириллович родился в 1922 году на Украине. С детства мечтал стать летчиком, готовил себя к этому физически и морально. Имел значки “Ворошиловский стрелок” и ПВХО. К тому же в тридцатых годах авиация быстро развивалась, требовала все новых кадров. Самым распространенным лозунгом был: “Молодежь, на самолеты!” В октябре 1940 года он поступил по линии военкомата в летное училище в Киевском военном округе, где и застала его война.

Летал на пикирующих бомбардировщиках, штурмовиках. За время боев совершил 219 боевых вылетов.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями “За боевые заслуги”, “За взятие Кенигсберга” и другими.

К маю сорок первого года мы завершили теоретическую подготовку и приступили к изучению материальной части самолета-истребителя “И-153” (“Чайка”).

21 июня на вечерней поверке нам объявили, что завтра выходной. А двадцать второго утром, в 4 часа, прозвучала боевая тревога. Нас срочно построили и вывели в поле. Утро было тихое, росистое, ничто не предвещало беды. Через несколько минут мы услышали все нарас-

тающий гул самолетов. Никак не думали, что это чужие самолеты, а потому особо не расстраивались. По команде "Воздух!" мы рассредоточились, залегли. Самолеты шли "клином", я насчитал 90 и сбился. И тут началось: последние звенья отвернули влево, вправо и начали сбрасывать бомбы, поливать из пулеметов.

На аэродроме Белокоровичи (у наших соседей) горели и взрывались самолеты, вспыхнул пожар на складе ГСМ. В этой суматохе в воздух поднялись несколько наших истребителей, завязался воздушный бой.

Одно звено немецких самолетов бомбило наш городок. Немецкие агенты, переодетые в форму красноармейцев, ракетами указывали цели... В 9 часов налет повторился. В 10 привели нас на завтрак. Только сели - "Воздух!" В дверях столпотворение, из окон выскакивали. Здание столовой было разрушено. Во время этого налета три человека погибли и восемь были ранены. Погиб и мой друг Ермилов. После этого мы на территории городка не появлялись.

Около двенадцати нас построили на летном поле, на полutorке установили радиодинамик, ждали важного сообщения. В 12 часов с сообщением о начале войны выступил по радио В.М. Молотов.

Училище решено было эвакуировать в тыл. Ночью подали эшелон. Через каждые час-полтора - налет вражеской авиации. На рассвете погрузились и двинулись в путь. 180 километров до Киева ехали почти пять суток. Картина вокруг была жуткая: кругом воронки, грунты, машины, телеги, горят хлеба...

Далее наш путь лежал на восток. В Кургане нас распределили - кого в Омск, кого в Новосибирск. Нашу команду - 100 человек направили в Стерлитамак, в 101-ю учебную авиаэскадрилью.

В октябре 1943 года я получил назначение в 1-ю воздушную армию Западного фронта. Там в штабе меня направили в 15-й авиаполк на должность летчика пикирующего бомбардировщика. Совершил на нем 26 боевых вылетов в районах Духовщины, Смоленска, Рудни, Орши, Витебска.

На мой рапорт перевести меня в истребительную авиацию поступил приказ: "Летчика младшего лейтенанта Коники В.К. перевести в распоряжение командира 1-й

Сталинградской штурмовой авиадивизии". Так я оказался в 76-м штурмовом полку, летал на самолете "Ил-2". Задача штурмовика - уничтожить живую силу и технику противника, обеспечивать продвижение наземных войск с воздуха.

В ноябре-декабре 1944 года ударные силы армии вышли на границу Восточной Пруссии. Здесь мы увидели первые немецкие реактивные самолеты, они обнаруживали себя, оставляя в небе белый след. Передовая немцев была сильно укреплена, напичкана техникой, зенитками. Они вели мощный заградительный огонь. Конечно, все это давило на психику летчиков. Но и мы изменили тактику: выделяли передовые самолеты для обнаружения и подавления зенитных средств, а потом уже шли основной массой на штурмовку. С воздуха нас прикрывали истребители. Зачастую это были летчики эскадрильи "Нормандия-Неман".

Наши войска наконец прорвали немецкую оборону с северо-востока. Был взят город Тильзит. И пошло наступление по всей Восточной Пруссии. А наша штурмовая авиация обеспечивала успешное продвижение наземных войск, подавляя противника с воздуха.

Особенно запомнилась мне Кенигсбергская операция. Наши войска подошли вплотную к городу и остановились. Вокруг Кенигсберга - мощные оборонительные сооружения - 11 фортов, окруженных водой. В каждом гарнизоне форта - круговой сектор обстрела. Штаб воздушной армии предложил провести "звездный" налет. В 17-00 самолеты дальней авиации сбросили над Кенигсбергом с большой высоты 500-килограммовые бомбы. Как только они ушли, появились пикирующие бомбардировщики, за ними - штурмовики, после нас - ночные бомбардировщики. И так целые сутки: не успеем мы уйти от цели, как открывают огонь дальнобойная артиллерия и "катюши".

Немецкие гарнизоны фортов были буквально подавлены, выходили с белыми флагами. 10 апреля 1944 года Кенигсбергский гарнизон капитулировал. А через пару дней нас на машинах повезли показать результаты нашей "работы"...

В., М., И. КНЯЗЕВЫ

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД!

Зауральцы хорошо знают и помнят Филиппа Кирилловича Князева - крупного талантливого руководителя Курганской области, много лет возглавлявшего областной Совет народных депутатов, обком партии. Удивительный это был человек: знающий руководитель, настойчивый, умеющий поставить цель и, мобилизовав массы, достичь ее. В то же время это был человек необыкновенно мягкий, душевный в отношениях с людьми, высокообразованный. Истинный российский интеллигент. Сделанное им для Зауралья еще будет по достоинству оценено потомками.

Иначе не может, не должно быть, ибо Князев, как теперь принято говорить, знаковая фигура для нашего края. Ибо Князев принял участие, посеял доброе семя в душах тысяч и тысяч наших земляков. Ибо так нечасто дарит нам судьба людей такого масштаба...

Но если деятельность Филиппа Кирилловича в области достаточно известна, то о его военной биографии знают немногие. Может, предлагаемые краткие записки его дочерей, Валентины, Маргариты и Ирины, основанные на его дневниках, как-то смогут дополнить портрет этого замечательного человека.

- День Победы был для папы самым дорогим, святым праздником. С утра 9 мая у него было приподнятое настроение. С просветленным лицом прикреплял он к своему пиджаку боевые награды и отправлялся на торжества на площадь им. В.И. Ленина. Что он чувствовал при этом, пусть сам расскажет строчками своих дневников.

"6 мая 1985 года. День Победы! Приближается знаменательная дата. Мне она особенно дорога. Я видел войну со всеми ее ужасами, страданиями, кровью, гибелью молодых, красивых, полных жизни людей...

Оба мои брата, Сергей и Федор, не вернулись с поля битвы. Победа досталась нам невероятно дорогой ценой".

В дневнике от 22 июня 1981 года папа записал:

"Тяжело вспоминать и забыть невозможно. Работал я тогда секретарем райкома комсомола Первомайского района Тамбовской области. В воскресенье, 22 июня, мы проводили районный смотр художественной самодеятельности. И вдруг оглушающая весть - война! Немцы напали на нас. Сразу было трудно понять: как? Почему? А договор о ненападении?

Наскоро свернули выступления. По радио сообщили, что в 12 часов будет выступать В.М. Молотов...

Потом продолжу. Сейчас не могу, расстроился..."

В дневниковых записях Филиппа Кирилловича читаем, как в тот же день, 22 июня, коммунистов вызвал к себе первый секретарь райкома партии Алешин, поставил задачи на ближайшие дни.

Во второй половине дня уже всюду шли митинги. Люди горели желанием сразиться с врагом.

...Пошли первые "красные обозы" с хлебом, мясом, другими продуктами для армии. Это был первый практический ответ на нападение врага.

Мобилизован на фронт Филипп Кириллович был в свой день рождения - 14 июля. Ему исполнилось тогда 25 лет. Он был женат, имел двух дочерей - пяти и трех с половиной лет, старушку мать. Сразу получил направление на Волховский фронт под Ленинград. Назначен политруком 3-й стрелковой роты 1-го батальона 859-го

полка 354-й стрелковой дивизии. Обстановка на этом участке фронта была очень напряженной. В первые дни сентября Ленинград оказался в огненном кольце.

...12 октября 1941 года шел тяжелый бой за высоту близ поселка Мга. Донимали немецкие снайперы. Их излюбленным местом были кроны деревьев на высоте. Одного из них политрук Князев заметил и метким выстрелом снял. Но тем обнаружил себя. Другой снайпер воспользовался этим и открыл огонь. Князев был ранен в правое бедро. Упал, попытался подняться, но рядом раздался сильный взрыв. Филипп Кириллович успел почувствовать, как огненная стрела обожгла его грудь, и потерял сознание.

В батальоне сразу узнали, что ранен политрук. Один из санитаров бросился на помощь, но был сражен снайперской пулей.

Позже два других санитаров сумели вынести с поля боя политрука и своего безжизненного товарища. Ф.К. Князев был отправлен в эвакуогоспиталь № 1724 города Челябинска. Там он находился на излечении вплоть до февраля 1942 года. У него было проникающее осколочное ранение грудной клетки с повреждением левого легкого и сквозное пулевое ранение правого бедра.

- Папа никогда не показывал эту госпитальную справку и вспомнил о ней лишь в 1985 году, когда оформлялся на пенсию.

После ранения семья Князева не имела никаких сведений о нем. Жена, Клавдия Георгиевна, посылала запросы на фронт. Однажды она получила ответ такого содержания:

“Гражданка Князева К.Г... Хочу сообщить вам, что тов. Князев 12 октября был ранен и эвакуирован в госпиталь... В бою тов. Князев вел себя героически, своим примером воодушевлял бойцов... Я как командир батальона восхищен действиями вашего мужа.

Фашистских мерзавцев уничтожаем беспощадно. Бойцы часто вспоминают своего любимого политрука Князева.

С приветом. Командир первого батальона 859-го стрелкового полка
Климишин К.Г. 25.1.1942 г.”

В госпитале Ф.К. Князев находился более четырех месяцев, перенес несколько операций. Когда силы его стали возвращаться, он начал помогать руководству госпиталя в общественно-политической работе, за что получил благодарность при выписке:

“Настоящий отзыв выдан политруку т. Князеву Ф.К., который за время своего нахождения на излечении в эвакогоспитале № 1724 оказал его командованию большую помощь в деле культурно-политической работы среди раненых, больных и личного состава госпиталя. За активное участие в общественно-полезной работе командование эвакогоспиталя объявляет ему свою благодарность.

Комиссар эвакогоспиталя № 1724
ст. политрук Минаев”.

...Осколок снаряда размером 1х1,5 см так и остался в груди Филиппа Кирилловича всего в сантиметре от сердца. В связи с близостью его к перикарду извлекать его во время операции не стали. Хирурги рекомендовали ему в дальнейшем не подходить к большим, сильным магнитам, чтобы осколок не сдвинулся.

Много лет спустя Ф.К. Князев прочел стихотворение Вл. Семенова “Баллада об осколке”. Оно так поразило его, что он переписал его в свой дневник.

На него чуть надавишь - и жалцем

Он уколет: со мною живи!

Не поверил наемни я пальцам:

Растворилось железо в крови!

Сорок лет с той поры миновало.

Жил, как все, я: работа, семья...

Но железо - во мне - размывала

Жаркой крови живая струя.

Перемогший немало болезней,

Не с того ли - быть может! - я стал

Крепче плотью, а духом - железней:

Как-никак, а в крови-то металл!

След пропахан - в душе и на коже,

Всех пронзил этот огненный шквал...

Есть особинка некая все же

В тех, кто в годы войны воевал.

В феврале 1942 года Филипп Кириллович был выписан из госпиталя. Решением военно-медицинской комиссии признан негодным для дальнейшей службы и демобилизован.

За участие в войне Ф.К. Князев награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Отечественной войны I степени, медалями.

Его мирный труд отмечен самыми высокими наградами Родины.

ИВАН КИШ

ТЯЖЕЛАЯ ЭТО РАБОТА - ВОЙНА

Киш Иван Александрович, крестьянский сын из деревни Мало-Мартино Макушинского района, работал с 1939 по 1983 год в банковской системе. Исключая, конечно, войну. А на фронте он был "от звонка до звонка": Северо-Западный фронт, Карельский, Волховский, Ленинградский, Калининский, 1-й Белорусский. Победу встретил старшиной в Берлине, расписался на стене рейхстага. Дважды ранен, контужен. Инвалид войны II группы.

Минер-подрывник Киш И.А. награжден четырьмя боевыми орденами, многими медалями.

-22 июня 1941 года нас разбудили раньше обычного. Утро было тихое-тихое, солнечное. Когда мы построились, политрук Бунин сообщил нам, что началась война. Мы как-то не сразу осознали всю серьезность, весь трагизм этого сообщения.

Постигать это пришлось в ходе войны, а началась она для меня, как и для многих, с горьких и тяжелых дней отступления. Сердце обливалось кровью, когда старики, женщины, старушки с упреком говорили нам: "До каких же это пор вы отступать будете?" Что мы могли им ответить тогда, кроме дежурного: "Ждите, вернемся!"

Война для солдата (не говоря уже об опасности быть убитым, искалеченным, плененным) - это каждодневная тяжелейшая работа: кончился бой, надо рыть окопы, ми-

ировать, хоронить убитых, держать оборону по пояс в воде или по грудь в снегу... И снова - вперед, в атаку! И так каждый день. А тут еще отступление. Тяжко, горько.

Мне довелось защищать Ленинград, Москву, многие города и поселки, форсировать Ловать и Свирь, Вислу и Одер, Шпрее, участвовать в штурме Берлина в составе 5-й ударной армии генерала Берзарина - первого коменданта поверженного Берлина. Но, кажется, никогда не было так тяжело, как в первые дни войны, в период отступления.

...Это было под Ленинградом. Наш батальон в течение дня отбил шесть атак фашистов. Атакуя в последний раз, немцы бросили на наш участок танки. Непросто, совсем непросто было подниматься из окопов и идти на ползущие чудовища с бутылками горючей смеси и со связками гранат. А ведь и поднимались, и шли, и поджигали танки...

...Навсегда врезался в память один из эпизодов большой войны. Нашему подразделению было приказано отбить у немцев мост через реку Ловать. Командир роты капитан Воробьев напутствовал нас: "Ваш успех - в скрытности и внезапности удара".

И вот мы, плотно прижимаясь к земле, ползем к мосту. Тихо. Чертова тишина, кажется, слышно вокруг, как колотится сердце. Нервы на пределе, дрожат пальцы. Томительно тянутся такие долгие минуты.

Но вот сдавленный вопль - часовые сняты. Стремительным броском блокируем два блиндажа. Взрывы гранат, сухой треск автоматных очередей. Ничего не подозревавшие немцы растерялись, выскакивают из блиндажей в одном нижнем белье, бегут...

Мост наш! По нему уже ринулись техника, пехота...

Вообще внезапность на войне - большое дело. Помню, при наступлении на станцию Нарва наше подразделение было прижато к земле плотным огнем противника. Укрывшись в блиндаже, гитлеровцы вели по нам прицельный огонь. Появились убитые, раненые. Что-то надо делать. И тут мой земляк Саша Стенников (он родом из деревни Казарки Макушинского района) крикнул мне: "Земляк, за мной!"

Под прикрытием своих мы с ним скрытно подползли к блиндажу и забросали его гранатами. Путь был открыт. Наши ринулись в атаку. А я перевязывал раненого друга возле дымящегося блиндажа...

До победы было еще далеко. Еще много-много раз пришлось мне взрывать, подрывать, минировать, разминировать, форсировать реки, ходить в атаки. И не один страшный бой пережить.

И вот Берлин. Утро 2 мая. На куполе дымящегося рейхстага - Красное знамя Победы. Мы расписываемся на стенах рейхстага, поздравляем друг друга. Дошли! День и ночь бурлят берлинские площади и улицы, всюду песни, гармони, пляски. Такое ни раньше, ни позже мне видеть не приходилось...

12

НИКОЛАЙ ЛАВРИНОВ

НАКАНУНЕ

Лавринов Николай Георгиевич, 1916 года рождения, служил заместителем политрука в автороте батальона аэродромного обслуживания в Борисполе под Киевом, когда началась война.

Воевал на Юго-Западном фронте. Отступал, выходил из окружения, наступал... Войну закончил в поверженной Германии. Демобилизован в 1946 году.

После войны Николай Георгиевич долгие годы работал в органах народного образования - учителем, директором школы, заведующим районным отделом народного образования.

-21 июня 1941 года в восемнадцать часов я заступил на дежурство по пищеблоку. Несмотря на то, что завтра воскресенье, я был доволен: увольнительную брать некуда. Командиры сегодня как с ума посходили - чуть не все разъехались кто куда. Многие собираются на отдых к Днепру.

Ко мне зашел дежурный по авиабазе, старшина срочной службы, мой приятель, и пригласил пройтись с ним по городку. Делать-то все равно нечего. Прежде всего, мы зашли в штаб, расположенный в том же корпусе, что и столовая, поболтали минут двадцать с дежурным по штабу, договорились, что зайдем позже, и ушли.

Миновав объекты военгородка, мы вышли на его западную окраину. Дальше - поля, лесок. Остановились полюбоваться чудесной картиной, раскинувшейся перед глазами. Тихий безоблачный день догорал...

Простившись со старшиной, я вернулся в военгородок, прошел к кинотеатру. Шла картина "Волга-Волга". Скоро фильм кончился, и бойцы через шоссе шли в палаточный лагерь. Бойцы не спешили - завтра выходной. Послышалась команда "Отбой!". Но и она не сразу угомонила лагерь.

Я, как и обещал, зашел в штаб. Мой земляк Камышловский писал письмо. Не успели мы с ним перекинуться словом, как послышался рокот самолетов. Мы переглянулись: ночных полетов сегодня не было. Подошли к от-

крытому окну, прислушались внимательнее. Гул приближался, нарастал. Может, с другого аэродрома заблудились?

И вдруг послышались взрывы. Дребезжали окна. Дежурный кинулся к телефону. Дежурный по гарнизону ничего не знал, дежурный по аэродрому не отвечал. Я был уже на улице, когда тишину раннего утра разорвал вой сирены - боевая тревога.

Учебных тревог за два с половиной года было много. Что делать, куда бежать, все знали. Разбежались по квартирам командиров связные, старшие сержанты увели свои подразделения. Только дежурный по части не знал, что ему делать. Плановые учебные тревоги не заставляли дежурных врасплох: в условленном месте собирались все командиры, и все шло по уставу. Сейчас же дежурный метался от одного прибежавшего командира к другому - никто не давал никаких указаний. Догадки и домыслы сменялись поминутно. Только часам к восьми заговорили о войне. Сначала осторожно, по секрету, потом смелее, громче. А когда по радио объявили о предстоящем важном сообщении, все притихли, насторожились, ждали. Не верилось, что это война.

Выступление по радио Вячеслава Михайловича Молотова все прояснило.

...Сколько дней прошло с тех пор, как объявили тревогу, какое сегодня число, какой день, не помню. Все перемешалось. Бесконечно длинные дни сменялись короткими ночами. Каждый день налетали немецкие самолеты, в том числе и отогнанные зенитками от Киева. Выведены из строя почти все наши бомбардировщики, многие штурмовики. Военгородок гудел, как растревоженный улей. По дорогам сновали машины, суетились люди. И только грохот уцелевших самолетов на аэродроме напоминал о каком-то смысле всего этого хаоса.

Поспешно пытались перестроиться на военный лад, было много беспорядков, одна команда отменяла другую. Авиабомбы, сгруженные вчера, сегодня оказывались не нужны...

И только бойцы, к их чести, все делали с небывалым старанием. Суматошные были дни.

Волновались, переживали, но смертельной опасности не чувствовали, ждали, вот-вот сообщат, что наши дали отпор немцам. С часу на час ждали перелома, ждали петерпеливо. Но желанный час не наступал.

Надежда на скорый перелом оказалась напрасной...

АЛЕКСАНДРА ЛЕБЕДЕВА

ВОЕВАТЬ - НЕ ЧАЙ ПИТЬ

Лебедева Александра Павловна родилась в 1922 году. Воевала на Северо-Западном, Калининском фронтах. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями.

На пенсию вышла с должности начальника бюро пропусков завода "Курганхиммаш".

-На фронт я уезжала 5 мая 1942 года добровольцем. Поезд уже тронулся, а младшая сестренка бежит рядом, ревет: "Зачем ты на смерть едешь?.."

А как-то о смерти, ей-богу, не думали. Мы знали, что едем защищать Советскую власть, нашу Родину, что наши будущие дети будут жить без горя и слез. Я уехала. И по сей день не каюсь, что так поступила. Хотя воевать - не чай пить. Парни, и те порой плакали, а мы - девчонки восемнадцатилетние...

Попала я в 248-й отдельный дивизион. Служила под Ленинградом, Москвой, Калинином. Была дальномерщницей. Идут танки ли, самолеты, мы по звуку моторов начинали искать цель, определять координаты. А ребята-пушкари стреляли по ним, порой так, что аж стволы красными становились.

Вообще война - это какой-то кошмар. Кухню разбомбят, мы без питания остаемся. Недоедали. Плохо было иногда и с питьевой водой. В Калинин, например, пить приходилось из речки, по которой плыли трупы людей и лошадей. Вода была красной от крови.

Помыться негде, вши одолевали. Попадется на пути какое болото или речка, так постираем бельишко. А если где встретим сохранившуюся баню, так первым делом в нее. Все три года - в штанах да в мужских ботинках, сапогах...

И не думали как-то о смерти. Может, потому, что меж собой очень дружно жили. В прямом смысле из одного

котелка хлебали - русский, татарин, грузин или еврей, какая разница. Не было на фронте, чтобы каждый за себя только. Делились всем, поддерживали друг друга.

Как-то ребята услышали по радию, что война кончилась. Мы выскочили из землянок, палим изо всех орудий, обнимаемся... Реву было! Казалось, эта проклятая война никогда не кончится. Перенести такое никому не дай бог...

МИХАИЛ ЛЕВИЦКИЙ

СУДЬБА МОЯ - АВИАЦИЯ

Левицкий Михаил Николаевич родился в 1912 году в Чувашии. Вся его жизнь связана с авиацией. Начал летать еще до войны.

Воевал на Северо-Западном и Западном фронтах. В 1942 году был тяжело ранен. Ампутирована левая нога. После войны еще 20 лет летал штурманом.

Имеет 18 боевых и трудовых наград, в том числе два ордена Отечественной войны I и II степеней, медаль "За оборону Москвы", два знака за безаварийные налеты - за 500000 км и за 5000 летных часов, Почетный знак Российского комитета ветеранов войны, более сотни Почетных грамот.

- **А**виацией я "заболел" еще мальчишкой. Жажда летать привела меня сначала в планерную школу, а затем в летное училище. После его окончания был направлен в Челябинск. Курганскую территорию (наша область входила тогда в состав Челябинской) облетал не один раз - возил почту, пассажиров, выполнял функции санавиации.

К началу войны я уже был опытным летчиком. Попал в летную дивизию, которая была сформирована исключительно из пилотов гражданской авиации, имевших по 1200 и более часов налета. Мы защищали небо Москвы. Полеты были тяжелыми, особенно ночные.

Когда немцев отогнали от Москвы, мы стали летать к попавшим в окружение нашим частям, в партизанские отряды. Приходилось летать и к партизанам Белоруссии.

Первый раз немцы сбили меня в феврале 1942 года. Был сильно контужен и попал в госпиталь. Через пять дней закончил лечение и, несмотря на возражения медиков, снова поднялся в небо.

Снова война, снова полеты... Дату, когда меня сбили во второй раз, запомнил на всю жизнь. Это случилось

19 июля 1942 года ночью, в 3 часа 15 минут. После выполнения особого задания я и еще два офицера возвращались из партизанского отряда. Самолет поймали прожекторы, а это самое страшное. На нас обрушился перекрестный огонь зениток. Я почувствовал сильную боль в левой ноге. Самолет потерял управление и упал. К счастью, на густой березовый лес. И это спасло нам всем троим жизнь. Офицеры вообще почти не пострадали.

Перенесли они меня в кусты, забрали все документы, летную карту и ушли. Мне сказали, что пришлют за мной партизан. Документы мои они сумели передать партизанам, но ко мне никто прийти не смог: к месту падения вскоре подошли немцы. Меня, истекающего кровью, они посчитали мертвым и оставили без внимания.

Так началась для меня другая жизнь, полная боли и страданий, увы, не только физических. Придя в себя, я пополз в надежде найти партизан. Но меня обнаружили, подобрали и доставили на пункт военнопленных. Не хотелось верить в это, но это было так. Военнопленных немцы привезли в Ржев. У меня началась гангрена. И тогда русские врачи из военнопленных ампутировали мне левую ногу. Пилили обыкновенной пилой...

А потом пришлось разделить участь военнопленных, прошедших немецкие концлагеря в Саласпилсе, Дрогобыче... Тяжело было всем. А каково калекам, вроде меня, безногого, с незаживающей раной?.. В 1944 году немцы решили "облегчить" участь калек (а их было более пятисот) и отправили нас в Демблин, известный своим крематорием. Везли в товарных вагонах. Разместили нас в крепости, где хранились боеприпасы. Достаточно было одного прямого попадания, и крематорий уже не потребовался бы. Но судьба хранила нас. Уничтожить пленных немцы не успели, в крепость ворвались наши части. Увидев человеческие обрубки, обтянутые кожей, солдаты плакали...

Но надо было спешить, шел бой, и в любой момент крепость могла попасть под обстрел. Кто-то из наших освободителей крикнул: "Братцы, выползайте кто как может!.." Нас наскоро "погрузили" в "студебеккер" и

повезли. В поле машину разбомбило. Меня выбросило в рожь, сломал три ребра, но жив остался.

А дальше были госпитали. Один, другой... Последний в Москве. Жажда жизни и искусство врачей сделали свое дело - я выздоровел. Но этого мне было мало, я очень хотел вернуться в авиацию. Это стало моей целью. А врачи и слышать не хотели об этом. Пример Маресьева их не убеждал: "У него не было ступни, а у тебя нет ноги. Забудь об авиации".

По совету друзей я переучился на штурмана и вновь поднялся в небо. Но прежде побывал во многих "высоких" кабинетах, доказывал, убеждал, просил. Характер у меня неслабый, воля тоже есть. Добился своего. В конце концов вернулся в авиацию штурманом. Пролетал еще двадцать лет. Вновь ощутил всю полноту жизни, почувствовал себя счастливым человеком.

Да, я считаю себя счастливым. С женой моей, Марией Николаевной, отметили золотую свадьбу. Когда-то она, получив извещение, что я пропал без вести, вопреки всему ждала меня и дождалась. Приняла безногого, обогрела. А ведь до войны мы с ней прожили всего-то десять дней. Трех детей воспитали, имеем шесть внуков...

ИВАН ЛЕНЦНЕР

ВПЕРЕД ИДУТ ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Ленцнер Иван Иванович, 1919 года рождения, служил в пехоте, артиллерии, воевал на Северо-Западном, Первом Белорусском, Сталинградском фронтах. Был ранен. Войну окончил старшим лейтенантом.

Награжден орденами Александра Невского, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, "Знак Почета", медалями "За взятие Варшавы", польской - "За Одер, Нейсе, Балтику" и другими.

Пацаном я работал в людях - пахал, боронил. Затем вступил в колхоз. До 1937 года учился. Неожиданно я попал во "враги народа" - побил сына начальника милиции за то, что он обижал моего друга. После долгих мытарств меня оправдали, но клеймо осталось.

Когда пришла пора, моих сверстников призвали в армию, а меня не брали. Не раз я ходил в Лебяжьевский райвоенкомат, но там мне прямо сказали, что таких, как ты, не берем. И на работу долго не мог устроиться, пока не помог один хороший друг - Илья Доможиров (он погиб на фронте).

Через пять дней после того как поступил на работу, меня в мае 1941 года призвали в пехоту. А 29 июня уже пришлось идти в штыковую. Заколот трех немцев. Страшная это вещь - убить человека, особенно поначалу, в первые дни войны.

А потом - атака за атакой. В одной из них нашелся немец, холера, гранатой меня угробил. Очнулся, вижу, что командир отделения Холезин меня с поля боя за ногу тащит. Спас.

Из госпиталя сбежал. Попал в 24-й запасной стрелковый полк в Чебаркуле. Вот где хватили мы лиха - буквально пухли от голода. Привезут зимой, бывало, застывшую баланду, мы ее в землянке возле буржуйки отогреем и едим...

Переобмундировали нас, в вагоны посадили - и на фронт. Я тогда уже сержантом был. И вдруг меня в штаб вызывают: "Поедешь в Тюменское пехотное училище". Я было заартачился, но один капитан меня уговорил: "Не беда, что всего восемь классов, как-нибудь пробьемся..."

Учился я, правда, хорошо, был командиром отделения. Через полгода окончил училище в звании младшего лейтенанта. Направили меня в 1022-й гаубичный полк под Сталинград. Полк разбомбили, раскромсали - и вновь на переформирование.

...Под Бобруйском пришлось батареей командовать: ее командир был ранен, и я, как командир первого огневого взвода, взял его обязанности на себя...

Наша тяжелая противотанковая батарея состояла сплошь из одних заключенных, все с Дальнего Востока. Вот с такими я всю войну прошел. Удивительные это были люди, преступники вроде, а на войне стояли на смерть - все полягут, но не отступят. А когда такую пехоту в атаку поднимают - "За Родину, за Сталина!", кажется, даже мертвые поднимаются и идут. Видно, и для таких людей Родина - это Родина.

Я всю войну прошел со штрафниками и могу утверждать: не было за ними никаких заградительных отрядов. Не было! Конечно, все мы живые люди - и боялись, порой, и трусили. Но другие чувства одерживали верх, и страх отлетал в сторону.

Правда, были и настоящие трусы. Как-то на огневую приехал младший лейтенант из СМЕРШа и все прикапывался: блиндажи, мол, мелкие. А там копать-то глубже нельзя - вода. И вдруг - обстрел. Он в блиндаж забрался, дрожит: "Как там?" А я ему отвечаю: "Как ковырнет сейчас, так и вылетим кверху, жаль парашютов нет". С шуткой-то оно всегда легче. После обстрела этот вояка чесал с огневой, только пятки сверкали.

...2 мая 1945 года наша батарея уже была прямой наводкой по рейхстагу.

...А потом нас бросили на южную группировку. Против нас стояли в основном эсэсовцы и власовцы. Мы еще 17 мая с ними всю царапались. Сосредоточились

они на высоте и все стремились кольцо прорвать. В атаку на них пехоту поднял комбат казах Туркебаев, Герой Советского Союза. Погиб комбат тогда. А какой человек был!

Уже после победы я продолжал службу в Потсдаме. И тогда обнаружили, что, хотя я всю войну был командиром батареи, приказа на меня так и не написали. Командир полка Прокопий Кузьмич Бондаренко возмутился: из-за этого чертова ярлыка писак на всех документах резолюцию оставляли - "Возражаю".

Демобилизовался я в декабре 1946 года, вернулся в родной Курган. Здесь всю войну ждала меня Зоя. Мы с ней поженились за четыре дня до ухода в армию. С ней до сих пор живем, нажили двоих детей, у нас четыре внучки...

В Смоленской области в 1945 году я был командиром артиллерийской батареи. В 1946 году я демобилизовался и вернулся в Курган. В 1947 году я был избран депутатом областного совета. В 1948 году я был избран депутатом областного совета. В 1949 году я был избран депутатом областного совета. В 1950 году я был избран депутатом областного совета. В 1951 году я был избран депутатом областного совета. В 1952 году я был избран депутатом областного совета. В 1953 году я был избран депутатом областного совета. В 1954 году я был избран депутатом областного совета. В 1955 году я был избран депутатом областного совета. В 1956 году я был избран депутатом областного совета. В 1957 году я был избран депутатом областного совета. В 1958 году я был избран депутатом областного совета. В 1959 году я был избран депутатом областного совета. В 1960 году я был избран депутатом областного совета. В 1961 году я был избран депутатом областного совета. В 1962 году я был избран депутатом областного совета. В 1963 году я был избран депутатом областного совета. В 1964 году я был избран депутатом областного совета. В 1965 году я был избран депутатом областного совета. В 1966 году я был избран депутатом областного совета. В 1967 году я был избран депутатом областного совета. В 1968 году я был избран депутатом областного совета. В 1969 году я был избран депутатом областного совета. В 1970 году я был избран депутатом областного совета. В 1971 году я был избран депутатом областного совета. В 1972 году я был избран депутатом областного совета. В 1973 году я был избран депутатом областного совета. В 1974 году я был избран депутатом областного совета. В 1975 году я был избран депутатом областного совета. В 1976 году я был избран депутатом областного совета. В 1977 году я был избран депутатом областного совета. В 1978 году я был избран депутатом областного совета. В 1979 году я был избран депутатом областного совета. В 1980 году я был избран депутатом областного совета. В 1981 году я был избран депутатом областного совета. В 1982 году я был избран депутатом областного совета. В 1983 году я был избран депутатом областного совета. В 1984 году я был избран депутатом областного совета. В 1985 году я был избран депутатом областного совета. В 1986 году я был избран депутатом областного совета. В 1987 году я был избран депутатом областного совета. В 1988 году я был избран депутатом областного совета. В 1989 году я был избран депутатом областного совета. В 1990 году я был избран депутатом областного совета. В 1991 году я был избран депутатом областного совета. В 1992 году я был избран депутатом областного совета. В 1993 году я был избран депутатом областного совета. В 1994 году я был избран депутатом областного совета. В 1995 году я был избран депутатом областного совета. В 1996 году я был избран депутатом областного совета. В 1997 году я был избран депутатом областного совета. В 1998 году я был избран депутатом областного совета. В 1999 году я был избран депутатом областного совета. В 2000 году я был избран депутатом областного совета. В 2001 году я был избран депутатом областного совета. В 2002 году я был избран депутатом областного совета. В 2003 году я был избран депутатом областного совета. В 2004 году я был избран депутатом областного совета. В 2005 году я был избран депутатом областного совета. В 2006 году я был избран депутатом областного совета. В 2007 году я был избран депутатом областного совета. В 2008 году я был избран депутатом областного совета. В 2009 году я был избран депутатом областного совета. В 2010 году я был избран депутатом областного совета. В 2011 году я был избран депутатом областного совета. В 2012 году я был избран депутатом областного совета. В 2013 году я был избран депутатом областного совета. В 2014 году я был избран депутатом областного совета. В 2015 году я был избран депутатом областного совета. В 2016 году я был избран депутатом областного совета. В 2017 году я был избран депутатом областного совета. В 2018 году я был избран депутатом областного совета. В 2019 году я был избран депутатом областного совета. В 2020 году я был избран депутатом областного совета. В 2021 году я был избран депутатом областного совета. В 2022 году я был избран депутатом областного совета. В 2023 году я был избран депутатом областного совета. В 2024 году я был избран депутатом областного совета. В 2025 году я был избран депутатом областного совета.

НАТАЛЬЯ МАКАРОВА

...И ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

Макарова Наталья Федоровна родилась в 1924 году в с. Зеленом Макушинского района. В армию призвана в июне сорок третьего. Служила в зенитно-артиллерийском полку № 1088. День Победы встретила в Варшаве.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями "За освобождение Варшавы", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." и другими. Имеет знак "Почетный донор СССР".

После войны работала в Кургане.

Родилась я в простой семье. Отец работал шофером, а мать была домохозяйкой. В сорок первом окончила 8 классов и училась на курсах бухгалтеров. А после пошла работать в Половинский отдел собеса и трудилась там до призыва в армию - 15 июня 1943 года.

Направили меня на курсы радистов. После их окончания попала в 1088-й зенитно-артиллерийский полк, а вместе с ним - под Смоленск. До сих пор в памяти люди моего родного 4-го артдивизиона - живые и погибшие, веселые и грустные, очень чуткие к нам, девчонкам, чью судьбу опалила война.

В Смоленск мы прибыли во второй половине дня. Эшелон разгрузили, и батарея отправилась в пункт назначе-

ния на охрану объекта. Первым делом принялись строить землянки, торопились, надеясь на спасительную темноту. Но налетели вражеские самолеты и стали бомбить. Немцы с воздуха разбрасывали над городом листовки: "Орша ваша, из Смоленска будет каша". А бомбили так: первая партия самолетов сбрасывает на парашютах осветительные ракеты, а другая - бомбы. И тут поступила команда: "К орудиям!". Под грохот разрывов стали мы подтаскивать ящики со снарядами. А наши орудия открыли огонь по самолетам...

Вместе со своей частью пришлось освободить Смоленщину, города и села Польши. День Победы я встретила в Варшаве.

Демобилизовавшись, я приехала в Курган к тетке и поступила работать техсекретарем в обком партии. К тому времени скончался отец, я была старшая в семье, пришлось забрать в Курган мать с сестрами и брата.

В 1946 году вышла замуж. Воспитали с мужем двух сыновей. А теперь у меня двое внуков и двое правнуков.

С 1948 года и по 1962-й работала в органах МВД. Потом перевелась на завод ЖБИ-2, откуда и ушла в 1979 году на пенсию. Но и, будучи на пенсии, продолжала трудиться в разных организациях вплоть до 1994 года. За свой труд имею много благодарностей и других поощрений.

Такой уж у меня характер, что и сегодня не могу усидеть дома: посещаю клуб "Фронтовичка", пою в хоре ветеранов при городском Доме культуры. Здесь мы общаемся, делимся горем и радостью. На репетициях, концертах чувствую себя хорошо, поднимается настроение, словно молодеешь. И хочется жить...

АЛЕКСАНДР МИТРОХИН

А НА ДЕНЬГИ СПРАВИЛ ПОМИНКИ ПО... СЕБЕ

Митрохин Александр Максимович, 1920 года рождения, воевал на 4-м Украинском фронте. Трижды ранен. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями. Работал на заводе "Курганхиммаш" заточником.

-Ночью в декабре сорок второго нас привезли на фронт. Начали распределять: "Кто в ПТР?" Я поднял руку, а сам не знаю, что это такое. Мне показали противотанковое ружье. "А на чем его возить", - спрашиваю. "Как на чем? На плечики - и вперед!"

ПТР носят два номера на плечах. Грязь не грязь, а тащи на себе. Как привал объявят, падаешь и уже ничего не чувствуешь.

Стояли мы у деревни Котельня под Смоленском. А в деревне немец. Ночью смотрим, танк прет на нас. Команда была бить в лоб. А это "тигр", у него от нашего выстрела только искры от брони в разные стороны, но все же он отступил в лес. По заданию командира я взял связку гранат - и за танком в тот же лес. Сунулся, а там немцы. Они, видно, решили обойти кукурузное поле, на котором мы залегли. Я - к командиру, доложил ему. И решили мы выбираться из этой кукурузы. Мы с первым номером на всякий случай обменялись адресами и побежали через дорогу. В это время танк огонь открыл. Меня ранило в голову, а друга в ногу. Когда очнулся, ползком добрался до своих. Перевязали меня и отправили в госпиталь. Пока добирались до госпиталя, попали под обстрел с самолетов. Тут уж мне ягодицу оторвало. Так, лежа на животе, и ехал до госпиталя...

Брату моему (у меня больше никого не было) пришла на меня похоронка. Он получил за меня 450 рублей. А я в Горьком в госпитале объявился. Узнал он об этом, выслал мне деньги. А куда мы их с ребятами определили, понятно каждому.

А Т У Д * * * К У Х О Ч У Х

А было под Волховом синим
 В крови поднимался рассвет.
 Завязшие танки в трясине
 И черные ленты ракет.
 Болота, болота, болота,
 За каждую кочку бои,
 И молча в отчаянных ротах
 Друзья умирают мои.
 Ползут по кровавому следу,
 По черному снегу полки,
 Лишь веруя сердцем в победу
 Рассудку уже вопреки...

Осталь в тотом асторий
 И, орах предия лавою,
 К нам цегу ты зарой
 Была чтоб над рукою.
 Чтоб в делье твоем омиг
 Как реальный лемста с иши
 Он дини гь чюи тоси
 Холдирежи губиши.

1942г.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ВОИНО РАЙСКО

А НА ДЕНЬГИ СПРАВЛ
ПОМЫНКИ ПО... СЕБЕ

КУРСКАЯ ДУГА

В тургеневских охотничьих местах
Воронки, груды мертвого металла.
Здесь за день по двенадцати атак
Отчаянная рота отбивала.

А как бомбили нас! Не говори -
Такого в Сталинграде не видали.

Всю ночь качались в небе фонари,
Кровавым светом озаряя дали.

С рассветом "тигры" шли на нас опять

И вспыхивали темными столбами,

И приникали мы, устав стрелять,

К горячей фляге пыльными губами.

А все же удержали рубежи,

В июльской битве оправдав надежды.

Окопы на полях примятой ржи

Проходят там, где проходили прежде.

И на скелете пушки "фердинанд",

Прорвавшейся на курские пригорки,

Фотографируется лейтенант,

И над пилоткой нимбом - дым махорки.

1943 г.

Врагу Мелко (у Мелко больше шансов не было) удалось на деньги похоронки. Он выкупил за деньги 400 рублей. А ж в Голландии в военный обменники. Ушел он в плен, выходя из пленника. А куда мы уж в работами шире- вывали, Мелкоид каждому

Константин СИМОНОВ

ФЛЯГА

Когда в последний путь
Ты отправляешь друга,
Есть в дружбе, не забудь,
Посмертная услуга:
Оружье рядом с ним
Пусть в землю не ложится,
Оно еще с другим
Успеет подружиться.
Но флягу, что с ним дни
И ночи коротала,
Над ухом ты встряхни,
Чтоб влага не пропала,
И, коль ударит в дно
Зеленый хмель солдатский,
На два глотка вино
Ты раздели по-братски.
Один глоток отпей,
В земле чтоб мертвым спалось
И дольше чтоб по ней
Живым ходить осталось.
Оставь глоток второй
И, прах предав покою,
С ним флягу ты зарой,
Была чтоб под рукою.
Чтоб в день победы смог
Как равный вместе с нами
Он выпить свой глоток
Холодными губами.

1943 г.

БОЙ У БЕЗЫМЯННОЙ РЕКИ

Окольников Анфиноген Андреевич родился в 1922 году в деревне Дресве Мокроусовского района в крестьянской семье. До войны работал учителем начальных классов, избачом. В 1941 году ушел на фронт добровольцем. После тяжелого ранения и лечения в госпитале в мае 1944 года вернулся в родную деревню. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью "За отвагу", другими наградами.

Много лет отдал Анфиноген Андреевич воспитанию молодого поколения в системе профтехобразования, за что отмечен знаком "Отличник профтехобразования".

Когда началась война, все мои сверстники один за другим отправлялись на фронт. Меня же никак не хотели брать, врачи признавали порок сердца. В конце концов я добился своего, подал заявление: как комсомолец, хочу добровольно участвовать в войне с фашизмом. Просьбу мою удовлетворили, и я был в декабре сорок первого года направлен в город Кусу Челябинской области. Здесь прошел военную подготовку и 23 февраля 1942 года принял присягу. Теперь на фронт!

Однако перед самой отправкой врачебная комиссия вынесла свой приговор: не годен по болезни. Забрали у меня обмундирование и предложили ехать домой. Но домой я не вернулся, а упрямил ребят и в гражданской

одежде отправился со своим эшеломом. После прибытия к месту назначения мне выдали обмундирование, а гражданскую одежду мы сожгли в лесу на костре. Так я снова стал солдатом.

И вот первые тяжелые бои под Старой Руссой. Вооруженная до зубов эсэсовская дивизия "Мертвая голова" рвалась к Ленинграду. А у нас в то время не хватало даже винтовок. Много полегло там моих товарищей, но фашистов к Ленинграду не пропустили. Воины 121-й стрелковой дивизии сражались отчаянно. Иногда после боя во взводах оставалось по несколько бойцов.

Эта горькая судьба меня миновала, хотя и чуть было не погиб. Был отправлен в разведку на оборонительную линию немцев и едва не попал в руки фашистов. Когда вернулся к своим, меня уже и живым не считали, хотели вычеркнуть из списков личного состава. Командир роты только и сказал тогда: "Ну, везучий ты, солдат!"

В мае сорок второго я был отправлен на учебу во второе Омское пехотное военное училище. Но уже в августе, после присвоения нам сержантских званий, весь состав курсантов отправили на фронт. Я стал командиром отделения, а затем помкомвзвода в 945-м стрелковом полку 262-й стрелковой дивизии на Калининском фронте. В рядах этого воинского соединения воевал больше года. Приходилось и наступать, и обороняться, и выходить из окружения, и вести разведку боем. Все было. Но пули и осколки миновали меня и здесь. А подстерег другой враг. В конце августа сорок третьего года свалил сыпняк. Врачи и сестры 323-го медсанбата Маша Батурина и Таня Баренова (с ними я встречаюсь и переписываюсь по сей день) выходили меня.

После выздоровления я был направлен на пополнение в 992-й полк 306-й стрелковой дивизии. Довелось участвовать в освобождении Московской, Калининской, Смоленской областей. Освобождал Белоруссию.

8 ноября 1943 года наша дивизия пошла в наступление на Витебском направлении. Ранним утром артиллерия нанесла мощный удар по обороне противника. Наш батальон вышел из окопов, и мы в полный рост, с криками "Ура! За Родину! За Сталина!" ринулись впе-

ред, стреляя на ходу, забрасывая окопы немцев гранатами. Миновав линию окопов, мы сходу заняли деревню и вышли на берег широкой, но неглубокой реки. Наш стрелковый взвод первым перешел реку вброд и закрепился на противоположном берегу.

Вскоре немцы опомнились, подтянули свежие силы и открыли по нам ураганный огонь - не хотелось им отдавать выгодный рубеж. Основные силы полка не успели перейти реку и залегли на берегу, в зарослях кустарника. Так наш взвод оказался один на один с противником. Немцы предприняли отчаянную попытку выбить нас, сбросить в реку. Завязался страшный бой. Наш командир взвода, младший лейтенант, только что вышедший из училища, необстрелянный, растерялся. Крикнув мне: "Помкомвзвода, ты остаешься за меня!", он направился к реке. В это время его ранило, и больше мы его не видели.

Залегли мы в немецких окопчиках-ячейках. У нас только автоматы и два ручных пулемета. А немцы забрасывают берег минами, поливают из автоматов. Но все атаки противника мы отбили, не отдали берег.

К вечеру, когда стало темнеть, немцы ослабили огонь, и наш батальон смог переправиться через реку. Удержание "пяточка" далось нам дорогой ценой - были убитые и раненые. Истекал кровью и я: немецкий пулеметчик прошил мне ногу и раздробил бедро. По приказу комбата бойцы на носилках вынесли меня с поля боя и оставили в освобожденной нами деревне. Позже нашли меня санитары, перевязали, сдали врачам. На самолете я был отправлен в госпиталь.

Лечился долго. Только в мае 1944 года в сопровождении медсестры вернулся домой, в деревню Дресву. Для меня война окончилась...

АЛЕКСАНДР ПЕСТЕРНИКОВ

В БОЯХ ЗА РОДИНУ

Пестерников Александр Васильевич - старейший в Кургане ветеран Великой Отечественной войны. Родился Александр Васильевич почти век назад - в 1904 году в Елабуге Вятской губернии. В 1915 году семья переехала в г. Тюмень. В двадцатом его отец организовал и возглавил одну из первых сельскохозяйственных коммун Тюменщины "Свободный сибиряк". В том же году Александр Васильевич вступил в комсомол и стал полноправным членом коммуны. С двадцать первого года он член партии большевиков, коммунист.

После окончания рабфака и Московской сельскохозяйственной академии в 1931 году до 1934 года работал в ВАСХНИЛ, а затем в разных городах - в научно-исследовательских институтах по животноводству.

Участвовал в финской и Великой Отечественной войнах. Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, медалями "За оборону Заполярья", "За взятие Кенигсберга", польской медалью "За Одер, Нейсе и Балтику", "За трудовую доблесть" и другими.

После войны работал в г. Грозном. В марте 1957 года был направлен в Курган и работал в областном управлении сельского хозяйства до выхода на пенсию в 1965 году.

- **М**оя первая встреча с Красной Армией произошла в 1920 году, когда я, шестнадцатилетний комсомолец, был бойцом ЧОНа (части особого назначения). Мы обучались военному делу, участвовали в поддержании общественного порядка в селе Успенка Тюменского уезда, в охране сельхозкоммуны "Свободный сибиряк", когда в уезде вспыхнуло кулацкое восстание.

В 1932 году отслужил свой срок в третьем Кавказском горно-вьючном полку, и мне было присвоено звание командира взвода запаса.

В 1939-м, после трехмесячных сборов начальствующего состава, я был оставлен в армии и направлен в Мурманск. Там мне пришлось участвовать в финской кампании. Я был начальником разведки артиллерийского дивизиона. После окончания финской войны наш дивизион направили на остров Кильдин в Баренцевом море. Мы охраняли подступы к Мурманскому заливу со стороны моря. Здесь я провел зимовку 1940-1941 гг. и в апреле 1941 года демобилизовался.

Но недолго довелось мне побыть на гражданке. Вспыхнула война, и я с первых ее дней оказался на фронте. И снова в Заполярье, на Кандалакшском направлении Карельского фронта. Мне в то время было уже 37 лет, я имел определенный военный опыт. Назначили меня командиром взвода управления 290-го артполка 104-й стрелковой дивизии 19-й армии.

На этом участке фронта немцы начали наступление первого июля 1941 года, пытаясь перерезать железную дорогу Ленинград-Мурманск. По прибытии на станцию Кайрала наш эшелон подвергся жестокой бомбардировке. Но все обошлось относительно благополучно: жертв не было, ранен заместитель командира полка по политчасти. Но убито было до тридцати процентов лошадей, пострадала и кое-какая техника. Так началась для меня война.

Особенно упорные бои шли первые два месяца. Создалась угроза окружения нашей дивизии, и был дан приказ об организованном отходе. Наш артполк должен был поддерживать огнем стрелковые части. Этот выход из окружения запомнился мне на всю жизнь. Он был тяжелейшим. Приходилось двигаться по бездорожью, по болотистой местности, по колено в воде. Орудия то и дело увязали, лошади не могли вытянуть их, и нам приходилось впрягаться и помогать лошадям. И в то же время нужно было

вести огонь. Люди были измотаны до предела. И, несмотря ни на что, мы все же вышли из окружения, полк сохранил все орудия. За эту операцию полку был вручен орден Красного Знамени.

Наконец дивизии удалось закрепиться на выгодном рубеже - на восточных берегах озер Верман и речки, соединяющей озера. Здесь мы вели активную оборону до начала наступления по всему Карельскому фронту. За этот период я прошел все ступеньки служебной лестницы - от командира взвода управления батареи до командира дивизиона. Мне было присвоено звание майора.

На этом участке дивизия связывала, отвлекала на себя крупные силы немцев. Мы не давали им спокойно жить: отдельные соединения совершали регулярные рейды по тылам противника, минуя их укрепрайоны; проводили разведку боем, вылазки небольших групп на передний край...

В апреле 1944 года 104-я дивизия получила приказ организовать рейд в тыл немцев. Мой третий дивизион должен был поддерживать огнем действия стрелковых частей. Местом сосредоточения участников рейда была назначена высота Липосентюмя в Финляндии.

Была проведена инженерная подготовка. В глубоком полярном снегу пробита траншея для движения техники. Частые снегопады, туманы и короткий полярный день способствовали скрытному передвижению частей. Однако колонна моего дивизиона была обнаружена самолетами противника и подверглась бомбежке. Человеческих жертв, правда, не было, люди попрятались в глубоком снегу, но продвижение колонны задержалось на неделю из-за недостатка лошадей.

И все же мы прибыли к месту сбора. Мой НП был оборудован на высоте, а по ее склонам расположилась пехота. Немцы, обнаружив сосредоточение наших войск, открыли ураганный огонь. Связь с пехотой часто нарушалась, гибли связисты, восстанавливая ее. А связь нужна. Пришлось послать своего ординарца Прохора Агафонова. И он погиб от осколка снаряда недалеко от наблюдательного пункта. Для меня это была тяжелая потеря близкого человека, три года делившего со мной все тяготы войны.

Но война есть война. Пришлось после артналета набирать новых связистов из других подразделений. Этим

памятным боем закончилось мое участие в боевых действиях на Карельском фронте - я был отправлен в школу по подготовке штабных офицеров артиллерии.

После 4-месячной учебы я был назначен начальником штаба 894-го гаубичного артполка 67-й артбригады 1-й артдивизии прорыва резерва Главного командования. Полк формировался в г. Волчанске. Формирование шло успешно, прибывшие солдаты и командиры проводили учения, осваивали новую технику. Но неожиданно появились затруднения с шоферским составом. В полк прибыли американские "студебеккеры", а пополнение шоферов состояло из 18-летних парней, весь водительский стаж которых составлял 15-17 часов. Некоторых из них и из-за руля-то не видно было. Но парни не подкачали: изладили на сиденья подкладки, чтобы выше было, и стали осваивать новые машины.

По окончании учений наш полк прибыл на станцию Вержболово в Латвии и форсированным маршем двинулся в Восточную Пруссию.

Началась Восточно-Прусская операция, в которой участвовала и наша дивизия. Брали с тяжелыми боями Кенигсберг, освобождали польские города, форсировали Одер.

И вот Германия. Наступая к северо-западу от Берлина, мы должны были не допустить прорыва немецкой группировки войск на помощь Берлину. Все мы чувствовали, что войне скоро конец, настроение у всех было приподнятое.

...Первого мая противник вдруг открыл ураганный огонь по боевым корпусам нашего полка, расположившегося на западной окраине города Гольдберга. А потом все так же неожиданно стихло. Второго мая наша разведка донесла: немцы организованно сдались американцам. Так закончилась для нашего полка и для меня война. А весть о капитуляции фашистской Германии застала нас в лесу, недалеко от поселка Густафель, где мы находились на отдыхе. Это были незабываемые мгновения...

АНАТОЛИЙ ПЕСТЕРЕВ

В БОЮ ПОД БРОДАМИ

Пестерев Анатолий Артемьевич, 1924 года рождения, в Красную Армию ушел добровольцем в 1942 году - в 32-й лыжный полк. Участвовал в Курской битве, в освобождении Киева, Польши. Награжден боевыми орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны первой и второй степеней, медалями.

С фронта выбыл первого апреля 1945 года по ранению. После войны работал в органах милиции. Инвалид второй группы.

В ноябре сорок второго я окончил сержантскую школу в г. Ялуторовске и отбыл в действующую армию. На фронт попал в августе 1943 года под Курск - командиром минометного отделения 896-го стрелкового полка 211-й стрелковой дивизии.

После успешного выполнения одного из боевых заданий меня в октябре сорок третьего направили на курсы младших лейтенантов. Окончив их, я командовал минометным взводом.

Особенно запомнились мне тяжелые бои под Бродами на Львовщине по уничтожению крупной группировки противника. В одном из боев случилось так, что стрелковая рота оказалась без командира, а я остался здесь единственным офицером. Немцы яростно контратако-

вали нас, пытаясь вырваться из окружения. Раздумывать было некогда, пришлось командование ротой взять на себя. Попытки фашистов прорваться на этом участке дивизии были отбиты. За проявленную инициативу и умелую организацию боя стрелковой роты я был награжден орденом Красного Знамени. А заместитель командира батальона Герой Советского Союза И.Н. Чернов написал об этом в армейской газете.

В

КЛАРА ПОПОВА

СКВОЗЬ СВИНЦОВУЮ МЕТЕЛЬ

Попова (Демьяновская) Клара Викторовна, будучи школьницей, окончила краткосрочные курсы медсестер в Кургане и в марте 1942 года добровольцем ушла в армию. Воевала в составе 164-го медицинского санитарного батальона на Волховском фронте. В январе 1944 года была тяжело ранена. Более полугода лечилась в госпиталях. Вернулась в Курган инвалидом второй группы. Было ей в ту пору 20 лет.

После войны Клара Викторовна посвятила себя служению культуре - прошла путь от солистки клуба железнодорожников до директора Дворца культуры. Лауреат многочисленных фестивалей и конкурсов. В 1974 году удостоена звания "Заслуженный работник культуры РСФСР".

Ее участие в войне отмечено орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями "За отвагу", "За оборону Ленинграда" и другими.

-Мне не было еще и семнадцати лет, когда началась война. Я была, что называется, девчонкой с характером, хотела во всем быть первой. Вот и тогда решила во что бы то ни стало попасть на фронт.

В клубе железнодорожников были организованы курсы медсестер, и я, конечно же, записалась на них. В Кур-

ган начали поступать раненые, и мы, будущие медсестры, ходили на вокзал, помогали разгружать раненых, сопровождали их до госпиталя.

Через четыре месяца я окончила курсы на "отлично", продолжала учиться в школе, дома, как самая старшая, помогала матери. Но в мыслях я была на фронте. Считала себя вполне подготовленной: умела стрелять из пистолета, пулемета, хорошо держалась в седле. Этому научил меня отчим - бывший красный командир.

И вот случай представился. В марте 1942 года я узнала, что формируется новая дивизия и нужны медработники. Скрыв свой возраст, написала заявление и была зачислена в 164-й медсанбат. Выдали мне военную форму. Мать же об этом ничего не знала, считала, что я в школе. И вот, отпросившись, вечером я заявила домой в форме, с вещмешком и противогазом. Мать чуть в обморок не упала и заявила, что ни за что не отпустит меня на фронт. Но переупрямить меня было невозможно. И в конце концов мать смирилась, собрала меня и через несколько дней проводила наш эшелон.

Ехали мы весело, с гармошкой, патефоном, нам казалось, что война скоро закончится. Но веселье улетучилось, как только стали подъезжать к Калинин: могильные холмики, разрушенные и спаленные дома. Все притихли, никто уже не пел...

У Малой Вишеры эшелон подвергся бомбежке. Поезд остановился, и мы кинулись врассыпную. Я побежала к разрушенному зданию, вспомнив, как кто-то рассказывал, что бомба дважды в одно место не попадает. Но на пути встал часовой: нельзя! Повернула к ближайшему лесу. Оглянулась: бомба упала точно в этот дом, превратив его в пыль. Накрыло и того часового. Впечатление от первой бомбежки было страшное, казалось, что каждая бомба летит точно в тебя.

Дождались темноты и пешком стали добираться до линии фронта. Придя, разбили палатки, вырыли землянки, развернули медсанбат.

3 июня 1942 года приняли первых раненых. Шел бой под Мясным Бором на Волховском фронте...

В школе я выступала в художественной самодеятельности. И вот теперь, в перерывах между боями, стала выс-

тупать перед однополчанами. Пела все - от романсов до арий. Принимали тепло, ведь эти минуты напоминали мирную жизнь, которая была теперь так далеко.

В 1943 году я вынесла с поля боя восемнадцать раненых, десятки перевязала, за что была награждена медалью "За отвагу".

Шла война. Я окончила курсы младших лейтенантов и была направлена в 377-ю дивизию. Избрали меня комсоргом стрелкового батальона.

...1944 год. Тяжелый бой под станцией Любань. У нас скопилось много пленных немцев, и комбат приказал мне и еще одному солдату отвести их на КП полка. Задание мы выполнили. На КП я доложила обстановку: станция разбита, телефонной связи нет, осталось в батальоне 36 человек. Дали мне в подмогу двух офицеров, и мы пошли на позиции батальона. И напоролись на немцев. В перестрелке я была ранена. Когда очнулась и поняла, что жива, услышала одиночные выстрелы. Это немцы добивали раненых. А потом выстрел, и снова без сознания. В себя пришла только ночью. Где-то совсем рядом послышалось: "Вперед!" Из последних сил крикнула, что здесь раненые. Подошел санитар, перевязал мне руку и волоком потащил по разбитой дороге. Начался новый обстрел, санитар бросил меня, убегая от трассирующих пуль. Тут я снова потеряла сознание. Сколько пролежала - не помню. Подобрали меня разведчики. В санчасти полка сделали операцию и отправили в госпиталь.

В госпиталях я провела шесть с половиной месяцев. А потом мать забрала меня и привезла в родной Курган. Здесь я и долечивалась. В двадцать лет стала инвалидом второй группы.

Надо было жить, что-то делать. А что я умела? Перевязывать раненых, стрелять... В 1945-м младший брат привел меня в клуб железнодорожников имени Карла Маркса. Хор клуба готовил новую программу, и после прослушивания меня взяли солисткой хора. Вот с того дня и трудилась все годы на поприще культуры в клубе, а затем во Дворце железнодорожников. Была его директором.

ВИТАЛИЙ ПСУРЦЕВ

ПАЦАНЫ НА УБОРКЕ „УРОЖАЯ ВОЙНЫ“

Псурцев Виталий Иосифович, урожденный курянин, давно живет в Кургане. Но связей с родиной не теряет: дружит, ведет переписку с курским музеем “Юные защитники Родины”. А дело в том, что сам Виталий Иосифович - бывший юный минер.

По данным все того же музея, в Курской области в 1943-1945 годах обследована обширная территория, обезврежено 988 минных полей. В разминировании участвовали 452 инструктора и 6781 боец-минер. Среди них был и подросток Виталий Псурцев.

После Курской битвы освобожденные от фашистов поля стояли нетронутыми. Нельзя было ворошить их плугом - земля была начинена минами. Работы саперам невпроворот. А где их взять, саперов-то? Инженерным войскам некогда в тылу задерживаться, их дело - в наступление, вперед. И было решено использовать в этом опасном деле подростков. Так, в январе-феврале 1944 года мы, допризывники, получили повестки Ленинского райвоенкомата и были направлены на обучение саперному делу в Курский облвоенкомат.

Учили нас толково. После считанных дней учебы в первых числах апреля 1944 года направили нас “сда-

вать практический экзамен" в село Плоское Дмитровского района Орловской области. И вот мы, 40 парнишек-минеров, едем до станции Конаричи, а дальше, до места, пешком. Идем вдоль бывшей линии обороны, глядя на неубранные трупы бойцов в полушубках, погибших еще зимой...

Начались наши минерские будни. Поначалу робели, идя со щупом и миноискателем, оглядывая каждый клочок земли. Все казалось, вот-вот рванет. Но там, где пахнет смертью, быстро всему учишься, вникаешь в тонкости. Глаз скоро стал наметанным. Но без пострадавших все же не обошлось. Через неделю появились первые раненые.

Как-то разминировали мы балку, поросшую редким орешником. Нас на минном поле было двое: я в низу балки, где трава погуще, а Федор Митрохин - наверху. Работаем, ищем мины. И вдруг - взрыв, крик Федора. Кинулся к нему, а у него кисть правой руки оторвана, глаза опалило. Вынесли мы его с подоспевшим минером Быстрым с минного поля, помогли санитарке нашей команды Шуре Силановой перебинтовать. Потом мы с санитаркой доставили Митрохина в Дмитровскую райбольницу. Позже, навещая Федю, мы очень радовались, что он снова стал видеть.

Нашими неизменными спутницами были санитарки, мобилизованные райвоенкоматом из районной больницы, Шура Силанова (Черных) и Аня Хордипова (Жеребцова). Они помогали раненым, доставляли их в больницу. И свой замполит был в нашей команде - девушка из Ленинского райкома комсомола...

Где-то неделю спустя после случая с Митрохиным легкие ранения получили еще шесть минеров, в том числе и инструктор нашей команды. Смертельно был ранен помощник командира нашей команды Василий Чертов. Сплоховал Василий у немецкого блиндажа, где вся земля была усеяна гильзами. Поле перед блиндажом было нашпиговано "шпринг-минами", мы их звали "минами с усиками". Это такие подпрыгивающие мины, начиненные мелкими шариками. Стоило задеть усик, как она мгновенно подпрыгивала и разрывалась

на уровне груди на сотни мелких осколков-шариков. С этими минами поначалу было больше всего неудач.

Вот на такой mine и подорвался наш товарищ Василий Чертов. Мы с друзьями привезли его в больницу, врач срочно прооперировал, хотя и знал наперед, что он уже не жилец. К утру Василий умер.

Нашей команде пришлось работать и в Хомутовском районе Курской области. И здесь не обходилось без происшествий.

Но мне сопутствовала саперная удача. Помню, на месте взрыва, где погиб юный минер дмитровской команды, надо было проверить поле. Сержант поручил это мне. Проверая, я нашел противотанковую мину, стал ее обезвреживать. И вдруг вижу, боек стал ускользать из моих пальцев. И только техническая неполадка в mine удержала его. Когда я подошел к сержанту и рассказал, что случилось, он только и смог вымолвить: "Ну, парень, ты в рубашке родился или шибко за тебя кто-то молился. Еще момент - и от тебя ничего бы не осталось".

Всего за весну и лето нами было обезврежено несколько десятков тысяч мин.

Позже, когда осенью 1944 года меня призвали в армию, мне была объявлена благодарность, а перед строем вручили денежную премию - 500 рублей. Не медаль, конечно, но приятно было. Как-никак, а обезвредил более 3000 мин. Это сколько жизней могло на них погаснуть...

ВАСИЛИЙ РУСИНОВ

ХРАБРЫЙ ОФИЦЕР

Василий Егорович Русинов, 1923 года рождения, уроженец д. Ждановки Юргамышского района.

С 1942 года участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками в составе 215-й стрелковой дивизии. Подо Ржевом был ранен в первый раз. За всю войну ранен четырежды.

После окончания курсов младших лейтенантов командовал стрелковым взводом 88-го полка 28-й стрелковой дивизии на Втором Прибалтийском фронте. Участвовал в ликвидации Курляндской группировки противника.

Боевой путь Василия Егоровича отмечен двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями.

А вот как писала о нем фронтовая газета в марте 1945 года: "Личные качества младшего лейтенанта Русинова проверены в боях с немецкими захватчиками. Он храбрый и знающий свое дело офицер".

II

АЛЕКСЕЙ САВЕЛЬЕВ

ЗА „ЯЗЫКОМ“

Савельев Алексей Алексеевич родился в деревне Кунгуровке Притобольного района. В армию призван в октябре 1943 года. После короткой учебы в Чебаркуле Челябинской области в апреле сорок четвертого был отправлен на фронт в звании сержанта.

Воевал в составе 1-го Белорусского фронта. Первые бои принял в районе г. Бреста, при форсировании Буга. Был командиром расчета станкового пулемета, разведчиком.

День Победы встретил на Эльбе.

Награжден боевыми орденами и медалями. Имеет благодарности Верховного Главнокомандующего "за отличные боевые действия, проявленные в боях по окружению и ликвидации группы немецких войск юго-восточнее Берлина" и "за отличные боевые действия при прорыве обороны немцев и наступлении на Берлин".

После войны Алексей Алексеевич был на партийной, хозяйственной, советской работе. И здесь бравый разведчик не ударил в грязь лицом, о чем свидетельствуют орден "Знак Почета" и медаль "За трудовую доблесть".

После ранения и госпиталя я был направлен в разведроту. Так до победы и воевал разведчиком.

— После ранения и госпиталя я был направлен в разведроту. Так до победы и воевал разведчиком.

Однажды командир разведроты Смирнов дал нам с Михаилом Козловым задание во что бы то ни стало

взять "языка". Зашли мы далеко в тыл, остановились, огляделись, пропустили патруль. А потом в одном из окопов и прихватили немца. Он было пытался закричать, но мы его быстро утихомирили. Когда уже перешли линию фронта, оказались на своей территории, немец стал на ломаном русском языке доказывать, что он антифашист, тельмановец.

Позже в штабе с ним разобрались, он дал ценные сведения. А то, что был тельмановцем, оказалось враньем.

Разведчику долго отдыхать не дают. Едва пришли в себя - нам с Козловым новое задание. Сдали награды и документы, отправились в тыл к немцам. Идти было непросто - минные поля, осветительные ракеты. Поняли, что за сутки нам не обернуться. А в штабе наших сведений ждали. Готовилось наступление.

Вернулись мы лишь на исходе третьего дня, измученные, голодные. Но унтер-офицер, которого мы приволокли с собой, оказался очень полезным.

Так вот и дотопали мы с Михаилом до Берлина. В ночь с 8 на 9 мая несли с ним патрульную службу в одном из немецких имений близ Берлина. Вдруг ни с того, ни с сего пожаловал к нам начальник разведки дивизии Шаповалов: "Поднимайте роту, ребята, только не по тревоге..." Так мы узнали, что войне конец.

МАРИЯ САННИКОВА

ВИД ГОЛОДНЫХ ДЕТЕЙ ПОСТРАШНЕЕ БОМБЫ

Санникова Мария Александровна родилась в 1925 году. Служила поваром на Калининском, Ленинградском, Прибалтийском фронтах. Войну закончила на Дальнем Востоке старшим сержантом в должности старшего повара.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями.

До выхода на пенсию работала товароведом отдела сбыта на заводе "Курганхиммаш".

— **Ч**тобы попасть на фронт, я приписала себе два года. Окончила поварское отделение интендантского училища и получила направление на Калининский фронт.

Всю войну - рядом с передовой. Чтобы там ни случилось, а надо было накормить около 400 человек три раза в день в определенные часы. А попробуй сорви график - угодишь, чего доброго, в штрафную роту. Мы были в постоянном движении: войска наступают - мы за ними, отступают - мы впереди их. Приходим на новое место, прежде всего надо узнать у медиков, где брать воду. Дело в том, что часто колодцы были завалены трупами и вода оказывалась непригодной.

Солдатское меню не очень-то богато: щи из кислой капусты, перловая, овсяная или пшенная каша. Мы изощрялись как могли - старались в лесу найти какую-нибудь съедобную траву, приправу какую-то добыть.

Мы очень страдали от бомбежек: кухня - объект заметный. Немцы нас находили быстро, поэтому нам часто приходилось менять место. Разворачивались где-нибудь на опушке леса, маскировались. В одном населенном пункте расположились в единственном уцелевшем доме. Ходили по одной маленькой дорожке, так как всюду было написано: "Мины". И только мы уеха-

ли, как дом взорвался. Оказывается, он был заминирован, а провод от мины выведен в огород. Хорошо, что лежали сугробы и никто из наших не полез в огород.

Страшно было, когда хоронили людей. А это не так редко случалось. Однажды недалеко от дома, где мы расположились, разорвался снаряд. Осколки в стену, как град, сыпались, с потолка земля летит, пол под нами ходуном ходит. А мальчишка-дежурный (только заступил) в это время за дровами шел. Осколок в голову - и нет парня. Через день ему письмо пришло с фотокарточкой - мать и семеро сестер и братьев.

Другому нашему парню написали из дома: "Ваня, милый, я видела сон - белых голубей. Может быть, ты уж и не жив?.." А его действительно на посту осколком убило. Все похороны, похороны... Только где-то в сорок четвертом полегче стало.

Всякое говорят про женщин на войне, всякое и бывало. Но все зависело от того, как сама себя поведешь, да и от возраста тоже. Мне было 17 лет, я была маленькая, худая. Меня, кто помоложе, сестренкой звал, кто постарше - дочуркой. Жалели и оберегали. Вообще на войне, я заметила, люди как бы другими делаются, душевнее, что ли. Их как будто кто учит жалеть друг друга.

Какие только трудности не переживали - и в обмотках ходили, и не раздевались-не разувались по неделям, а все равно: самолет отбомбит, улетит, и начинаются смех, шутки, балалайка забрякает, вальс, друг другу настроенные стараемся поднять. Помню в Великих Луках вокзал: крыши нет, одни стены. Разбили мы палатки и так хорошо пели: "Ой ты, Галя, Галя молодая..." На всю жизнь запомнила эту песню.

И что еще интересно: в момент самой опасности среди людей не так страшно. Страшно становится потом, когда об этом вспоминаешь. До сих пор кажется, что этого просто не могло быть, что это дурной сон.

...После войны приехала сюда к тетке, вышла замуж, взяли ребенка из детдома. А дело в том, что, когда возвращались с фронта, на вокзалах было столько детей - не высказать: грязные, оборванные, питались около воинских эшелонов. Помню, принесла в вагон бадью ов-

сяной каши, а солдаты: "Отдай седьмой нестроевой роте!" Так ребятишек называли. Я начала раздавать, а они, как взрослые, смотрят, взгляды печальные, боятся, что всем не хватит. Тянут, бедные, ручонки - кожа да кости. Видеть это было, пожалуй, потяжелее, чем разрывы бомб и снарядов. Раздаю кашу, а сама думаю: если останусь жива, обязательно ребенка из детдома воспитаю. И воспитала.

А еще с тех пор, наверное, у меня "слабость": стараюсь всех хорошо накормить. Кто бы в дом ни пришел, все говорят: "Как у тебя хорошо все и вкусно..."

ВИТАЛИЙ САФОНОВ

ГЕРОЙ НАСТУПЛЕНИЯ

“Офицеру Виталию Павловичу Сафонову 23 года. Из них три года он пробыл на фронте, два раза был ранен, защищал матушку-Москву, едва не утонул в болотах Смоленщины, несколько раз был на волоске от смерти.

Не каждому дано в 23 года командовать батальоном. Офицер Сафонов достиг этого благодаря настоящему совершенствованию своих знаний. В боях росло его мастерство, оттачивалось умение наносить сокрушительные удары по ненавистному врагу. Орден Александра Невского на груди Сафонова - знак его воинского мастерства. Никогда не изгладится из памяти воинов нашего батальона один бой.

Стоял ясный сентябрьский день. Предстояло выбить противника из мощного опорного пункта. Немцы старались во что бы то ни стало удержать этот рубеж, он прикрывал единственную шоссеюную дорогу, по которой могла отступить группировка. Оседлать эту дорогу и решил Виталий Сафонов. Необходимо было по болоту проникнуть в тыл врага, туда, где он меньше всего ожидал нашего удара. Эту задачу он поручил офицеру. А сам одной ротой начал атаковать немца в лоб, отвлекая на себя внимание противника.

Разумный риск, смекалка, находчивость Сафонова себя оправдали. Когда немцы наконец поняли, в какую они попали ловушку, было уже поздно. Шоссеюную дорогу оседлали наши бойцы.

В этом бою Сафонов был ранен. С трогательной нежностью провожали его бойцы.

- Не тоскуйте, ребята, я скоро вернусь, - сказал на прощание Виталий Сафонов”.

Из фронтовой газеты.

ИВАН СЕРГЕЕВ

В БОЙ С ПЕРВЫХ ДНЕЙ

Иван Александрович Сергеев родился в 1919 году в д. Островное Лебяжье-вского района. В 1939 году был призван в армию, служил в Минске в войсках НКВД.

В боях - с первых дней войны. Участвовал в обороне Бреста, Минска, в боях на Березине и под Смоленском.

Из-под Смоленска часть была сформирована 2-я мотострелковая дивизия войск НКВД имени Дзержинского (дивизия особого назначения).

И.А. Сергеев - участник обороны Москвы.

После демобилизации в 1947 году работал до пенсии шофером в Москве. С 1998 года живет в Кургане.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВ

ДО БЕРЛИНА ПУТЬ НАШ БЫЛ НЕЛЕГКОМ

Сергеев Александр Иванович, гвардии майор в отставке, инвалид войны второй группы. В боевых действиях участвовал с сентября 1942 г. по май 1945 г. Дважды ранен.

Родился Александр Иванович в 1923 году в Каргапольском районе. Родители перед войной переехали в деревню Подборное Белозерского района. Учился в Белозерской средней школе. В марте 1941 года ушел в Красную Армию, был зачислен курсантом школы летчиков. После ее окончания переведен в Свердловскую авиационную школу пилотов. В декабре 1941 года окончил ее в звании сержанта.

С боями прошел от Сталинграда до Берлина. Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, двумя орденами Красной Звезды, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги", "За оборону Сталинграда", "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина" и другими.

В 1958 году вышел в отставку, переехал в Курган, где долгие годы работал на транспорте - инженером, начальником отдела областного транспортного управления. С 1986 года на пенсии.

-Когда разразилась война, я был курсантом школы летчиков. И что нас волновало тогда? Жаль, не успеет сразиться с фашистами! Ведь как мы были воспитаны: наша армия всех сильнее; быстро разгромим и уничтожим врага на его территории. Не думали-не гадали, что этой самой войны хлебом еще досыта...

Ну а тогда вместо фронта направили меня еще учиться - в Свердловскую авиационную школу пилотов, которую я окончил в декабре 1941 года.

Но воевать летчиком так и не довелось. Самолетов не хватало, а обстановка на фронте складывалась тяжелейшая. И попал я под Сталинград не летчиком, а пехотинцем 5 сентября 1942 года. Пришлось быть и командиром минометного расчета, и взводом командовать, должность заместителя командира роты занимать. А когда получил под свое начало роту, то командовать ею пришлось всего несколько дней, так как был тяжело ранен. С февраля по май 1943 года находился в госпитале в г. Саратове.

На войне как на войне. Бывает, вот попал в безвыходное положение, все, конец. А нет, судьба по-другому распорядится, и ты, пережив страх, уже попрощавшись мысленно с жизнью, снова жив, снова идешь в бой, воюешь.

Помню утро под Сталинградом. Уже поднялось солнце. Тишина, словно и нет войны. Но вдруг со стороны немцев донесся далекий шум. Постепенно он нарастал. И вот мы увидели в клубах пыли быстро несшиеся прямо на нас танки.

Прозвучала команда: "Приготовиться к бою!" Какой бой, когда у каждого из нас одна только противотанковая граната. Все застыли в своих окопах в напряжении: что будет? Мысленно попрощался с родными, с отцом, который тоже где-то на фронте... А танки все ближе...

И тут сзади нас раздались пушечные залпы. Оказывается, ночью незаметно позади наших окопов заняла позиции батарея противотанковой артиллерии. Смотрю, один танк загорелся, другой... Остальные разворачиваются и спешно отходят. Все! Мы спасены, живем!

После нескольких дней кровопролитных боев мы понесли большие потери и нашу часть отвели на короткий

отдых. Солдаты буквально не узнавали друг друга: исхудавшие, почерневшие. Говорили мало, больше курили и молчали, молчали и курили. В такие моменты какой-нибудь курьезный случай, шутка могли преобразить солдат, снять напряжение, дать почувствовать, что жизнь, несмотря ни на что, продолжается. Вот один из таких случаев.

...Стало уже холодать. Мы изрядно подзапылились, обовшивели в окопах, и начальство решило помыть солдат, дать небольшую передышку. Баню соорудили на берегу балки. Пришла наша очередь париться. Но старшина, видимо, что-то поднапутал со временем. Словом, когда мы зашли в предбанник, разделись и полезли в парилку, там раздался страшный визг. Оказывается, в это время мылись наши девчата - связистки, санитарки. Пришлось нам отступить с позиций, пока девчата не покинули баню. Сколько шуток было по этому поводу! Все словно оттаяли, забыли на время о войне, о том, что смерть рядом...

С июня 1943 года и до конца войны я воевал в 12-й мотострелковой бригаде 11-го танкового корпуса. Участвовал в битве на Курской дуге, освобождал Орел. А потом были бои в Донбассе и Белоруссии, стремительный бросок от Вислы до Одера по территории Польши, освобождение Варшавы, Лодзи, Познани, других городов. Тяжелые бои за Берлин, штурм имперской канцелярии.

После взятия Берлина наш танковый корпус был выведен из города и направлен на освобождение Праги. Шли ускоренным маршем. Но на полпути вдруг были остановлены в маленьком германском городке. Слышим, раздалась беспорядочная стрельба, крики: "Победа! Победа!". Было это 9 мая 1945 года. И откуда что взялось: играла музыка, появилось вино - какой это был праздник!

После войны с армией распрощаться не удалось. Я был направлен на учебу в Ленинградскую высшую офицерскую бронетанковую школу. Окончил ее и служил в Советской Армии до сентября 1958 года, когда по моему рапорту был отправлен в отставку.

Переехал с семьей в Курган, где все годы до пенсии проработал на транспорте.

АНТОНИНА СЕДИНКИНА

САНИНСТРУКТОР

В 1941 году в Кургане были организованы курсы сандружинниц. Окончив их в 1942 году, Антонина Алексеевна ушла на фронт санинструктором. Попала на Карельский фронт в 29-й отдельный полк связи 7-й армии. Участвовала в героической обороне Ленинграда.

Когда настало время наступления наших войск, форсировала р. Свирь, освобождала г. Лодейное Поле, Карелию.

В дальнейшем с войсками 3-го Украинского фронта освобождала от фашистов Польшу, Венгрию. День Победы встретила в Чехословакии.

Демобилизована в 1945 году. После войны работала в сфере обслуживания.

ВЛАДИМИР СЕРКОВ

„ВСПОМНИМ МЫ ПЕХОТУ И РОДНУЮ РОТУ...“

Серков Владимир Трофимович родился в 1925 году в д. Сосновке Куртамышского района. В январе 1943 г. Чашинским райвоенкоматом призван в Красную Армию. Окончил Таллинское военно-пехотное училище (г. Тюмень). В 1962 г. - военную академию им М. В. Фрунзе. Участник Великой Отечественной войны с октября 1944 г. по май 1945 г. Воевал на 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах в качестве командира пулеметного взвода.

После войны продолжал службу в Советской Армии на Украине, Курильских островах, о. Сахалин, Алтае, в ГСВГ, на Урале. С 1967 г. по 1970 г. находился в качестве военного советника в армии Египта, борющейся с израильской агрессией. В войсках занимал должности от командира взвода до начальника штаба дивизии.

В 1982 г. с должности начальника военной кафедры КСХА уволен из рядов Советской Армии в звании полковника.

Имеет награды: орден Отечественной войны II степени, два ордена Красной Звезды, орден "За службу Родине" III степени, 17 медалей.

- **Н**аша отдельная пулеметная рота была сформирована в конце октября 1944 года в г. Пунске. Командирами взводов были назначены только что прибывшие выпускники Таллинского военно-пехотного училища - А. Бовкун, Т. Луциков, Ю. Козырев, Н. Дворядкин, В. Бусыгин и я. Это было необычное подразделение, состоявшее из шести взводов. На вооружении - 18 крупнокалиберных пулеметов ДШК. Рота входила в штат стрелковой дивизии, имела штаб, передвигалась на автомашинах.

После короткого марша мы выдвинулись на передний край и заняли огневые позиции.

К этому времени войска 3-го Белорусского фронта вторглись в пределы Восточной Пруссии. Встретив сильное сопротивление, вынуждены были перейти к обороне и вели, как сообщалось в газетах, бои местного значения. В частности, наша 331-я и соседняя 88-я стрелковые дивизии - за г. Гольдап, который несколько раз переходил из рук в руки.

23 января, после перегруппировки сил, началась Восточно-Прусская операция. Наши войска перешли в наступление. В полосе нашей дивизии, несмотря на снежные заносы на дорогах, оно развивалось успешно. Противник оказывал ожесточенное сопротивление, главным образом, в населенных пунктах, городах.

Но в наступлении - не в обороне. У всех настроение приподнятое, боевое. Понимали, что каждый пройденный километр приближает нас к концу войны. Однако в наступлении и потерь больше. Не миновали они и нашу роту. До сих пор с болью вспоминаю своих погибших товарищей, которым не суждено было дожить до победы. Вспоминаю их и события того времени. Особенно мне памяты дни после штурма г. Ландсберга в начале февраля 1945 года.

Со взятием нашими частями этого города, 2 февраля, немецко-фашистским войскам был нанесен чувствительный удар, они лишились последней надежды на поддержание связи с кенигсбергской группировкой. Наше командование учитывало вероятность контрнаступления немцев. Было приказано в связи с этим прикрыть наиболее опасные направления огневыми средствами.

Нам с А. Бовкуном поставили задачу - совместно со стрелковыми подразделениями оборонять на северной окраине города перекресток дорог, ведущих в г. Кенигсберг и г. Хайльлигенбайль. Вечером заняли позиции. Неожиданно А. Бовкуну поставили новую задачу - оборонять хутор Паустерн в семи километрах северо-западнее города. Мой взвод остался один. Недалеко в фольварке располагался штаб нашей роты. Ночь прошла относительно спокойно.

С утра 3 февраля обстановка резко изменилась. Опадения командования были не напрасными. Фашисты, сосредоточив превосходящие силы пехоты и танков на севере, западнее и восточнее города, перешли в контрнаступление. Начались упорные бои.

...Справа от занимаемой нами позиции, со стороны леса, появилась небольшая группа наших солдат, находившихся в боевом охранении. Они отходили к городу, вместе с ними был офицер. Удалось выяснить, что они находились на опушке леса. Немцы их атаковали и сейчас идут к нашим позициям. Я доложил об этом в штаб. Поскольку командира роты там не оказалось, я приказал старшине роты ехать в город и укрыться за ближайшими домами на окраине.

Взвод приготовился к бою. Два пулемета на машинах, один - "по-наземному" у дороги. Нервы напряжены, но чувствую какой-то азарт, мысли работают четко. Наблюдают: перебежками все еще отходят солдаты нашего охранения. В город галопом пронеслись две повозки. Начали отходить машины штаба роты.

На фоне леса появились немецкие штурмовые орудия, с ними цепь автоматчиков. Немцы все ближе, а штаб роты отходит очень медленно, у них что-то не ладится, замешкались. Сигналю, чтобы быстрее убирались в город. Рядом залегли солдаты боевого охранения.

И вот сразу два наших пулемета открывают огонь. Он не наносит большого вреда бронированным машинам, они медленно продолжают двигаться, ведут огонь с коротких остановок. Зато автоматчики приотстали, залегли. Разрывы снарядов стали заметно ближе к нашим позициям. Пока не поздно, я решил их сменить.

Маневр прошел удачно. Новое место на высотке, поросшей кустарником. Огнем заставляем залечь поднявшихся было автоматчиков. Без сопровождения пехоты бронированные машины дальше двигаться не рискнули и стали отходить.

Штаб роты так и не успел уйти в город, одна машина была разбита прямым попаданием снаряда, вторая - повреждена. Шофер тяжело ранен. У нас во взводе погиб санинструктор роты старшина Кабанов.

Появился командир роты. Мы его не любили. Он всегда исчезал, когда обстановка осложнялась. А сейчас, как всегда, начал искать виновных и ругаться. Удрученный случившимся, я не стал его слушать, ушел в свой взвод.

Через некоторое время из хутора Паустерн прибыл со взводом А. Бовкун. Ему приказано было быть в резерве, ехать в город.

На следующий день немцы делают новую попытку ворваться в город. Случилось это во второй половине дня. На этот раз крик наблюдателя "Немцы!" все восприняли более спокойно: хуже, чем вчера, не будет, да к тому же сегодня рядом с нами огневые позиции орудий истребительно-противотанковой батареи.

И вот немецкий танк, несколько штурмовых орудий и цепь автоматчиков пошли в атаку. Первыми открыли огонь по ним противотанкисты. А когда немцы подошли ближе, заговорили наши пулеметы.

Позиция одного нашего орудия была рядом, и я с напряжением следил за действиями артиллеристов. Первый выстрел - недолет. Второй - резанул рикошетом по броне так, что выскочили искры. И тут, похоже, немецкие самоходчики засекли наше орудие. Одна машина двинулась прямо на него. Расчет скрылся в ровиках. Потом быстро выскочили - сначала заряжающий, за ним наводчик. Заряжающий тренированными движениями загнал снаряд в казенник и тут же скрылся. Наводчик, как мне показалось, очень долго копошился. Наконец раздался выстрел. Снаряд попал в гусеницу. Машина остановилась, затем начала медленно разворачиваться, подставляя левый борт. Она была обречена, от очередного выстрела загорелась.

Пулеметы продолжали вести огонь. Видно было, как

немцы прятались за бронированными машинами, их цепь редела...

Вдруг раздался оглушительный треск. В ушах зазвенело. Немного придя в себя, я закричал:

- Машину!.. Меняем огневые!

Но никто не спешил выполнять мою команду.

- Где Трошков?! Быстро!

Подбежал сержант Екименко:

- Вот он, товарищ лейтенант, лежит.

Я только сейчас увидел: снаряд попал в телефонный столб, который стоял рядом с тем местом, где мы лежали с шофером. Осколок поразил его в голову. Смерть наступила мгновенно.

Машину водить никто не умел, в том числе и я. Несмотря на это, бросился к "газику". Сержант Нефедов крутнул рукоятку, мотор, фыркнув (обычно он заводился с трудом), начал работать. Я включил скорость и поехал. Забрали мертвого Трошкова, загрузили пулеметы и, виляя, двинулись с черепашью скоростью. Ехал я все время на первой передаче, боялся, что, если начну ее переключать, двигатель обязательно заглухнет. И все же мы заняли новую позицию, даже не верилось, что все обошлось благополучно.

Так состоялась моя первая самостоятельная поездка на автомобиле, которая запомнилась навсегда. Было удивительно, почему немцы упустили такую цель, обреченную на стопроцентное поражение. А, впрочем, им было не до нас. Артиллеристы подбили еще одно штурмовое орудие. Черный дым от него расстилался по полю. Вражеская пехота, отсекаемая пулеметным огнем, залегла, а потом начала отходить.

Очередная попытка немцев прорваться в город не удалась.

Наши дела тоже оказались неблестящими. Горючее заканчивалось, боеприпасы на исходе, связи с командиром роты нет. Наш "газик" взяла на буксир машина одного из взводов. Мы заняли позицию у железнодорожной станции. Здесь возле дома, в небольшом скверике, похоронили своего товарища Федора Трошкова.

Я пошел разыскивать штаб роты, встретил Н. Дво-

рядкина, и он рассказал мне, где находятся позиции других взводов и что мы в городе окружены немцами.

Взвод А. Бовкуна оборонялся возле церкви. У него большие потери: три человека убиты, четверо ранены.

Не выходит из головы мысль об окружении: без горючего обойдемся, продовольствие есть - свое и трофейное, а вот без боеприпасов воевать нельзя. Прислушиваюсь к настроению своих подчиненных. Вроде бы никто особо не унывает. Ходят упорные слухи, что к нам на помощь идут резервные части...

И наконец мы их дождались. Бой по ликвидации немецкого окружения наших войск в г. Ландсберге начался 7 февраля. В итоге хорошо подготовленного удара к исходу дня блокада была снята.

После ликвидации окружения мы узнали о зверской расправе фашистов над ранеными и медперсоналом захваченных ими медсанбатов 331-й и 88-й стрелковых дивизий, находившихся в поселке Грюнвальде. Гитлеровцы забрасывали гранатами и душили выхлопными газами раненых бойцов, укрывшихся в подвальных помещениях.

После овладения г. Хайльлигенбайлем на берегу Балтийского моря восточно-прусская группировка немцев была ликвидирована. Потом мы в составе 1-го Украинского фронта принимали участие в Пражской наступательной операции.

Война закончилась. Настал день долгожданной победы.

Из шести моих товарищей-однокашников по училищу, воевавших в роте, остались в боевом строю только двое - Т. Луциков и я. В. Бусыгин погиб, А. Бовкун, Н. Дворянкин, Ю. Козырев получили серьезные ранения.

* * *

Через много лет, в 1994 году, накануне 50-летия Победы, в г. Тюмени в этом же училище состоялась встреча выпускников 5-й пулеметной роты нашего училища. К сожалению, многих на этой встрече мы недосчитались, но те, кто еще здравствует, полны оптимизма, несмотря на возраст, одолевающие недуги и постигший страну хаос.

ИВАН СЕМЕНОВ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ТАНК СЕМЕНОВА

Семенов Иван Гаврилович родился 1 сентября 1923 года в с. Гагарье Куртамышского района. В 1941 году окончил 10 классов школы № 12 г. Кургана, а в декабре сорок первого добровольцем по призыву Челябинского обкома комсомола ушел в армию. Попал в воздушно-десантные войска в Подмосковь, в мае 1942 года десантировался в тыл врага в районе Старой Руссы.

По окончании в июне 1943 года Казанского танкового училища в звании младшего лейтенанта был направлен командиром танкового взвода на Курскую дугу.

Участвовал в боях за Киев, в Львовской, Сандомирской, Висло-Одерской, Берлинской операциях. Освободил Прагу. Его воинские должности: командир танка Т-34, командир взвода, командир танковой роты. Окончил войну в звании гвардии капитана. Был дважды ранен. Демобилизовался из Германии в январе 1947 года. Награжден орденами и медалями.

После войны в течение 45 лет работал в системе сберегательных касс Курганской области.

Вы хотите, чтобы мы показали вам самый старый прославленный танк? - переспросили группу танкистов. - Это можно, даже с удовольствием. Эта машина - наша гордость. Мы ее называем старушкой.

Разговаривая, мы приблизились к танку. Внешне он ничем не отличался от остальных. Крупными буквами выделялась на нем надпись - "Медработник".

...Это было на Висле. В торжественной обстановке гвардейцам вручались только что сошедшие с заводского конвейера машины. От них пахло еще свежей краской. Большинство танков этого эшелона были именные, купленные рабочими и служащими страны на личные сбережения. Поэтому с особым вниманием и интересом отнеслись к ним танкисты. Тогда же была вручена

боевая машина и экипажу гв. лейтенанта Семенова. Танкисты внимательно осмотрели ее, проверили мотор, агрегаты и свои рабочие места.

- Вот это машина! - восхищались они. Одно только не нравилось танкистам: слишком мирное название носила она - "Медработник".

Славу этому танку завоевали люди. Лихой народ воевал на нем. Умело громили врага, умело ухаживали за машиной, берегли ее. На Сандомирском плацдарме, в боях за Польшу, воевал на нем гвардии лейтенант Иван Семенов - отважный 22-летний офицер-уралец. Водил машину куйбышевец Леонид Минеев.

- Помню я бой за Ниду, - рассказывает Семенов. - Быстро мы шли тогда. Старались опередить отступающего противника, чтобы он не успел занять оборону на выгодном рубеже - на западном берегу реки. Наш батальон догнал колонну немцев. Вступив с ними в бой, мы разгромили гитлеровцев, уничтожили 6 фашистских танков. Один из них уничтожил я. Так открыл боевой счет наш танк "Медработник". Словно мстя нам, гитлеровцы совершили налет и обстреляли наш танк. Снарядом был сорван люк. Один снаряд впился в броню машины, но не пробил ее. Очередные выстрелы фашистских стервятников зажгли брезент на машине. Но экипаж затушил его и спас танк. Это было первое боевое крещение танка "Медработник". Блестяще вышел он из него. Хотя немножко и помят, но грозен и силен.

- В другой раз, - рассказывает командир орудия Старцев, - мы ворвались на железнодорожную станцию. Немцы только что выгрузили на ней 8 танков и около 1000 солдат и офицеров. Завязался бой. Товарищ лейтенант взялся сам стрелять. Он подбил 2 немецких танка, уничтожил около 70 гитлеровцев.

В бою был ранен Семенов. На его место пришел молодой гвардеец Алексей Живцов. На танке "Медработник" он вступил в Германию. И вскоре старые танкисты, побывавшие в аду сражений, приняли его в свою суровую, взыскательную броневую семью. За смелость, мужество, умение бить врага стали уважать Живцова.

...Фашистский танк по лесу пробирался в тыл к нашим мотострелкам. Немцы старались пройти незамеченными, поэтому выбрали малонаезженную лесную дорогу. Но врагу не удалось схитрить. Немцев заметил Живцов и, развернув танк, пошел им навстречу. Гитлеровцы не приняли боя и начали поспешно отходить.

Танк "Медработник", подминая под гусеницы молодые деревья, помчался наперерез врагу. Высотка. Немецкий танк успел подойти только к ее подножию.

- Короткая! - скомандовал Живцов. Танк остановился. Сразу же прозвучал выстрел. Два снаряда понадобилось Живцову для того, чтобы фашистский танк загорелся. На этом же танке Живцов подбил три фашистских орудия.

Вернулся из госпиталя Семенов и снова сел на свой танк. Из Силезии шел теперь танк "Медработник" в логово фашистского зверя - Берлин. Не давая пощады врагу, отважный экипаж танка "Медработник" уничтожал немецкие танки, орудия, автомашины, живую силу врага. Еще 2 танка, подбитых в боях за Берлин, и несколько пушек прибавилось к счету этого славного экипажа.

Берлин взяли. На танке "Медработник" вошли танкисты в Чехословакию. На нем экипаж добил проклятого врага, встретил великий День окончательной победы над Германией.

С честью привели к победе танк "Медработник" механики-водители Минеев, Солощенко. 3200 километров прошел с боями танк, отработал три нормы мото-часов. Экипаж уничтожил на нем 6 фашистских танков, 12 пушек, более 500 немецких солдат и офицеров, раздавил и расстрелял около 300 автомашин противника.

Гвардии капитан В. Вережкин.
(Газета "За честь Родины" за 31 августа 1945 года).

Грамота Ленинграду от Президента США

От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода - с 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим несокрушимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии.

17 мая 1944 года

Франклин Д. Рузвельт.

Вашингтон.

5-й был район Спасский. Неуго восте принял мо-
далью гвардейск Александр Шиханов. Не также "Медведе-
виз" он поступил в Горький. И там же старые гвардей-
цы, побывавшие в эту срочный, приехали в гвардей-
скую, казенную, буфетную, самую. За смелость,
мушкетер, ушел бы в войска столя увидать Шиханов.

МИХАИЛ СИДОРОВ

ДОРОГА ЖИЗНИ

Сидоров Михаил Александрович родился в 1917 году в д. Убиенное Юргамышского района. После окончания семилетки трудился в родном колхозе, а затем поступил в Ленинградский индустриальный техникум им. М.В. Фрунзе.

Войну встретил студентом 4-го курса техникума, вступил в народное ополчение. В феврале 1942 года в составе одиннадцатого добровольческого отряда вел борьбу с десантом фашистов в районе Новой Деревки под Ленинградом. Был контужен и эвакуирован на Большую землю.

После излечения от контузии и дистрофии - снова на фронте, пулеметчиком 413-й Краснознаменной стрелковой дивизии. В марте 1943 года в бою под Смоленском был тяжело ранен. Вернулся в свою деревню инвалидом второй группы в июле сорок третьего. Работал председателем сельского Совета, заместителем председателя Юргамышского райисполкома.

С ноября 1944-го по июнь 1945-го работал в политотделе облвоенкомата. Все последующие годы трудился в облпотребсоюзе.

Имеет 18 правительственных наград, в том числе орден Отечественной войны первой степени, медаль "За оборону Ленинграда".

В начале войны студент-ополченец Сидоров вел дневник, отрывки из которого предлагаются читателю.

22 июля 1941 г. Прошел месяц войны. С завода револьверных станков-автоматов, где я проходил преддипломную практику, многие рабочие ушли на фронт. На заводе многое изменилось, люди работают день и ночь - все для фронта.

19-26 августа 1941 г. Все эти дни с 8 утра до 8 вечера - на оборонительных работах. Рыли окопы, противотанковые рвы. После работы занимались военной подготовкой.

9 сентября 1941 г. Вчера вечером после воздушной тревоги вышли с Володей Захаровым из убежища, что у кинотеатра "Ударник". Увидели огромное зарево. Горел склад напротив нашего техникума. Одновременно горели завод им. Егорова, фабрика "Скороход", общежитие на Тамбовской и центральные продовольственные склады им. Бадаева. Женщины и дети бегут куда-то с вещами, слезы, рыдания. Зрелище кошмарное. Встретился сокурсник Маликов со стабилизатором от зажигалки, кричит: "Вот что осталось от нашего техникума!" Но оказалось, что техникум потушили. Склады все еще горят. Вновь объявлена тревога, дымом заволокло весь город. Мы на посту № 2. Над головами в небе рвутся снаряды зениток.

10 сентября 1941 г. На дневник не хватает времени. Вчера было 11 воздушных тревог, сегодня до обеда уже 9.

11 сентября 1941 г. Норму хлеба срезали. Получаем по 300 граммов.

12 сентября 1941 г. С сегодняшнего дня получаем только по 200 граммов хлеба по столовым карточкам. Остальные недействительны.

13 сентября 1941 г. Вступили всем комитетом ВЛКСМ добровольцами в народное ополчение. Записали в секцию № 11. С 20 часов переведены на казарменное положение.

17 сентября 1941 г. Вызывали в штаб. Сообщили, что немцы взяли Лигово. Из Ленинграда эвакуируются Московский и Кировский районы. На улицах строятся баррикады.

23 сентября 1941 г. На Расстанной строили заграждения, проходили строевую подготовку, изучали гранату и винтовку.

1 октября 1941 г. Во время занятий начался обстрел. Один снаряд взорвался на Лиговской возле магазина, где стояла очередь за хлебом. Много убитых и раненых.

2 октября 1941 г. До обеда занимались, потом отряд отправился на завод, откуда возили фермы для баррикад. Вечером учились стрелять из винтовки.

6 октября 1941 г. С Сушковым ходили в театр им. Ленсовета на "Отелло". В конце четвертого действия объявили воздушную тревогу. Отсиживались в бомбоубежище. Когда вернулись домой, увидели, что в технике от бомбежки повывлетали все окна.

10 октября 1941 г. Вчера выпал снег. По радио передали, что немцы перешли к обороне. Идет перерегистрация карточек.

7 ноября 1941 г. Несмотря на блокаду, не унываем. Сегодня устроили праздничный обед. Вечером дежурство. В городе спокойно.

13 ноября 1941 г. Замолкло радио, прервалась телефонная связь. Писем нет. Вновь снижены нормы на хлеб и продукты. Сегодня почувствовал общую слабость и упадок сил.

15 ноября 1941 г. Выделили 4 кусочка сахара Сушкову. Завтра из отряда выделим 50 граммов хлеба. Он потерял карточки и, если не поможем, умрет с голоду.

22 ноября 1941 г. Еще уменьшили норму хлеба. Служащие получают 125 граммов. Мы переведены на котловое питание.

24 ноября 1941 г. Сегодня во время обстрела один из снарядов упал на нашу столовую, а другой - в аудиторию, где были люди. К счастью, снаряд не взорвался.

10 декабря 1941 г. Наши войска освободили Тихвин. Положение в городе должно улучшиться. Однако нет ни воды, ни света, ни хлеба. Население питается горелой землей с Бадаевских складов. Появилась дизентерия. Возле сгоревших складов поставили охрану, но люди все равно проникают.

20 декабря 1941 г. Сегодня все отряды сняли с довольствия. Будем получать только 125 граммов хлеба. Из нашего отряда скончались от голода трое бойцов. Среди них наш командир Притчин (дядя Митя).

1 января 1942 г. Завтракать сегодня не пришлось. Вчера не ужинал. За три месяца потерял в весе 14 килограммов. Остались кожа да кости. Задача номер один - выстоять против голодной смерти и отстоять город. Это как пропасть, которую надо перейти. Учения прекратили.

4 января 1942 г. Получил на сутки увольнительную. Пошел к Фокиной Любе, давно не видел. Она до войны училась в мединституте и жила во втором общежитии. Во дворе штаба ПВО стояли подводы с мешками. Поинтересовался у возчика. Он сказал, хочешь - бери. Взял несколько горстей в карманы овса. Дошел до Марсова Поля, присел отдохнуть и подкрепиться овсом. Смотрю подсаживаются один, второй, третий... Руки протягивают. Вскоре в моих карманах ничего не осталось. Вечером узнал, что умерли еще два наших ополченца.

10 января 1942 г. Последние два дня питался землей с Бадаевских складов, а сегодня ничего не ел.

20 января 1942 г. Третий день лежу в комнате совсем один, почти без движения. Все обитатели комнаты представились, как говорят, богу. Очередь за мной. В комнату заглянула Лиза, ахнула: "Что лежишь? Вставай немедленно!" Разломала стул, затопила печку. Нагрела воды из снега. Сняла с меня вшивое белье, бросила в печь. Потом меня вымыла, надела чистое белье, угостила чаем с сахаром. Сказала, чтобы больше подолгу не лежал, иначе не встану. Помогла перебраться в общую комнату отряда.

15 февраля 1942 г. Ходили вылавливать парашютистов. Во время бомбежки волной отбросило в сторону. Очнулся в комнате отряда. Не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Нас здесь 15 человек, шестеро не ходят. Вот сейчас Захаров сказал, что унесли Соловьева. Умер наш музыкант. Говорят, нас будут эвакуировать в Сибирь, но, вероятно, мы скорее угодим на Волково кладбище.

16 февраля 1942 г. Утром скончался Козлов. Еще недавно предложил подняться всем и сделать перекличку, а в 10 часов его не стало. В этот же день умер Павел Сушков, а потом скончался Иванов со второго курса.

18 февраля 1942 г. Умер мой лучший друг Спириин Леня из Рязани. Пять лет были вместе. Николай Салихов сообщил, что через неделю нас эвакуируют, и приказал всем как можно больше двигаться.

21 февраля 1942 г. Ходили в военкомат сниматься с учета. Получили эвакуационные листы, по килограмму хлеба на два дня.

25 февраля 1942 г. Три дня находимся на Финляндском вокзале. Хотели отправить 23-го, но были сильные обстрелы. За эти дни ушли из жизни бойцы нашего отряда Анохин, Жиров, Федорцев. Они умерли в один день. Сегодня отправили нас из Ленинграда... В вагоне скончались 5 человек.

26 февраля 1942 г. Утром дали мерзлого хлеба по 500 граммов и супа, а в полдень отправили на машинах через Ладогу. Ехали быстро, через два часа были на другом берегу в деревушке.

27 февраля 1942 г. В 11 часов мы выехали из Волошиной. Жихарево вчера разбомбили. Сухой паек на исходе. Воды нет. Холод. Остался один сухарь на двоих. Мы с Андреем Ловкоменым заболели дизентерией. От Ленинграда отъехали на 100-120 километров. В вагоне 45 человек на нарах в два этажа. Посредине вагона-теплушки печка-буржуйка, но ее никто не топит - нет сил.

2 марта 1942 г. Доехали до Вологды. Целый день ждем отправки в Буй, в санпропускник. Студенты нашего техникума, они же ополченцы нашего бывшего отряда, все убывают. Умерли Филипенко, Щеляев. Маслова Ивана выбросили прямо на ходу поезда, так как от него пахло мертвечиной. Его жена Паня лежала в это время без памяти. Прошло всего полгода, как они поженились... Сколько еще нашего брата останется по дороге на Урал. Всех замучил понос, а ноги совсем опухли.

6 марта 1942 г. С утра стоим в 12 километрах от Кирова. На двоих получили 1,4 кг хлеба, 100 г масла, 100 г сахара и 200 г сыра, две порции каши. Но пока я стоял за пайком, кашу кто-то съел. Я начинаю набирать силы, а Андрей совсем разболелся. Но в больницу не кладут.

7 марта 1942 г. Еще ночью Андрей что-то забормотал по-своему, по-фински. Я зажег спичку и бросился к нему, стал спрашивать, что с ним. Я положил его голову себе на колени, он тяжело вздохнул, и голова его упала с моих колен. Я вздрогнул и заревел, как рязанская баба.

На станции Зуевка Кировской области во время останковки поезда я заявил в железнодорожную милицию о его смерти...

11 марта 1942 г. Сегодня целый день простояли около Свердловска. Говорят, что в Свердловске нас поместят в больницу, но, увы, поезд на несколько минут остановился в Свердловске и пошел дальше.

12 марта 1942 г. Доехали до станции Богданович, здесь нас сводили в медпункт, обследовали и пересадили в другой поезд. В медпункте над нами сквозь слезы смеялись, т.к. мы почти не походили на людей: завшивели, обросли волосами и грязью.

13 марта 1942 г. Сидим на станции Синарской. Наш эшелон расформировали. Спасайся, кто как может. Правда, нам выдали талоны на обеды. Я сегодня ходил обедать уже четыре раза и все голоден. Кроме того, в харчевне не дают долго задерживаться: вши постоянно выползают на поверхность, а как только их увидят, нас немедленно выгоняют из помещения.

14 марта 1942 г. С утра я сходил в парикмахерскую, где мне остригли бороду и побрили. Несколько раз пытался уехать в сторону Шадринска, но вагоны не открывают и нас никуда не пускают. Обратились к военному коменданту, предъявив ему свои документы, но он сказал, что без санобработки нас никто не посадит.

Часов в 8 вечера я пошел искать санитарно-пропускной пункт, еле до него дотащился. Санитарки, две пожилые тети, долго раздевали и разували. Валенки снять не могли, и голенища их разрезали ножом. Все мое имущество забросили в дезкамеру, а меня увели в банное помещение. Мне стало так хорошо, что я прилег и мгновенно уснул. Не знаю, сколько времени прошло, но сквозь сон я услышал: "Смотри-ка, девоньки, дед-то наш окочурился". А я никак проснуться не могу. Они принесли носилки и поволокли в холодильник для умерших. На улице меня обдало холодом, и я зашевелился. Санитарки бросили носилки и бежать. Потом опомнились, вер-

нулись. Затащили меня обратно в баню и давай скорее одевать. Но валенки так и не могли надеть. Пришлось босые ноги втолкать в валенки, а сверху наверх портянки. В таком виде я и явился к коменданту. Но зато справка о санобработке была, и я получил разрешение на поездку в поезд. Вагоны в проходящих поездах не открывали, и меня никто не сажал.

Сходил, еще раз поел баланды, сдал свои вещи в камеру хранения, оставив лишь один маленький саквояж с конспектами и документами. Я решил действовать самостоятельно. Как только подошел поезд, я забрался на буфер вагона и затаился. Ехал так километров десять. Потом удалось пробраться в тамбур. Но тут мне снова не повезло. В тамбур ворвались трое воров. Они быстро обшарили мои карманы, забрали саквояж, а меня затолкали в туалет.

Я застучал в дверь туалета. Открывший дверь милиционер сказал: "Ты чего здесь засиделся? Или тоже вместе с ними промышляешь? Марш за нами". Вскоре мне отдали мой саквояж и документы...

15 марта 1942 г. В четыре часа дня я был на станции Твердыш. Я был рядом с домом. Долго стоял, ждал: может, кто появится. Но людей не было видно. Начинало смеркаться. Я снял с бушлата ремень, привязал его за ручку саквояжа и волоком потащил за собой.

Вспомнил, что отсюда в 1939 году мы уезжали с моим сельским дружкой от Ксении Петровны, его тетки. Я решил добраться до нее...

Зашел в избу, Ксении не было дома. Увидев меня, дети разбежались по углам, заревели. Пришла Ксения, долго не могла меня узнать. Оказалось, что меня считают давно погибшим. Потом Ксения позвонила в д. Убиенное Юргамышского района, и в 10 часов за мной приехал на лошади мой дядя Корнил.

16 марта 1942 г. Почти вся деревня сбежалась смотреть на меня, воскресшего из мертвых. А я отвернулся к стене лицом и плакал...

По публикациям в газетах
"Советское Зауралье",
"Курган и курганцы".

**Его Превосходительству
Иосифу В. Сталину,
Верховному Главнокомандующему
Вооруженными Силами
Союза Советских
Социалистических Республик**

В качестве Главнокомандующего Вооруженными Силами Соединенных Штатов Америки я поздравляю Вас с блестящей победой Ваших войск у Сталинграда, одержанной под Вашим верховным командованием. Сто шестьдесят два дня эпической борьбы за город, борьбы, которая навсегда прославила Ваше имя, а также решающий результат, который все американцы празднуют сегодня, будут одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против нацизма и его подражателей. Командиры и бойцы ваших войск на фронте, мужчины и женщины, которые поддерживали их, работая на заводах и на полях, объединились не только для того, чтобы покрыть славою оружие своей страны, но и для того, чтобы своим примером вызвать среди всех Объединенных Наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага.

5 февраля 1943 г.

Франклин Д. Рузвельт.

НИКОЛАЙ СУЕТИН

СИБИРЯКИ ПОКАЗАЛИ ХАРАКТЕР

Суетин Николай Федорович, 1920 года рождения, ветеран Великой Отечественной войны, участник боев под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, в Польше и Чехословакии. О его боевом пути говорят награды - два ордена Отечественной войны II степени (один из них - за уничтожение батареи противника), медали "За боевые заслуги", "За оборону Москвы", "За оборону Сталинграда", "За отвагу" (бои за город Харьков), "За освобождение Праги" и другие.

После войны Николай Федорович вплоть до ухода на пенсию работал в системе потребкооперации Курганской области.

— Службу свою в армии я начал на востоке, в городе Хабаровске, в октябре 1940 года. Служил в 159-м полку легкой артиллерии 78-й Краснознаменной Дальневосточной дивизии сначала разведчиком, а после окончания полковой школы - командиром вычислительного отделения.

В памяти остались зимние учения в феврале 1941 года. Условия были суровые, стояли морозы ниже сорока градусов. Спали мы в армейских палатках, и это было все же терпимо. Но во вторую ночь сторела палатка командира батареи, и командир полка отдал приказ палатки снять. Теперь коротать ночи приходилось в ша-

лапах, у костра, не раздеваясь. Правда, экипированы мы были хорошо - полушубки, ватные брюки, валенки. Тяжело дались нам эти учения, но они очень скоро сослужили добрую службу в боях под Москвой, где условия были схожие.

Обстановка под Москвой требовала все новых сил, и вскоре мы были туда переброшены. Уже 1 ноября 1941 года приняли первый бой на Истринском направлении. Бои были тяжелые, но сибиряки показали характер, не кланялись вражеским пулям. Недаром немцы прозвали нашу дивизию "дикой".

В одном из боев я был легко контужен. Как ни бились мы, но под напором превосходящих сил противника пришлось оставить город Истру.

И вот наш последний оборонительный рубеж - в 40 километрах от Москвы. Дальше отступать некуда. Дрались ожесточенно. Расчеты вели огонь из орудий так интенсивно, что стволы раскалялись, до них невозможно было дотронуться. Наше упорство пересилило. В начале декабря 1941 года дивизия перешла в наступление, и мы отбили город Истру. От него остались сплошные развалины, были разрушены здания Ново-Иерусалимского монастыря.

После освобождения Истры 78-ю дивизию переименовали в 9-ю гвардейскую, а наш 159-й полк - в 28-й гвардейский артполк. Это было официальным признанием мужества и стойкости личного состава дивизии. И мы гордились гвардейским званием.

Для меня бои под Москвой обернулись личным горем - здесь в сорок первом погиб мой брат Павел. А мне суждено было еще шагать и шагать фронтовыми дорогами. Познать и Сталинград, и Огненную дугу, пройти Украину, Польшу, Германию, Чехословакию... И дожить до победы.

После войны я устроился на работу в сельпо Шумихинского райпотребсоюза, а позже работал главным бухгалтером облпотребсоюза.

ПАВЛА СЫСОЛОВА

„ПУТЕВОДНОЙ ЗВЕЗДОЙ МОЕЙ БЫЛИ РОДИТЕЛИ И ПАВКА КОРЧАГИН“

Сысолова Павла Сергеевна родом из Белозерки. В 37-м лишилась матери (несчастный случай), отец, рядовой, священник, умер от ран в госпитале г. Свердловска в январе 1944 года. В 1940 г. Павла Сергеевна окончила Чашиинское училище и работала лаборантом на Бородиновском маслозаводе Варненского района Челябинской области.

В июле 1942 года призвана в ряды Красной Армии. Служила и воевала на Дальнем Востоке. Службу закончила 11 ноября 1945 года в городе Хайдузио (Корея). Награждена медалями „За победу над Германией“, „За победу над Японией“ и другими.

После войны трудилась в молочной и пищевой промышленности. Активно занималась общественной работой. Коммунист с 1944 года.

Путеводной звездой в жизни были для меня мои родители и герой книги Островского Павка Корчагин. Семья у нас была большая - 3 сестры и 4 брата. Я третий ребенок в семье. Отец мой, Сергей Дмитриевич, воевал и в гражданскую, и в Отечественную. Он не дожил до победы - похоронка пришла из госпиталя г. Свердловска в январе 1944 года. С 1937 года я росла без мамы.

Жила, как все мои сверстники в те годы: семилетка, училище, работа. Но в эту размеренную жизнь вмешалась война.

Я была лаборантом на Бородиновском маслозаводе Варненского района Челябинской области, когда мне пришла повестка в армию. Случилось это 25 июля 1942 года. И вот уже через два дня, 27 июля, нас, 1200 девчат, отправили на Дальний Восток.

Прибыли мы в город Иман (ныне Дальнеречинск), прошли карантин и были распределены по частям. Я попала в 611-й отдельный батальон аэродромного обслуживания. Батальон располагался в 130 км от г. Имана и в 100 км от Государственной границы. В этом батальоне и прошла вся моя служба.

Направили меня в автороту. Оборудовали аэродром, строили укрытия для самолетов, земляные казармы. С наступлением зимы изучали автодело и оружие. Сдали экзамены и заступили на охрану военных объектов по всем правилам военного времени. Я около месяца была разводящим, а затем начальником караула. Мне присвоили звание сержанта. Много раз в боевых листках отмечалась моя добросовестная служба, а в Белозерку, на родину, отправлялись благодарственные письма командования.

После победы над фашистской Германией наш батальон стал передвигаться в сторону Государственной границы. К началу военных действий против милитаристской Японии мы уже находились на границе.

Началась война. Мы перешли границу. Стали на пути попадаться первые раненые. Несколько суток двигались мы через пустыню. Дул сильный ветер. Из-за массы поднятого в воздух песка и пыли было трудно дышать. Прибыв в пункт назначения в Корею, наше отделение получило приказ проверить населенный пункт, нет ли там оставшихся японских солдат. Проверяли тщательно все - постройки, чердаки, подвалы, даже шкафы в домах.

Наш батальон принимал самое активное участие в освобождении Кореи от японских милитаристов. После окончания войны все мы были награждены Почетными грамотами Верховного Совета СССР. Весть об окончании войны с Японией застала нас в корейском городе Хайдузио.

МАРИЯ СЫЧЕВА

В СТРОЮ ДО ПОБЕДЫ

В сентябре 1941 года только что окончившая медицинское училище в г. Петропавловске восемнадцатилетняя Мария Сычева была призвана в армию и зачислена в медсанбат 310-й дивизии. В октябре прибыла на фронт под Ленинград.

Была ранена и после лечения направлена на Сталинградский фронт в 87-ю стрелковую дивизию. В этой дивизии и воевала до конца войны.

Прошла с боями Донбасс, Сражалась под Сталинградом. В ноябре 1943 года участвовала в штурме Перекопского вала. В апреле 1944 года принимала участие в освобождении Крыма, г. Севастополя. А затем были тяжелые бои в Прибалтике...

ФЕДОР СТАРИКОВ

ПЕРВЫЙ БОЙ

Стариков Федор Ефимович родился в 1925 году. Воювал в пехоте на Ленинградском фронте. Войну окончил гвардии капитаном. Награжден орденом Отечественной войны, медалями.

До выхода на пенсию Федор Ефимович работал начальником отдела материально-технического снабжения на заводе "Курганхиммаш".

— **С**трашно ли в бою? Пожалуй, нет, не страшно. Страшно потом, после боя, а когда в деле участвуешь, не до страха...

Прибыл я на фронт в гвардейскую часть. Штаб полка располагался в землянке. Часовой, ефрейтор, стоит в белом расстегнутом полушубке, чтобы медаль "За отвагу" и гвардейский значок было видно. На посту разговаривать нельзя, а я тут перед ним маячу, жду, когда документы оформят. Надоело ему молчать, он и спрашивает: "В боях участвовал?". "Нет", - говорю. А он мне: "Ничего! Первый раз только жутко, а там пойдет!"

Я это дело запомнил и перед первым боем решил не показывать, что боюсь, трусости не проявлять. Потому что первый бой (в Прибалтике это было) до мелочей в памяти.

Атака. Мы вслед за танками первую траншею с налету взяли, проскочили - вторую взяли. Между второй и третьей нас пулемет остановил. Взводу сигналият: "В атаку! Вперед!", а мы лежим, пулемет головы поднять не дает. Так несколько раз повторялось. Тогда командир отделения по фамилии Кутузов вызвался его заглушить. И заглушил.

А дальше - атака, один другого обгоняет (сколько раз так было!)... Отделались мы в том бою тремя ранеными. Трусости в бою вроде не проявил, атаковал, как все. Правда, начальство все же выговор сделало: "Ты что перед немецким пулеметом танцевать надумал?.."

НИКОЛАЙ СУРИКОВ

СКВОЗЬ СВИНЦОВУЮ МЕТЕЛЬ

Суриков Николай Антонович родился в 1922 году в деревне Прилогино Лебяжьевского района. До войны окончил семь классов и работал в совхозе трактористом.

В армию призван в сентябре 1941 года. Начинал службу в Каменске-Уральском в стройбате. Затем - учебный полк, и весной 1942 года - на фронт подо Ржев. С боями прошел до Берлина.

В апреле 1946 года был демобилизован и прибыл в Курган. Работал мастером на заводе дорожных машин, а затем мастером и старшим мастером на КЗКТ.

За храбрость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчи-

ками, Н.А. Суриков награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степеней, медалями "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина" и другими.

Весть о войне привез в деревню директор совхоза 23 июня 1941 года. У нас же в ту пору не было ни телефона, ни радио. А в сентябре пришла мне повестка в армию. Попал я в стройбат. Строили эвакуированный с Украины авиационный завод в Каменске-Уральском. Но служба моя здесь продолжалась недолго: в конце декабря я был зачислен в 15-й запасной учебный полк (Еланские лагеря). Про-

шел курс молодого бойца и весной сорок второго был отправлен подо Ржев в 171-ю стрелковую дивизию 31-й армии. Шли жестокие бои. Особенно свирепствовала авиация немцев - налет за налетом. Только и спасались в бомбовых воронках. От бессилия падали по самолетам из винтовок. Много тогда полегло подо Ржевом нашего брата.

Помню, как-то в разгар боя командир дивизиона послал нас, пятерых рядовых, за минами. А в это время немцы начали артподготовку с левого фланга. Наша пехота не выдержала, стала отступать. Выбежали солдаты прямо на нас. Уж как, не помню, но мне удалось сбить панику, остановить солдат в овражке...

Прибежал адъютант командира с приказом скомплектовать здесь из отступивших разных подразделений роту. А узнав, кто остановил отступавших, назначил меня ее командиром. Так вот из рядовых я сразу попал в командиры. В роте оказалось человек восемьдесят.

С неделю шли почти непрерывные бои. Как-то выдалось короткое затишье, и меня вызвали в штаб: "Поедешь на курсы командиров". Учиться надо было полгода, но, проучившись всего три месяца и получив звание младшего лейтенанта, я снова возвратился на фронт подо Ржев в конце 1942 года. Дали мне взвод. Вскоре в бою у станции Ярцево я был ранен и попал на месяц в полевую госпиталь. В мае сорок третьего вернулся в свой взвод командиром.

...А потом - все то же: бои, ранения, снова бои. Смоленск, Гродно, Польша, Германия... И так до Берлина. Теперь уже воевал артиллеристом. Об этом что говорить, война она и есть война.

На Эльбе наш полк встретился с американцами. А 10 мая 1945 года мы узнали о полной капитуляции Германии. Но еще целый год пришлось прослужить в Германии, прежде чем окончательно простился с армией.

АЛЕКСАНДР ТАРУНИН

МЫ ПОЛ-ЕВРОПЫ ПРОШАГАЛИ

Тарунин Александр Андреевич был призван в армию 9 января 1943 года из десятого класса Звериноголовской средней школы. Вместе с одноклассниками попал в военное училище в Свердловской области, где готовили минометчиков. В сентябре получил боевое крещение при форсировании Днепра. С боями прошел всю войну и закончил ее 13 мая 1945 года в Праге.

До 1950 года служил в армии. Демобилизовавшись и отдав год учебе, все остальные годы до выхода на пенсию работал в системе потребкооперации.

За участие в Великой Отечественной войне награжден орденом Отечественной войны первой степени, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги", "За победу над Германией" и другими.

В июне сорок третьего наше училище было отправлено на фронт. Мы, минометчики, попали в 310-й гвардейский стрелковый полк 110-й гвардейской стрелковой дивизии. Дивизия находилась на отдыхе, получала пополнение.

23 сентября мы заняли исходные позиции на левом берегу Днепра. Вечером того же дня предстояло форсировать Днепр. Целый день мы готовили подручные сред-

ства для переправы: сколачивали плоты из бревен, заборов, ворот... Подготовка к форсированию велась скрытно. И хотя противник методично обстреливал нас, но бил, как говорится, по площадям, так что большого вреда нам не наносил.

С наступлением темноты мы начали переправу. Но и враг не дремал: в небе повисли осветительные ракеты - "люстры", стало светло, как днем. Вот тут-то и началось. Немцы били по нам из пушек, минометов, такая кутерьма поднялась на воде и на берегу! Хорошо, хоть авиации пока не было.

А утром над нашими позициями повисли тучи пикирующих бомбардировщиков и истребителей. Бомбили и обстреливали нас беспощадно, пока появившиеся наши истребители не прикрыли нас с воздуха.

Часам к двенадцати дня мы кое-как привели себя после переправы в порядок и двинулись на большое село Мишурии Лог, чтобы взять его сходу. Но не получилось. К вечеру заняли лишь половину села. Но это уже не могло нас остановить. С боями мы шли и шли вперед, на запад.

19 октября 1943 года я был тяжело ранен в голову, и меня отправили в госпиталь.

В мае 1944 года меня выписали из госпиталя с приговором врачей: демобилизовать, отправить в тыл. Но мне удалось все же выпроситься на фронт. На этот раз я попал в 933-й стрелковый полк 234-й стрелковой дивизии, которая находилась на передовой под городом Яссы. Войска готовились к штурму яско-кишиневской группировки противника. Тут были задействованы войска второго и третьего Украинских фронтов. Шло пополнение нашей дивизии живой силой и техникой, оружием и боеприпасами. Операция, судя по приготовлениям, предстояла серьезная.

18 августа мы выдвинулись на исходные позиции. Ну а двадцатого в пять утра, еще до восхода солнца, началась артподготовка, обработка первой, второй и третьей линий обороны противника. Вся эта какофония длилась два с половиной часа. Можно себе представить, сколько снарядов, мин, бомб летело на оборонительные

рубежи немцев, если на каждом километре линии прорыва длиной более 30 километров стояло более двухсот пушек и минометов.

И вот после этого огненного шквала двинулись танки, за ними пехота. А артиллерия перенесла огонь в глубину обороны, била по заранее разведанным целям. После такой подготовки большого сопротивления немцы не могли оказать. Яско-кишиневская группировка противника была в первый же день взята в кольцо. Оно с каждым днем неуклонно сжималось, и в конце концов через 20 дней каждодневных боев с этой группировкой было покончено.

Помню август, конец лета. Вокруг огромные поля двухметровой кукурузы. В этой кукурузе и скрывались блокированные войска вермахта.

И вот где-то числа десятого сентября 1944 года из зарослей кукурузы стали появляться толпы немцев - солдат, офицеров, генералов - с белыми флагами, без оружия. Началось это рано утром и длилось долго. Так была завершена Яско-Кишиневская операция.

Нашей дивизии дали отдохнуть дней двадцать, принять пополнение. А затем отправили нас в Польшу на Сандомирский плацдарм, откуда 12 января 1945 года началось наступление на главном Берлинском направлении. Это были очень тяжелые бои. Но наконец Берлин был взят. А нашу дивизию на мототехнике срочно бросили на освобождение Праги. Здесь, в Праге, 13 мая 1945 года я и закончил войну. В то время мне не исполнилось еще и двадцати лет...

ВЛАДИМИР ТРОЦКИЙ

ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ

Троцкий Владимир Иванович родился в 1923 году в селе Чистом Щучанского района. После семилетки работал прицепщиком, машинистом жнейки, разнорабочим в колхозе.

В марте сорок второго призван в армию и направлен во 2-е Тюменское пехотное училище. В связи с тяжелой обстановкой на фронтах большая часть курсантов была досрочно выпущена и направлена в действующие части.

Командиром отделения 252-й стрелковой дивизии 924-го стрелкового полка участвовал в Сталинградской битве. Был тяжело ранен.

После излечения в Саратовском госпитале командиром минометного расчета в составе 20-й мотострелковой бригады прошел путь от Тулы до Берлина. День Победы встретил в Праге.

Владимир Иванович награжден орденами Отечественной войны, Красной Звезды, орденом Славы III степени, медалями - "За оборону Сталинграда", "За боевые заслуги", "За взятие Берлина", "За освобождение Праги" и другими. Имеет награды и за мирный труд.

После войны Владимир Иванович Троцкий работал до пенсии на "Кургансельмаше", где прошел путь от кладовщика до заместителя начальника транспортного цеха.

-В июле 1943 года наша часть, 20-я мотострелковая бригада, в составе 25-го танкового корпуса на Брянском фронте с марша вступила в бой. Задача - перерезать железную дорогу Брянск-Орел в районе станции Хотынец, оседлать и держаться до подхода основных сил. Предстояло прорвать оборону противника и с боями пройти 80 км.

Рывка не получилось, пришлось прогрызать оборону врага огнем и гусеницами. Бои шли затяжные и тяжелые. В день продвигались по 3-5 км. Особенно досаждала вражеская авиация, висевшая над нами с раннего утра до позднего вечера. Мы несли потери, особенно большие они были у транспортных подразделений, подвозивших нам боеприпасы и горючее.

Где-то на пятый день боев для нас наступило тяжелое время. Иссякли боеприпасы, кончилось горючее. Боевые порядки бригады были рассечены танками и пехотой противника. Где свои, где немцы, трудно было разобраться. Слоеный пирог, да и только. Боевая обстановка менялась по нескольку раз в день. Постоянно нарушалась связь. Противостояние и бесконечные контратаки были ожесточеннейшие. Немцы пытались окружить наши подразделения, мы, в свою очередь, их. Обе стороны несли тяжелые потери в людях и технике. Враг тогда еще был силен.

Минометная рота, в которой я командовал расчетом, за последние два дня потеряла четыре расчета из штатных шести. И настал день, когда не только снаряды и мины, но и каждый патрон пришлось считать. Но, слава Богу, к вечеру бой стал стихать. Мы, два минометных расчета, оставшиеся в живых, во главе с командиром роты лейтенантом Кимаковским (всего человек 10-12) сумели оторваться от противника и вышли на огневые позиции одной из противотанковых батарей 76 мм пушек нашей бригады.

Напряжение боя спало. Лейтенант пошел к командиру батареи уточнить обстановку, а мы расположились на короткий отдых. Умотались страшно и упали кто где. Ведь кроме личного оружия, лопат, кирки, вещмешка минометчики таскают на себе и разобранный на 3

части миномет (вес его в неразобранном виде более 60 кг и плюс мины).

В это время из лощины, поросшей кустарником, метрах в 500, показалась цепь численностью до роты. Видим, но определить точно, кто это, не можем. Но артиллеристы в бинокль разглядели - немцы. Сделав два выстрела из пушки (больше у них снарядов не было), они подогнали к орудиям автомашины и снялись с позиций.

А немцы тем временем приближались. Нам их не сдержать: соотношение сил не в нашу пользу, нет ни мин, ни патронов. Да и будь последние, что бы мы смогли противопоставить сотне автоматов? Свои трехлинейки? Это потом нас будут вооружать карабинами и автоматами, а на этот момент у нас в руках винтовки. И командир приказывает отходить.

И тут к лейтенанту подбегает незнакомый старший сержант. Отрекомендовался радистом одной из бригадных радиостанций, машина которой была подбита и стояла недалеко. Он передал приказ подойти к радию на связь. Из штаба бригады приказали прикрыть радию и не дать захватить ее немцам. Без связи в армии, а тем более в бою, нельзя.

Получив такой приказ, лейтенант дает нам команду занять оборону на небольшом взгорке. Залегли, время идет, и немцы уже метрах в трехстах. Идут молча. Молчим и мы, получив команду не стрелять, беречь патроны. Какие патроны, какая стрельба? От злости и беспомощности зубами впору скрипеть или выть в голос. Посчитали: у кого пять патронов, у кого десяток, а у кого и ничего. И мины ни одной, а минометы 82-мм без них - железо.

Не продержаться... Но приказы не обсуждают, их выполняют. А немцы все ближе, ближе и сходу открывают огонь. Но с 200 метров да сходу он нам вреда не причиняет. Но хоть бесприцельный, а на психику дает.

В это время слышим сзади гул автомашины. Смотрим, летит, словно на крыльях (так нам тогда показалось), наша родная полуторка. И на подножке у нее, ух-

ватившись рукой за дверцу, мотается наш командир батальона старший лейтенант Ерхов (жаль, хороший был командир, позднее погиб в бою за город Рава-Русская). Но главное - машина наша с минами. А их там около 350 штук.

Все! Тут же последовала команда: "Минометы к бою!". А немцы усилили огонь, они уже совсем близко, мы видим даже их лица. И в это же время с душераздирающим воем на нас сверху начали пикировать десятка полтора "юнкерсов". Мы вначале, растерявшись, залегли, чувствуя свою обреченность и беспомощность. Один, второй - и ничего. Свой боезапас они израсходовали где-то раньше, а здесь (по наводке или увидели с воздуха) решили поугадать, устроить воем, громом и разогнать нас.

Резкая, как выстрел, команда поднимает нас и бросает к минометам. И по противнику прямой наводкой был открыт беглый огонь. Хлопок за хлопком, до 12 выстрелов в минуту. Накрываем наиболее приблизившиеся группы. Немцы падают, другие с шага перешли на бег. И брызжут из автоматов огнем по нам, стоящим открыто у минометов. Вот уже устанавливают пулемет, со 120-150 метров они нас вмиг кончат. Не успевают, пулемет вместе с расчетом исчезает в кустах разрывов - накрыли.

Не выдержав, немцы залегают. Огонь их становится прицельней, у нас появились раненые, но мины наши летят и летят. Немцы не выдерживают и в беспорядке начинают пятиться, потом кидаются со всех ног, оставляя убитых и раненых.

В этом скоротечном бою немцы потеряли убитыми не менее трех десятков солдат. Буквально за считанные минуты мы положили у них треть роты, а остальных обратили в бегство. И воочию еще раз убедились, что 82-миллиметровый миномет - грозное оружие против пехоты противника.

В преддверии 55-летия Победы этим маленьким эпизодом мне хотелось напомнить ветеранам завода и ныне работающим, какое грозное оружие во время войны выпускали на "Кургансельмаше". Отсюда потоком шли на фронт мины и минометы.

ГЕОРГИЙ ЧАЙКОВСКИЙ

В СНЕГАХ ПОДМОСКОВЬЯ

Чайковский Георгий Александрович до войны жил в г. Киеве, работал на заводе токарем. В мае сорок первого призван в ряды Красной Армии. Воевал на Западном и Калининском фронтах. В бою подо Ржевом был тяжело ранен.

После излечения, получил инвалидность, возглавлял работы по разминированию районов Киева и области.

В сорок пятом приехал в Курганскую область. Работал токарем, нормировщиком, заведующим МТМ в Глядянской МТС. С 1950 года - на партийной работе, в том числе десять лет - первым секретарем райкома партии. Выйдя на пен-

сию, тринадцать лет возглавлял партийную организацию областного управления сельского хозяйства.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями.

Активно участвует в работе Курганской городской организации ветеранов.

Службу я проходил в г. Майкопе Краснодарского края в автобатальоне. В первый же день войны нас погрузили в эшелон и отправили в Москву. В столице мы простояли всего несколько часов и двинулись дальше. Вскоре наш эшелон прибыл в Подмоскowie. С этого времени и начался мой боевой путь

на Западном и Калининском фронтах в составе 673-го стрелкового полка 220-й стрелковой дивизии 31-й армии. Именно в этой дивизии я и закалку получил, и боевое крещение. Здесь же в феврале сорок второго стал коммунистом.

На войне специальность и должность не выбирают. Пришлось быть и пулеметчиком, и первым номером минометного расчета, в команде по борьбе с танками противника.

Бои в то время шли в районах Вязьмы, Ярцево, Ржева... Помню бой у соснового бора в августе-сентябре сорок первого. Противник превосходил нас и в танках, и в артиллерии, и в живой силе. Но мы все же выстояли, не дрогнули. В ход было пущено все: винтовки, гранаты, бутылки с горючей смесью... После боя перед нами предстало страшное зрелище: от соснового бора ничего не осталось, торчали лишь одни пни, горели вражеские танки, стонали раненые. Дым застилал небо...

Как-то зимой сорок первого наша часть ночью меняла позиции. Был крепкий мороз, метель, от усталости многие засыпали на ходу. Вот в этой кутерьме мы и сбились с дороги. Пока искали ее, наступил рассвет, и противник нас обнаружил. Он - в деревне, а мы - на открытой местности, как на ладони. Между нами балка и расстояние около километра. Немцы тут же открыли по нам ураганный огонь. Появились первые убитые, раненые; погибло много лошадей, которые везли орудия и боеприпасы. Создалась угроза захвата немцами наших орудий.

Когда первая растерянность прошла, бойцы и командиры, проявив необыкновенную стойкость, подавили часть огневых точек противника и под чуть ослабевшим обстрелом буквально на руках и плечах вынесли боевую технику из опасной зоны.

А сколько еще было пережито в ту суровую подмосковную зиму 1941-1942 гг.! Знали и горечь отступления, и радость, когда наконец перешли в наступление, да так, что немцы бежали, бросая в снегу технику и оружие, оставляя горы трупов.

В апреле сорок второго я был направлен на краткосрочные прифронтовые курсы младших политруков. После их окончания в июне был назначен политруком минометной роты 709-го стрелкового полка 178-й стрелковой дивизии 30-й армии (10-й гвардейской).

В одном из наступательных боев в сентябре сорок второго севернее Ржева (в районе Бахмутово) я был тяжело ранен в живот. Семь месяцев провалялся в госпиталях. А после излечения был комиссован по инвалидности.

Но на этом война для меня не закончилась, она продолжалась, хотя и в другой обстановке. До конца войны я работал председателем Подольского райсовета ОСОАВИАХИМа г. Киева. Пришлось руководить работами по разминированию Подольского и Дарницкого районов Киева, а также сел области. В команде у меня было 32 человека (9 девушек и 23 юноши в возрасте 14-16 лет). Вот этими-то ребятами, почти детьми, были обезврежены тысячи и тысячи снарядов и мин. Работа была не только тяжелая для подростков, но и крайне опасная, ведь недаром говорится, что минер ошибается раз в жизни. По окончании работ многие из юных минеров были отмечены наградами УК ОСОАВИАХИМа СССР, Киевского горсовета ОСОАВИАХИМа.

ВЛАДИМИР ЧЕРНЫШ

ТЯЖЕЛО ВСПОМИНАТЬ И ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

Черныш Владимир Петрович, 1926 года рождения, бывший разведчик, партизанил, воевал на Первом Белорусском фронте, участвовал в войне с Японией.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями "За отвагу", "За взятие Варшавы", "За победу над Германией", "За победу над Японией", другими.

За отличие в труде удостоен ордена "Знак Почета". Работал слесарем-испытателем на заводе "Курганхиммаш".

-Жизнь разведчика и опасна, и интересна. Приходилось неделями жить в тылу врага, менять обличье, бывать в разных переделках.

Под Ковелем наша группа сохранила переправу через реку Буг. Два дня пришлось отсиживаться в засаде, наблюдать за режимом охраны шоссейного моста. При отступлении немцы его заминировали. Мы, выбрав удобный момент, сняли часового, а потом уничтожили и всю охрану. Мост разминировали и удержали до прихода наших. Сейчас на словах все просто, а тогда каждой операции предшествовала серьезная подготовка.

Разведчик должен быть собранным, выносливым, обладать хорошей реакцией. Как-то мы с немцем оказались лицом к лицу и выстрелили одновременно. Но, видимо, я среагировал на какую-то долю секунды быстрее. Немец был убит, а я получил касательное ранение - первое на войне. Пуля попала в нож, лежавший в кармане, пробила комсомольский билет. Этот простреленный билет и сейчас хранится в заводском музее.

...Наш эшелон шел на восток. Подъезжали к Минусинску, а на станции - народу море, гармошка, песни, танцы. Спрашиваем, что такое? Оказывается, война за-

кончилась. Потом по радио услышали голос Левитана, который сообщил о капитуляции Германии.

Но после этого еще пришлось повоевать с японцами.

Тяжело вспоминать о войне. В нашей семье на фронт ушли четверо, а вернулся я один. На остальных - похорожки. А с другой стороны, как о войне забудешь, если осколки в ноге до сих пор напоминают о тех годах...

СЕРГЕЙ ШИШКИН

АЛЛО, АЛЛО, БАТАРЕЯ!..

Шишкин Сергей Михайлович в 1939 году пришел на машзавод ("Кургансельмаш") учеником формовщика. На его глазах в 1941 году завод срочно переходил на военные рельсы. Пришлось и ему формовать корпуса мин.

В конце 1942 года ушел на фронт. Боевой путь закончил в Праге. Воевал связистом в артиллерии.

После демобилизации в 1947 году работал в финансовых органах. В 1960 году вернулся на родной завод экономистом в инструментальный цех. Затем работал начальником бюро,

главным экономистом, заместителем генерального директора по экономике.

С 1984 года на пенсии. Является председателем совета ветеранов ОАО "Кургансельмаш".

В 1938 году я поступил учиться на формовщика литейного производства в ФЗУ машзавода. Но группа распалась, и доучиваться пришлось прямо на заводе. Первые практические навыки в профессии я получил благодаря наставникам Григорию Колпакову и Александру Анферову.

С началом войны в литейном цехе срочно были поставлены машины для литья в кокиль корпусов авиабомб. На одной из этих машин некоторое время работал и я.

Срочно разгружалось и монтировалось в цехах оборудование, прибывшее из Гомеля. В литейном цехе уже в сентябре 1941 года работали первые формовочные машины по изготовлению форм для литья корпусов мин. Я стал работать на такой машине.

В конце 1942 года меня призвали в армию, отправили в Чебаркуль. Так я оказался связистом в батарее 1004-го артполка.

Северо-Западный фронт. Зима - обилие снегов, весна - распутица. Это сильно сковывало маневренность войск, а особенно тяжелой артиллерии.

В мае 1943 года наш полк срочно снялся с огневых позиций и под обстрелом противника в районе Старой Руссы погрузился на железнодорожные платформы. Выгрузились мы на станции Старый Оскол и своим ходом двинулись на огневой рубеж. Заняли позиции, оборудовали наблюдательный пункт. НП находился в нескольких десятках метров от переднего края, поэтому мы выкопали траншею в рост, соорудили землянку в несколько накатов. Связь НП с батареей была только кабельная, проложенная в проходах сплошных минных полей.

По переднему краю противника в зоне нашего наблюдения была произведена пристрелка ориентиров. По всей обстановке, по концентрации частей, техники мы догадывались, что готовится какая-то масштабная операция.

На оборудованных огневых позициях мы простояли всего несколько дней. Однажды на рассвете слева по фронту послышался нарастающий сильный гул. Нам было приказано срочно сняться и двинуться в направлении гула. Во второй половине того же дня мы подошли к участку, где с утра шел ожесточенный бой. Как стало известно впоследствии, это и было начало знаменитой Курской битвы.

Разведка доложила, что в нашем направлении движутся немецкие танки. Батареи полка сходу заняли огневые позиции. На высоту впереди, где находился корректировщик, мы быстро дали связь. И немедленно был открыт прицельный огонь по танкам противника.

Но после нескольких выстрелов связь корректировщика с батареей неожиданно прервалась, видимо, где-то повредило осколком кабель. Дело в том, что наступление немецких танков поддерживали их минометы и орудия.

Я и еще один связист находились в это время на высоте, с которой корректировался огонь. Мы с ним побежали искать порыв. Но, чуть отбежав от высоты, попали под шквальный минометный обстрел. Залегли. Но танки-то движутся, и связь нужна немедленно. Тогда я вскочил, не обращая внимания на разрывы, и вперед. Оглянулся, а напарник мой лежит и головы не поднимает.

Порывов оказалось много. Соединил последний, подключил телефон и слышу в трубке: "Батарея, по танкам - беглый огонь!" Обрадовался, что связь есть. Вернулся к напарнику, а он мертвый, осколок угодил ему прямо в висок. Вот надо же, фамилию его запомнил. Тахтуев с Алтая.

В этот день мне еще не раз приходилось восстанавливать связь. Для нас это был первый бой на Курской дуге. Атака немецких танков была отбита. Полк срочно был брошен на другой участок фронта, где также вел борьбу с танками. А вечером командарм собрал отличившихся в дневном бою солдат и командиров и вручил награды. Я получил тогда медаль "За отвагу".

В самый разгар боев на Курской дуге наш полк был пополнен боевой техникой и стал именоваться 24-й гвардейской артбригадой РКК (резерва Главного командования). В составе этой артбригады я и воевал до конца войны.

Осень 1943 года. Бои за Киев. А перед этим ожесточенные бои на Букринском и Лютежском плацдармах. Вот на Букринском плацдарме я встретил земляка - танкиста Костю Колесова из деревни Барашково Варгашинского района. Перед боем мы написали домой письма, в которых рассказали о встрече.

После освобождения Киева я получил из дома письмо, меня просили написать, где я встречался с Костей Колесовым. Его матери пришла на него похоронка. А погиб он на другой день после нашей встречи в бою за одну из высот.

Шел 1944 год. Весна, распутица. Идет наступление. Однажды связь на НП была проложена через крохотную речушку по двум жердочкам. После немецкого артобстрела связь нарушилась. Бегу искать порыв, добегаю до речушки, а вместо нее - широченный поток ледяной воды. Оказалось, немцы взорвали в ее верховье плотину, вот вода и хлынула. Хлебнул я тогда этой водицы, едва не утонул, но связь восстановил. Это было на подступах к Тернополю. И награжден я был тогда орденом Красной Звезды.

А в общем, что говорить о наградах, все они памятные. А для меня особо ценен вкладыш в военном билете, где записаны благодарности Верховного Главнокомандующего. У меня их десять. Прочитаю - вот она, моя дорога войны, моя военная география.

7 ноября 1943 г. - за участие в боях за г. Киев.

27 июля 1944 г. - за участие в боях за г. Станислав.

5 августа 1944 г. - за участие в боях за г. Стрый.

6 августа 1944 г. - за участие в боях за г. Дрогобыч.

18 октября 1944 г. - за участие в боях по преодолению Карпат.

26 ноября 1944 г. - за участие в боях за г. Михайловце (Чехословакия).

19 января 1945 г. - за участие в боях за г. Прешев.

12 февраля 1945 г. - за участие в боях за г. Бельско.

30 апреля 1945 г. - за участие в боях за г. Моравска Острава.

2 мая 1945 г. - за участие в боях за г. Цешин.

И, наконец, Прага, за которую я получил медаль "За освобождение Праги".

Война есть война, на ней трудно обойтись без потерь. И все же, если толковый командир, то, как ни говори, жертв меньше. Нам с командиром повезло. Командир бригады полковник Бразголь в тяжелых боях под Киевом вывел бригаду из окружения с наименьшими потерями. После киевских боев ему было присвоено звание Героя Советского Союза, а бригаде - почетное звание Киевская. Умело действовал он и в других боях, добиваясь успеха наименьшей ценой.

Мы любили своего командира, гордились им, у нас даже был свой марш бригады. Я до сих пор помню его слова:

Там, где пехота не пройдет,
Где танк тяжелый не промчится,
Где самолет не пролетит,
Там пролетит снаряд, как птица.
Бразголь, веди бригаду в бой.
Пехота ждет, помочь ей надо.
24-я, вперед,
Вперед, гвардейская бригада!

И горькое послесловие. Я имел связь с музеем Букринского плацдарма. В одном из писем я сделал запрос о земляке Колесове К.Я. Мне ответили из музея, что Колесов Константин Яковлевич есть в списках погибших, похоронен в братской могиле.

К.Я. Колесов занесен в Книгу памяти Варгашинского района.

ВЕНИАМИН ФАДЮШИН

БОЙ НА УЛИЦАХ БЕРЛИНА

Фадюшин Вениамин Трофимович родился в 1926 году в д. Фадюшино Юргамышского района. В армию призван в октябре 1943 года. С боями дошел до Берлина, где в ночном уличном бою был тяжело ранен. Это случилось за несколько дней до Победы.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями - "За отвагу", "За взятие Берлина", "За освобождение Праги" и другими.

Вениамин Трофимович, подполковник в отставке, отличник гражданской обороны.

— С началом войны я оставил школу и работал в колхозе счетоводом и учетчиком тракторного отряда. 20 октября 1943 года был призван в армию Юргамышским райвоенкоматом. Направили меня в снайперскую школу № 10 (г. Чебаркуль).

Уже в июне сорок четвертого начали нас подвигать ближе к фронту. В сентябре мы прибыли ко Львову, где находилась на отдыхе 3-я гвардейская танковая армия генерала Рыбалко. Наш вагон снайперов попал в 70-ю мехбригаду. Мы занимались боевой подготовкой, строили землянки. В это время командир разведроты подбирал воинов для ее пополнения. Брали только добровольцев. Так я попал в бригадную отдельную разведроту на должность

автоматчика. Зачислили меня в первый разведвзвод гвардии лейтенанта Степушкина Н.И. Командир взвода и опытные бойцы учили и наставляли нас. Меня назначили командиром разведотделения, присвоили звание сержанта.

Десятого января 1945 года, как раз в свой день рождения, получил первое боевое задание - разведать передний край противника перед нашим наступлением. Отделение с задачей справилось и вернулось без потерь. А 12 января началось успешное наступление наших подразделений, танковых и механизированных бригад и войск всего 1-го Украинского фронта.

В середине февраля на подступах к г. Гольдбергу в бою я получил множественные осколочные ранения. Нашу бригаду вывели из боя и около города Лигница расположили на отдых. Раны свои я залечивал прямо при разведроте: санинструктор делала перевязки, а передвигался я на самодельных костылях. Раны заживали быстро. Я занимался боевой подготовкой со своим отделением. Мы готовились к новым наступательным боям.

16 апреля сорок пятого года началась последняя Берлинская наступательная операция. Это были тяжелые, жестокие бои. 22-го наша 70-я мехбригада подошла к Берлину с юга и сходу форсировала Тельтов-канал. Начался бой на улицах Берлина.

У нас танков почти не осталось, да они и не нужны особо в уличных боях. Город бомбили американцы, здания разваливались, рушились. Трудно было определить, где чья войска.

...Я находился в подвале жилого дома. Там же были еще несколько наших солдат. Немцев не было. В дом пала авиабомба, и он рухнул. Обломками здания закрыло выход из подвала. Мы несколько суток разбирали их, чтобы выйти. Я был контужен. Когда вышли, я встретил своих. Оказывается, в роте меня уже вычеркнули из списков живых.

29 апреля в ночном уличном бою меня в упор из автомата ранил власовец, прострелил правое плечо. Мои автоматчики тут же застрелили его. Мне оказали первую помощь и доставили в разведроту.

Потом были медсанбат, санитарный поезд, эвакуогоспитали в Новосибирске и Бердске...

С оставшимися в живых разведчиками по сей день веду переписку.

РОМАН ФИЛИМОНОВ

..И СЕРДЦА НЕТЛЕННАЯ ПАМЯТЬ

Роман Васильевич Филимонов родился в 1922 году в деревне Таскино на юге Красноярского края. За неделю до начала войны окончил среднюю школу в г. Минусинске.

С 1941 по 1947 год - в армии. Служил в основном в Монголии, в пустыне Гоби, командиром отделения артиллерийской разведки в звании старшего сержанта.

Войну закончил в Корее командиром НП Южноморского района Тихоокеанского флота.

После войны получил образование в институте, на литфаке. Работал в школах учителем-словесником. Довелось работать также на заводе, на железной дороге, в институте...

Роман Васильевич - член Российского союза профессиональных литераторов, издал ряд поэтических сборников. В его стихах - ни единой фальшивой ноты, ибо писал он их не из тщеславия, а для себя, чтобы излить обуревающие его чувства, остановить переживаемое мгновение.

На запад летят эшелоны

Несутся вперед эшелоны,	По вольным просторам
Увозят с собою ребят.	Отчизны,
"На запад, на запад,	По строгому зову войны
на запад!" -	Мы мчались отдать свои жизни
Тревожно колеса стучат.	За жизнь любимой страны.

Мы (теперь в этом можно признаться!)
 любили, любили
 впервые... на луну,
 Пары кружились в вальсе. соединившую нас,
 Румянец жег наши щеки... и вспоминаешь нашу
 Я вышел на мороз. любовь.
 У стенки школы стояла ты. Не горюй, дорогая, не плачь.
 Я подошел к тебе Жди меня!
 и прошептал: Скоро, скоро, после победы,
 - Милая, как я тебя люблю, мы встретимся снова
 моя прекрасная, моя с тобою,
 дорогая, и наша любовь расцветет
 моя нежная девочка! еще ярче.
 Я обнял тебя, ты робко ...Светит луна. Полночь.
 ко мне прижалась. Стих лагерь. Все спят.
 А потом мы поцеловались. Какая большая земля!
 А над нами в звездном небе Сколько на свете людей!
 сияла такая полная луна А люблю я тебя одну.
 и, любуясь, смотрела на нас. Спокойной ночи!
 Сегодня ночь под небом Спи крепко и сладко!
 Монголии Посмотри, уж куда
 напомнила мне ту укатилась луна.
 счастливую ночь. Пора и мне спать. Отбой!

Сентябрь 1942 г.,
 Монголия.

Где-то в городе

Где-то в городе далеком Что потребует война
 Ждет любимая его. И его крови горячей,
 Уезжая, он смеялся: Что безжалостна она.
 "Не случится ничего! Где-то в городе далеком
 Что ты плачешь? Разве можно Ждут его...
 Унывать нам? Вот врагов Но спит солдат,
 Разобьем - к тебе нежданно Жизнь отдавший
 Возвращусь я, жив-здоров!" за Отчизну.
 Мог ли знать он, Спи спокойно с миром,
 расставаясь, брат!

Воробей

В палату воробей	- Передохни, дружок,
Впорхнул, как старый друг.	Да хлеб поклюй с дорожки!
На подоконник сел	Почудилось солдату
И зачирикал вдруг.	Внезапно самому:
Боец, забыв про боль,	Не серый воробьишко,
Насыпал птичке крошки:	А мир влетел к нему.

Как я учил японцев пилить дрова

Б ы л ь

Последнее время я служил в Корее командиром НП в 120-м артполку Южноморского района Тихоокеанского флота. Полк располагался в городе Сейсине (ныне Ченгжин). От нас еще не успели увезти пленных японских солдат.

Однажды прохожу мимо столовой, смотрю - два японца пилят дрова. А пилят так: положили бревно на две жерди, сели на землю, ноги врозь, друг против друга, и полегоньку пилой чиркают. Я остановился, пялю шары на их старанье, и мне тошно и смешно.

Подхожу к ним и говорю:

- Вы так проволынитесь с этим сутунком до морковкиного загovenья!

Они, конечно, ни черта не поняли, пилу бросили, усталились на меня. Тогда я им руками показываю, как у нас пилят дрова. Вижу - до них недоходит. Что делать? Подзываю солдата, оказавшегося поблизости, и говорю ему:

- Садись, покажем япошкам, как надо работать.

Солдат усмехнулся. Пленным знаками велели отойти в сторону. Стали на колени, взялись за ручки пилы - и давай наяривать! Пропилили почти половину бревна. Встали. Я подошел к японцам и показал им руками и мимикой: вот так, дескать, и пилите! В ответ они ухмыльнулись, закивали головами. И действительно стали пилить так, как и полагается!

АННА ХРУЩЕЛЁВА

ВОЖАК ИМЯ ВЕТЕРА

ЧТОБ НЕБО БЫЛО СПОКОЙНЫМ

Анна Ивановна Хрущёлева, 1923 года рождения, была призвана в армию 12 ноября 1942 года. Воевала в составе 885-го зенитно-артиллерийского полка в отделении разведки. Охраняла небо над городом Мурманском.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью "За боевые заслуги", юбилейными медалями.

Вопросы фронта, которые разнохарактерно охвачены горном. И
 вода вытеснена, фонтанная вышка, вместе со фонтаном,
 Гибко, маневрен, промывки илии Спички Сорванной. Все это
 произошло мне, когда выносила раненых в одну бочку, вы
 спускаете их в тунну.

Комбат даже разрешил мне зайти в бойницы и разгрузку.
 Наступала зима, в тунну еще тайфаны ходили, тогда в
 зимних сугробах без них. И, сандружинница, и развела на
 в развину, а вместе с ними, востраило еще вместе с бой
 ными раны на поле боя, вытеснила рывками, оказавше
 лератуе шонирь, хотя выносила индивидуального оборудо
 вания у меня не было. Искать, бегать, крутить спираль ружья,
 тунна выносила, тунна выносила выносила, выносила выносила и
 выносила, крики, вскрики. Все это было быстрое.

СЕРГЕЙ ЩЕРБАКОВ

УЧАСТНИК ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

Гвардеец Сергей Михайлович Щербаков родился в 1926 году в г. Кыштыме Челябинской области. На фронт ушел добровольцем. Воевал в составе 21-й артиллерийской дивизии прорыва на 1-м и 2-м Прибалтийских и Ленинградском фронтах.

В составе 43-й, 39-й, 6-й гвардейской, 11-й гвардейской, 4-й ударной армий освобождал Белоруссию, Прибалтику. Участвовал в операции «Багратион».

В бою за порт Либава был тяжело контужен.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя медалями «За отвагу» и другими.

АЛЕКСАНДРА ЯХОНТОВА

В БОЯХ ЗА МОСКВУ

Яхонтова (Козлова) Александра Васильевна, 1921 года рождения, проживала в городе Дмитрове, в 60 километрах от Москвы. На фронт ушла добровольцем. Защищала Москву. Была тяжело ранена. После выздоровления служила в медсанбате 2-й мотострелковой дивизии НКВД в Москве. В Кургане живет с 1994 года.

Имеет орден Отечественной войны II степени.

— Когда началась война, мне исполнилось 20 лет. Я была комсомолкой. Вместе со сверстниками добровольно ушла на фронт, примкнула к 1-й гвардейской бригаде Западного фронта, которая располагалась около города. Я была закаленная, физически сильная, ничего не боялась. Потому, наверное, прозвали меня Сашка-Сорванец. Все это пригодилось мне, когда выносила раненых с поля боя, эвакуировала их в тыл.

Комбат даже разрешал мне ходить с бойцами в разведку. Наступила зима, и стало еще тяжелее: холод, голод и почти сутками без сна. Я, сандружинница, в валенках не по размеру, в ватных штанах, телогрейке шла вместе с бойцами роты на поле боя, вытаскивала раненых, оказывала первую помощь, хотя никакого медицинского образования у меня не было. Идешь, бывало, кругом снаряды рвутся, пули свистят, снег - кровавое месиво, множество убитых и раненых, крики, стоны. Все это надо было пережить.

Спали под повозками или стоя у дерева (если сядешь - замерзнешь). Хорошо, где хлев несожженный остался, можно было "отогреться" на навозе. А чем только не питались! Ели и конину, а чаще большие черные сухари. Ничего, что мышами и плесенью попахивают. Сосешь такой сухарь - надолго хватает. А кухня тогда редко до нас добиралась. Как-то выбили немцев из деревни, забежали в избу, а там печь топится, картошка в мундире варится. Мы ее тут же с удовольствием слопали.

Особенно досаждали вши. На ходу, в движении еще туда-сюда, а как остановишься - спасу нет. Смочим водкой ком ваты и толкаем ее за воротник на спину. Но это утешение недолгое.

Помню страшный бой за село Михайловское под Волоколамском. Перед селом большой крутой овраг, обстреливаемый немцами. А его-то надо преодолеть. Приказ - "Вперед!". Солдаты выбывают, приходит пополнение, и снова атака. Что там творилось, не описать. Долгий это был бой и страшный. Село горит. На окраине стоял полуразрушенный сарай с обвалившейся крышей. Вот туда-то я и стаскивала раненых, которых подбирала на поле боя. Их было очень много, пора было отправлять в тыл за 30 километров. Но я не смогла отправить их в санроту, не успела. Только я выползла из оврага, как где-то сзади разорвался снаряд и осколком мне пробило грудь (правое легкое, как я позже узнала). На мне была тяжелая полевая сумка с перевязочным материалом. Когда в меня попал осколок, я не упала, а стояла по колено в снегу. Почувствовала только, как будто кол в меня вбили, изо рта кровь пошла. Правую руку отбросило назад, она повисла.

Поодаль стояла лошадь с санями, груженными оружием, собранным на поле боя начальником боепитания Данилиным и воентехником Накаряком. Сами они были отброшены взрывной волной, контужены. Лошадь была по брюхо в снегу. Я кричала, звала на помощь. Когда они очухались, я заставила их положить на рану рукавицу и крепко затянуть грудь ремнем, чтобы в легкие воздух не попал (я это знала). Вот ведь как бывает, пол-

ная сумка перевязочных материалов, а я о них и не вспомнила. Они положили меня на сани, я кричу: "Быстрее!". Но тут силы мои иссякли, и я потеряла на короткое время сознание. Очнулась от сильных взрывов - немцы продолжали обстреливать овраг. А наша лошадь никак не может выбраться из снега. Мужики ее прикладами колотят. Досталось ей, но все же лошадка вытащила сани с оружием и меня. Потом они мне рассказывали, что, когда везли меня до санчасти, я бредила, материла немцев.

Позже в санроте я встретилась с некоторыми ранеными, которых не успела эвакуировать. Они были рады встрече, жалели меня.

Из-за большой потери крови я часто теряла сознание и не помню, как мне обрабатывали рану в санчасти. Ложиться мне было нельзя - задыхалась. Так и стояла на коленях, к чему-нибудь привалившись. Потом меня отправили в Москву, в госпиталь 1-го медицинского института. Прошло время, и меня стали готовить к операции: чтобы вытащить осколок, надо было удалить четыре ребра. Но все произошло иначе. Перед операцией меня сильно беспокоила рана, и я настояла, чтобы меня отвезли в перевязочную. Врач, сняв повязку и обрабатывая рану тампоном, нащупал пинцетом металл. И вытащил осколок весом в 14,5 грамма. Осколок вышел сам. Как сейчас вижу около себя солидного, с толстыми волосатыми руками профессора Салищева, который кричал на всю перевязочную: "Ну, курносая, ну, сорванец! Ты же сама себя вылечила!" Потом, когда он читал лекции молодым врачам, меня демонстрировал и говорил, что при таких ранениях не выживают, что это уникальный случай, который в его практике не встречался. Все, видимо, зависит от сильного характера и закаленного тела.

Рана очистилась, легкое зарубцевалось, а вот правая рука - помощница плохая до сего дня. Осколком был задет нерв...

При выписке из госпиталя комиссия назначила мне инвалидность, но я категорически отказалась: позор, в такие годы быть инвалидом. Рвалась на фронт, но с та-

ким здоровьем солдата с поля боя не вытащишь. Мне предложили служить в Москве, в медсанбате 2-й мотострелковой дивизии НКВД. Ухаживала за больными, за ранеными. В 1945 году была уволена из армии и продолжала жить в Москве. А в 1994 г. переехала в Курган...

Сейчас еще выполняю кое-какую общественную работу в школах, в центре социального обслуживания и горжусь тем, что кому-то еще нужна...

ПОХОДНЫЙ МАРШ
КУРСКИХ ПАРТИЗАН

В путь идем мы в наш кантонирован,
Тяжелую ношу осадит плечи,
Вперед шагнем — не отступим ни шагу,
Пылким сердцем, дружною силой,
За нашу родину, за тех, кто в плену

**НАРОДНЫЕ
МСТИТЕЛИ**

Тоска была мучила — была тоска, была жгучая,
Растут зарницы курских партизанок,
Красавица плещет наутро на дождь и туман,
Белые сапожки танков и овец,
Шпалы, гранаты, пули и прищипом
Врешь, жиды, сваты и уланские!

ПОХОДНЫЙ МАРШ КУРСКИХ ПАРТИЗАН

В тылу врага мы бьемся непреклонно,
Повсюду наши зоркие посты.

Взлетают к небу вражьи эшелоны,

Пылают склады, рушатся мосты.

За нашу кровь, за горе и за раны

Мы вражьей своре предъявили счет.

Смелее в бой, лихие партизаны!

За партию, за Родину, вперед!

Мы знаем все, и всюду нам дорога,

В глухую полночь, вьюгу и туман.

Нас было мало - нас теперь так много!

Растут отряды курских партизан.

Кровавым гадам нет от нас пощады,

Берутся села за топор и нож.

Штыком, гранатой, пулей и прикладом

Врага найди, свали и уничтожь!

ВЛАДИМИР АКИМОВ

НА ТЕРРИТОРИИ, ЗАНЯТОЙ ВРАГОМ

Акимов Владимир Григорьевич родился в 1929 году в городе Жлобине Гомельской области в семье рабочего. С 1941 года по 1943 год находился с семьей на оккупированной немцами территории. Был в партизанском отряде.

После войны окончил машиностроительный техникум, работал в г. Копейске Челябинской области. С 1991 г. живет в Кургане.

Награжден медалью "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

Уже на второй день войны наш город - крупный железнодорожный узел - подвергся жестокой бомбежке. Мы решили бросить дом и эвакуироваться. Но смогли добраться только до станции Солтановка, что в 25 километрах от города. Там мы стали свидетелями, как немцы бомбили воинский эшелон. Гарь, дым, кругом трупы. Через 2-3 часа стало невозможно дышать. А вскоре немцы заняли станцию. Пришлось нашей семье вернуться домой, в Жлобин. В доме уже были немцы, и нам пришлось жить в сарайке.

В городе был лагерь военнопленных. Их гоняли на расчистку железнодорожных путей. Там их каждый день умирало по несколько человек от ран и истоще-

ния. Мы с пацанами брали дома картошку, хлеб и бросали пленным, когда их вели на работу.

Старший брат скоро связался с партизанами, и я стал выполнять кое-какие его поручения - разведывал, как охраняются мосты через Днепр, склады с горючим. Мне как малолетке это было проще делать. Брат работал в депо по ремонту паровозов и вредил как мог.

Но после того как отец взорвал водонапорную башню на железной дороге, оставаться в городе стало опасно. Командование партизанского отряда "Вперед!" приняло решение: отца, брата и меня забрать в отряд, а мать с младшими детьми отправить за Днепр, в село, где их никто не знал.

Во время переправы полицейские обнаружили партизанских связных, сопровождавших мать, забрали вещи и продукты, а связных и мать сдали в жандармерию как подозрительных. У связных были отличные документы: у одной на имя матери старосты, у другой - матери полицейского. Они якобы приезжали в город к врачу. А у моей матери документов не было. Жандармы по телефону проверили, что действительно ее муж и сын сейчас на работе в депо. Мать и связных отпустили.

В тот же день мать и младшие дети были переправлены за Днепр, а отец, старший брат и я ушли в партизанский отряд.

Отряд занимался в основном разведывательной деятельностью, диверсиями. Я выполнял в отряде хозяйственную работу, нес службу по охране лагеря. В бою участвовал два раза: во время карательной экспедиции и при соединении с нашими войсками.

В конце ноября 1943 года отряд "Вперед!" соединился с регулярной армией. А в июле 1944 года был освобожден г. Жлобин, и мы вернулись домой.

ПЕТР БОРОВКОВ

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Боровков Петр Стефанович родился в 1931 году в деревне Глинск Трубчевского района Брянской области. В сентябре 1941 года в его деревню пришли немцы. В 1942 году Петр Стефанович попал в партизанский отряд. При выходе отряда из окружения был пленен немцами и помещен в концлагерь. Совершил побег и скрывался у местных жителей до прихода частей Советской Армии.

С 1958 года Петр Стефанович работал на Курганском машиностроительном заводе.

-В семье я был самым младшим. Старший брат Андрей к началу войны служил в армии, сестра Мария работала учительницей, а еще две сестры, Надежда и Анна, учились в школе. А я перешел в четвертый класс.

23 июня стали отправлять на фронт односельчан, призывали и моего отца. Через нашу деревню беспрерывно двигались войска: сначала шли они на запад, а потом - в обратном направлении. Началось отступление. В сентябре 1941 года деревню заняли немцы.

В декабре 1941 года ночью дома неожиданно появился отец, а через две ночи на третью он также внезапно исчез. Вскоре я узнал, что он находится в партизанском

отряде имени Кутузова. Партизаны этого отряда в сентябре сорок первого восстановили Советскую власть в селах Трубчевского района Брянщины и удерживали ее до середины 1942 года.

Когда в 1942 году немцы ужесточили карательные операции, нашей семье стало опасно оставаться в деревне, и мы ушли в отряд к отцу. В отряде мы были по июль 1943 года. Я выполнял задания по охране базы партизан, подвозил боеприпасы во время боев с немцами.

Фашисты дважды делали налеты на Трубчевск, но партизаны отбивались, нанося им большие потери. В июле 1943 года немцы бросили против отряда им. Кутузова большие силы. Отряд вынужден был сняться с насиженных мест и отправиться на соединение с другими отрядами. Путь лежал на Хинель, Почеп, Цуземки. Пробирались с боями, силы были неравные. И в одном из боев отряд им. Кутузова попал в окружение. Основные силы отряда сумели прорваться, а женщины, старики, дети, которых в отряде было много, были захвачены немцами и помещены в наскоро сооруженный на станции Локти Брянской области концлагерь. В том бою погиб мой отец, а мать, я и три моих сестры оказались в плену. Через некоторое время нас увезли в Литву, в концлагерь, оборудованный в Алитусе.

Бежать из концлагеря мне помогла советская патриотка, называвшая себя Катей. Она сказала мне: "Когда немцы поведут нас копать траншеи у леса, ты выбери удобный момент и беги. Около леса в отдельном домике живет литовец Корсакас. Беги к нему. Скажешь, что тебя прислала Катя". Все так и вышло, как советовала Катя. Корсакас принял меня, прятал у себя трое суток, а потом отправил в деревню Райжей к своему другу Шимасу Халискасу. Через десять дней туда же он привел и мою сестру Анну. Я жил у него до прихода частей нашей армии.

После войны я окончил школу ФЗО и до призыва в армию, до 1951 года, работал на заводе токарем. С 1958 года работал на Курганском машиностроительном заводе начальником бюро технического контроля инструментального цеха. Был председателем цехового комитета профсоюза, секретарем партбюро.

АЛЕКСАНДРА ДАВИДОВА

ПАРТИЗАНСКИЙ „КОНЦЕРТ“

Давыдова Александра Ивановна родилась в 1926 году в Пермской области. В 14 лет осталась без отца. Когда началась война, пришлось идти работать, чтобы как-то выжить, помочь матери. Устроилась на оптико-механический завод, который был эвакуирован из Белоруссии, в литейный цех. Работа этого горячего цеха была организована в две смены, трудились по 12 часов.

В пятнадцать лет она стала комсомолкой. С 1942 по 1944 год воевала в партизанском отряде.

-В июле 1942 года к нам на завод приехал представитель штаба партизанского движения Белоруссии, чтобы набрать группу добровольцев для диверсионной работы в немецком тылу. И хотя мне было всего лишь шестнадцать, я настояла, чтобы меня тоже взяли.

Группа была скомплектована, и 4 августа нас отправили сначала в Москву, а затем на сборы в Горьковскую область. Здесь нас обучали “хитростям” партизанской жизни, стрельбе из разных видов оружия, а главное, подрывному делу.

Учеба длилась всего три месяца, а затем нас разделили на группы по 13 человек. В каждой группе было две девушки.

В ночь на 10 ноября 1942 года мы переходили линию фронта, каждая группа самостоятельно. Линию фронта мы перешли в районе станции Торопец Калининской области и стали пробираться к месту сбора - в Западную Белоруссию. Шли почти все время пешком, в основном ночами, так как вокруг было полно немцев и нас легко могли обнаружить.

В Западной Белоруссии мы наконец встретились с другими нашими группами и образовали партизанский отряд. Назвали мы его "Октябрь". И началась наша партизанская жизнь.

Зимой жили в землянках, летом - в шалашах. На задания ходили, как правило, группами по 6-7 человек. Главным наши "объектом" была железная дорога. Расположена она была довольно далеко от нашей базы, поэтому минировать ее мы уходили на целую неделю, а то и больше.

Помню, в 1943 году партизаны устроили немцам "концерт". В одну из ночей все отряды одновременно вышли на железную дорогу, заложили взрывчатку, а затем поочередно взрывали ее. Взрывы гремели всю ночь. После этого "концерта" немцы долго не могли открыть по этой дороге движение, а значит, на долгое время прекратилась доставка на фронт живой силы и техники.

Диверсионную работу в тылу немцев мы продолжали до июня 1944 года, пока наши войска не освободили Белоруссию. После этого наши мужчины влились в состав армии и продолжали воевать, а мы вернулись к мирному труду.

МАРИЯ КАЛМЫЧЕНКО

ПО ТРОПИНКЕ В ЛЕС

Калмыченко Мария Игнатьевна родилась в 1926 году в поселке Покровском Гомельской области. В первые же недели войны ее родина была занята немцами. Оказавшись на оккупированной территории, она на себе испытала все ужасы "нового порядка". Активно сотрудничала с партизанами, снабжая их необходимыми сведениями о противнике. А когда в поселке оставаться стало опасно из-за угрозы ареста, ушла в партизанский отряд, в котором была до прихода нашей армии.

За участие в борьбе с фашизмом Мария Игнатьевна награждена пятью медалями.

После войны приехала с семьей в Курган и долгие годы работала на заводе "Кургансельмаш".

Рано утром 22 июня мои родители, соседи уехали на базар, в райцентр Журавичи. Обычно они возвращались поздно вечером, мы встречали их, ожидая подарков. На этот раз они вернулись часа через три. Отец был хмур, войдя в дом, он сказал, обращаясь к нам: "Дети, Германия пошла войной на Россию. Видать, большая война будет..."

Вот так из уст отца я узнала о начале войны (радио у нас в поселке тогда не было).

12 августа 1941 года наша местность была занята немцами. Вот что сохранила об этом дне моя память.

Отец был очень болен. Работать уже не мог. Мы с матерью были на огороде, убирали рожь. Стоя у ворот, отец крикнул нам: "Идите сюда скорее!" И показал на приближающихся со стороны болота людей. "Смотрите, это ведь немцы, видно, будет бой. В огород больше не ходите". И бой действительно начался. В лесу за поселком были наши солдаты, они начали обстрел. Немцы стали поджигать дома. Видели, как загорелся дом сестры. Она выбежала с ребенком на руках и спряталась в окопчике. А немцы все бежали. В нашем огороде ранило четверых, их занесли в наш дом...

Наутро в поселке не было ни немцев, ни наших. Мы побежали в лес, где стояли наши войска. Но там были лишь пустые окопы. Нашли мы три винтовки и патроны и по совету отца закопали их.

Недели три после этого боя немцев мы не видели. Затем они приехали, назначили старосту, расклеили приказы о "новом порядке": за появление на улице после 10 часов вечера - расстрел; за невыполнение распоряжений - расстрел; кто не сдаст оружие - расстрел... Стали отбирать людей для работы в Германии.

Если раньше люди собирались у колодцев группами, делились новостями, то теперь, набрав воды, быстро молча расходились. Так началась наша жизнь при "новом порядке".

Иногда через поселок проходили в одиночку и небольшими группами красноармейцы. Просили поесть, узнавали, есть ли немцы в ближних селах, и тайком уходили на восток, в сторону фронта, откуда доносилась стрельба. Но скоро и ее не стало слышно, видно, фронт ушел далеко. Немцы распространяли слухи, что они уже взяли Москву и Ленинград, что в России теперь только немецкая власть. Люди этому не особо верили, но сомнение все же закрадывалось. Мой отец упрямо твердил: "Буду жив, сам узнаю, а умру, вспомните, что я говорил: выгонят немцев из России. Ее еще никто не побеждал". К сожалению, сам он этого не узнал: 15 октября мы его похоронили.

В начале декабря 1941 года со стороны леса к нашему дому направились два человека. Мать как раз выш-

ла во двор подоить корову. Подошли, спросили, есть ли в поселке немцы. А узнав, что они здесь вообще редко бывают, попросили укрыть их до наступления темноты. К ним из леса подошли еще семь человек. В дом они не пошли, а укрылись на гумне. Там же поставили навьюченную лошадь.

Они рассказали, что слушают по радиc сводки, что немцы еще наступают, но под Москвой уже остановлены, и что Ленинград им не взять.

Проводив их вечером, я рассказала о них двоюродному брату Николаю. Он был старше меня, хотя учились мы в одном классе. Он очень жалел, что не связался с ними. Вскоре он исчез, как оказалось позже, ушел к партизанам.

В село стали приходить слухи, что в округе орудут партизаны, совершают диверсии на дорогах, подрывают мосты, бьют немцев. А у нас немцы готовили парней к отправке в Германию. В конце февраля 1942 года в поселке неожиданно объявился мой брат Николай и, узнав, что немцы редко навдываются в село, попросил меня собрать в условленном месте парней: им опасно оставаться дома, надо переправить их к партизанам. Я так и сделала. В назначенный день и час пришли партизаны с подводами и увезли двенадцать парней в лес, в отряд.

А я стала разведчицей-связной у партизан. Первое задание мне передал Николай. Он указал тайник, где я должна оставлять разведанные сведения о немцах и получать задания в дальнейшем. Через Журавичский район проходили Варшавский тракт и другие важные коммуникации гитлеровцев, по которым они осуществляли снабжение фронта. В мою задачу входило вести наблюдение за ними, запоминать, какие войска, грузы, технику везут по ним немцы, и быстро передавать данные в отряд.

Делать это было непросто. Вдоль шоссе и других дорог гитлеровцы разместили усиленные гарнизоны, посты, задерживали всех подозрительных. Обычно я выходила на дорогу, прихватив с собой корзинку, в которой лежали яйца, масло, другие продукты. И, когда меня останавливали, объясняла, что иду менять все это на соль и мыло.

Однажды я не обнаружила в тайнике записки с заданием. Не было ее и на другой день. Оказалось, что партизанский отряд ушел в другие леса. Но я продолжала навещать тайник и вскоре обнаружила записку уже другого отряда. Оказывается, обо мне не забыли. И задания стали поступать все чаще. Порой партизаны не ждали, когда я отнесу записку в тайник, а встречали меня в лесу, забирали разведанные данные и по радию передавали их, куда нужно.

Нашей "работе" сильно мешал гарнизон в деревне Яновке, да к тому же кто-то стал доносить туда о партизанах. Решено было разгромить гарнизон. Мне было поручено провести разведку. В этой деревне у меня жила тетя и были две знакомые девушки - Аня, сборщица молока, и Катя, дочь бургомистра волости.

Когда я пришла в деревню навестить "больную" тетю, бургомистр застал меня у своей дочери Кати. Для начала спросил, когда еще приду. А я отвечаю, что тетя уже здорова, больше, наверное, приходить не стоит. Он меня сразу "раскусил". Держись, говорит, за Аню и Катю, не подведут. Потом подробно рассказал все о гарнизоне, а позже сам связался с партизанами. Словом, мы все так поработали, что гарнизон был разгромлен без потерь у партизан. Немцы были перебиты, а "полицейские", набранные из военнопленных и во время операции ударившие по ним с тыла, ушли к партизанам.

Но немцы гарнизон восстановили, усилили. Связь с Яновкой пришлось налаживать долго. Девушек стали в чем-то подозревать. Тогда Аня "подружилась" с заместителем начальника гарнизона (он был из военнопленных) и "уговорила" его. Он, пользуясь отсутствием немцев и начальника гарнизона, снял посты, весь личный состав собрал в казарму на "совещание". Тут их всех и взяли предупрежденные партизаны.

На следующий день немцы явились к бургомистру. В прихожей была Катя, а в другой комнате Аня и бургомистр. Услышав громкий разговор в прихожей, они сумели через окно уйти и скрыться. Аня позже пришла в партизанский отряд. А Катю немцы взяли, били, пытали и увезли. Уже после войны я встретила ее, и она

рассказала, что по дороге в Германию сумела в Польше бежать, ее укрыли, выходили, переправили к партизанам. Она показала мне спину: ужас! Вся исполосована, в шрамах, как только она могла вынести такое!

После провала в Яновке мне стало опасно дальше оставаться дома. И третьего мая 1943 года я ушла в партизанский отряд, на который работала. Это был отряд имени Калинина 10-й Журавичской партизанской бригады.

Здесь мои обязанности особо не изменились: ходила в разведку. Устраивалась где-нибудь на кладбище или в огороде, наблюдала, считала, сколько и чего везут немцы. Всякое было, страху натерпелась достаточно.

Что еще помню: в отряде к тому времени было много чехов, поляков, украинцев.

Последнее мое задание закончилось встречей с разведчиками нашей армии. Вызвал меня начальник штаба: "Ну, Маруся, сегодня тебе предстоит работа, возможно, последняя...". И пояснил, что находившиеся в дозоре чехи обнаружили советских солдат. Надо проверить, не провокаторы ли это, нарядившиеся в красноармейскую форму. Задание я выполнила - встретила группу советских разведчиков.

В этот же день, 3 октября, партизаны влились в состав регулярной армии, а я вернулась в свой родной поселок, освобожденный от немцев.

СОФИЯ КИСЕЛЬ

СВЯЗНАЯ ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНИЛА

Война с фашистской Германией стала действительно всенародной. В ее страшную орбиту волею судьбы были втянуты даже совсем малые дети. И многие из них не только пережили все тяготы военного лихолетья, но внесли свою крупицу в разгром врага, в великое дело победы.

В архиве Вооруженных Сил Белоруссии хранятся документы о связной партизанского отряда 10-летней Соне Ульяновой (ныне Софии Савельевне Кисель).

Родилась она в 1933 году в деревне Ямное Гомельской области. Десяти лет от роду стала связной партизанского отряда. Имеет удостоверение партизана Белоруссии.

После освобождения Белоруссии окончила школу, институт, стала высококлассным специалистом железнодорожного транспорта. Все годы после института работала в Курганском отделении Южно-Уральской железной дороги. Имеет звание "Почетный железнодорожник".

— III ла война. Помню, как уходил на фронт отец, как убивалась мать, ведь нас у нее оставалось шестеро.

Деревня наша Ямное стояла на развилке шоссе дорог - на Киев, Могилев, Смоленск, а потому в первые

же дни войны была занята немцами. Скоро все почувствовали, что такое оккупация. Фашисты зверствовали: многих жителей, способных работать, угоняли в Германию, всех, кого подозревали в сопротивлении "новой власти", коммунистов, евреев расстреливали, вешали. Деревня пустела.

Немало было и тех, кто ушел в леса, в партизаны или боролся в подполье. Конечно, были и предатели. Ушел в партизаны и мой 14-летний брат Федор. Кто-то донес об этом, и фашисты много раз допрашивали маму. А в 1942 году при очередной карательной операции ее схватили и повели на казнь. На руках у нее была младшая дочь, за подол уцепилась другая моя сестренка. Я бежала долго следом, пока мать не отослала меня, сказав тихо: "Иди, дочка, ты отомстишь за нас". Только каким-то чудом они уцелели.

По просьбе мамы я часто бегала в соседние деревни к родственникам и знакомым и передавала им, что она мне наказывала. Я, конечно, и не догадывалась тогда, что помогаю партизанам. Подозрений я ни у кого вызвать не могла - маленькая, худенькая. А окрестности, все леса и тропинки хорошо знала, ведь лес кормил нас.

На чердаке нашего дома, в сарае, на сеновале часто скрывались партизаны и их командиры. Они, видимо, давно присматривались ко мне. И через год, с апреля сорок третьего, я стала "официально" связной 256-го партизанского отряда 10-й Журавичской бригады им. И.В. Сталина. Мне уже исполнилось десять лет, я умела хорошо читать и писать. Надо сказать, что об этом особо заботились мои домашние и родственники, так как боялись, что во время оккупации отстану в учебе и останусь неучем.

На явочные базовые места отряда я доставляла различные донесения, а обратно - задания командования партизанам, которые скрывались в деревнях. Трижды меня задерживали немцы, но, допросив, отпускали, уж слишком не похожа я была на партизанку.

Как-то в один из холодных осенних дней в конце октября 1943 года я, возвращаясь с задания, попала в какую-то перестрелку. Осколок попал в правую ногу, в

голень. Я его вытащила, залепила ранку листьями и, выбравшись из болота, дошла до деревенского кладбища, забралась в разбитую часовню и уснула. Под утро здесь и нашла меня мать.

Только успела она промыть рану соленой водой и завязать тряпкой, как в избу ввалились немцы, вернувшись с учений. Увидев меня на печи, пристали с расспросами: кто такая, почему раньше ее не видели. Мать отговорила, слабенькая, мол, все время на печке прячется, вот и не видели...

А наша армия наступала. В начале ноября моя деревня была освобождена. Кончилась моя партизанская жизнь. Я помогала матери в колхозе и дома. В школу пошла лишь в 1944 году сразу во второй класс. За этот год окончила и третий класс. Осенью сорок пятого уже сидела за партой со своими сверстниками. Вернулся домой отец, прошедший всю войну пехотинцем, успевший повоевать и с японцами.

В 1952 году я поступила в Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта, окончила его в 1957 году и приехала работать в Курган. Здесь, в Курганском отделении дороги, всю жизнь и работала. Занимала разные должности, а последние двадцать пять лет руководила отделом экономического анализа и статистики отделения дороги.

АЛЕКСАНДР КОРОВИН

ПАРНИ С НЕБА

(Из записок партизана)

Коровин Александр Савельевич родился в 1921 году в деревне Пухово Белозерского района. До призыва в армию работал в местном колхозе "Борцы революции".

В армию призван в октябре 1940 года. Служил в Киевском особом военном округе начальником поста службы ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь). С 22 июня по октябрь 1941 года участвовал в обороне Киева. 2 февраля сорок второго года после выхода из так называемого Киевского окружения был зачислен в состав местного партизанского отряда, который позднее вошел в подчинение кавалерийского

партизанского соединения под командованием Герся Советского Союза генерал-майора М.И. Наумова. Был разведчиком, командиром отделения отрядной разведки, служил в Главразведке соединения.

После освобождения Киева 2-й Киевский партизанский отряд был расформирован, и Александр Савельевич был командирован на службу в Украинский штаб партизанского движения, где прослужил до августа 1944 года.

С октября 1944 года воевал в составе интернационального партизанского отряда на территории Чехии и Моравии сначала разведчиком, а с декабря сорок четвертого и до конца войны - начальником штаба отряда.

После войны продолжал службу в 25-м учебном танковом полку, дислоцированном на Увале (г. Курган). Из армии демобилизован в августе 1946 года в звании старшины.

Окончил курсы старших бухгалтеров и работал по специальности на разных предприятиях города. В сентябре 1956 года принят на должность главного бухгалтера Курганского завода химического машиностроения и проработал в этой должности более 25 лет - до выхода на пенсию в 1981 году.

Боевой путь А.С. Коровина отмечен орденом Отечественной войны II степени, медалями "За отвагу", "За оборону Киева", "Партизану Отечественной войны" I степени, "За освобождение Праги", "Партизан Чехословакии", Чехословацким военным крестом и другими наградами.

В 1943 году, за несколько дней до праздника Великой Октябрьской социалистической революции, командир нашего партизанского кавалерийского соединения Герой Советского Союза генерал-майор Наумов М.И. подписал приказ о выступлении на помощь регулярной армии в освобождении Киева. Но вскоре из штаба партизанского движения сообщили по радию, что Киев освобожден. Последовал новый приказ: часть отрядов, в том числе и наш, 2-й Киевский, продолжают движение навстречу регулярным войскам, а основной состав выходит в рейд дальше на запад - на Житомирщину, Львовщину, в Закарпатье. Этот рейд впоследствии назвали "степным".

В полдень 7 ноября я увидел освобожденный Киев. До войны я видел его красивым, сияющим, в зелени садов и парков. А сейчас - сплошные руины, обгоревшие остовы зданий, груды битого кирпича...

После расформирования отряда меня зачислили в один из отделов Украинского штаба партизанского движения. Но меня не оставляла надежда вернуться в партизаны. И я добился своего: меня зачислили в состав оперативной группы для работы на территории оккупированной немцами Чехословакии. Группа состояла из 15

человек. Семеро - Матвей Андреев, Руфина Красавина, Виктор Осипов, Михаил Шиянов, Владимир Зачупейко, Иван Лабунский и я - советские, и восемь человек - словаки. Это - Игнац Газуха, Даниил Дибдяк, Виктор Рудкай, Ян Новак (псевдоним), Ян Гудец, Иозеф Кагала, Ян Сильный, Штефан Канька.

Командиром был назначен Иван Андреевич Лабунский - волевой, грамотный лейтенант из Винницы. Все мы, кроме врача Руфины Красавиной, радистов Володи Зачупейко и Матвея Андреева, бывшие партизаны, имевшие опыт боевых действий в глубоких тылах противника на Украине и в Белоруссии.

После определенной подготовки в октябре 1944 года мы поездом через Львов и Перемышль прибыли в Польшу, откуда нас самолетом должны были переправить к месту назначения.

24 октября 1944 года вечером мы были на аэродроме. Получили парашюты, подогнали ремни, укрепили надежнее вещмешки, радиостанцию, медикаменты, еще раз все проверили. Сопровождающий захлопнул дверь, взревели моторы. Остался внизу темный, без единого огонька, польский город Жешув. Мы летели в неведомые нам места.

К несчастью, самолет сбился с курса, и мы десантировались на много километров в стороне от намеченного места. К тому же во время высадки допустили оплошность: при первом развороте выбросились только семь человек, при втором - остальные восемь. Вторая группа приземлилась на расстоянии более десяти километров от первой, а мешки с грузами - и того дальше.

Отлично помню и сейчас все подробности высадки. Ярко светила луна, а под нами - плотные слои тумана. Как только врезались в туман, всякая видимость исчезла. Ощупываю автомат, пистолет, финку. И вдруг неожиданно сбоку из мглы проступают постройки. Село! Вокруг - огороды, кусты. Рвануло, отнесло чуть в сторону и стукнуло о землю. Машинально стараюсь погасить парашют. Вслушиваюсь. Тишина. Подтягиваю к себе купол, скручиваю. Автомат наготове. Слышу чьи-то осторожные шаги.

- Три...

- Восемь, - раздается в ответ. Пароль у нас цифровой - "одиннадцать". Первый должен назвать любое число, а второй ответить числом, чтобы в сумме получилось одиннадцать.

Подошел чем-то сильно раздосадованный Ян Сильный.

- Что с тобой, Янек?

- Потом, Саша.

Видим, прямо на нас движется огромный детина. И без пароля узнали - Миша Шиянов.

Вот он, тыл врага. Тысячи верст от родного дома... Несчастья прямо преследуют нас: при приземлении сломал ногу Виктор Осипов; не явился к месту сбора Ян Гудец.

- Он приземлился недалеко от меня, - тихо докладывает командиру Ян Сильный. - Поздравил и сказал, что уходит домой и чтобы на его поиски зря времени не тратили. (Уже после войны мы узнали, что Гудец живет где-то в Праге. Предательства, кроме дезертирства, он не совершил).

Где мы, кто и что нас окружает? Есть ли поблизости полиция, немецкие гарнизоны? Ян Сильный и Штефан Канька уходят в разведку.

А мы с Лабунским пытаемся оказать помощь Виктору Осипову. Дело плохо, опухоль растет. Разрезали сапог, кое-как сняли его. Сделали компресс, перетянули ногу.

Когда вернулись ребята из разведки, при свете карманного фонарика определили по карте место высадки. Рядом (это выяснили разведчики) деревня Липице, километрах в трех-четыре на карте обозначен лес. Родной наш дом! Вскоре мы были на его опушке. Остановились отдохнуть, поесть, а главное - поразмыслить.

По существующему у десантников правилу, если на месте приземления не соберется вся группа, местом сбора должен быть пункт, который заранее намечен на карте. Но до него, как мы определили, не менее сотни километров. Сам путь, хотя и неблизкий, нас не страшил, но так быть с Виктором? (Только через день мы устроили

Виктора у надежных людей, а сами ушли. Он впоследствии командовал отрядом имени Сталина). Всю ночь мы не сомкнули глаз.

На рассвете, когда стали отчетливо видны стволы деревьев, мы спустились в ущелье, обильно поросшее кустарником. В ущелье протекал ручей. Выбрали удобное место, решили расположиться на дневку. Четверо - Ян Сильный, Иозеф Кагала, Штефан Канька и я - пошли осмотреть лес и долину. Не партизанский это был лес! В отличие от лесов Белоруссии здесь было чисто, вся территория просматривалась на большое расстояние.

Часа через два в долине появился человек, он был чем-то сильно озабочен и не сразу заметил нас. Оказалось, что он из соседнего села, ищет пропавшую корову. Он рассказал, что поблизости больших немецких гарнизонов нет. Имеются кое-где четницкие станицы, то есть полицейские участки. Мы распрощались с ним. Было ясно, что крестьянин далек от каких-либо связей с немцами.

И все-таки высадка наша не прошла незамеченной. Властям стало известно, что в данном районе ночью кружил советский транспортный самолет. Местные гарнизоны вместе с полицией были посланы на прочесывание лесов. Часа в четыре дня вдаль с южной и восточной сторон послышались крики, знакомые по партизанской войне на Украине. Сомнений не было - это каратели редкой цепью с автоматами наперевес спускались с противоположной горы.

Расстояние между нашей группой и немцами было не более трехсот метров. Нас разделял только глубокий овраг. Принять бой мы не могли: место для этого совсем неподходящее, да к тому же заводить перестрелку без надобности не имело смысла. Мы отошли ближе к селу и замаскировались в густых елочных посадках.

На наше счастье, фашисты, подойдя к ручью, стали искать брод, потом освежили лица, напились и стали, не спеша, подниматься вверх. Нам все это было на руку. Затаившись в густом ельнике, мы видели, как они направлялись цепью по полю к Липице. А человек двадцать пять-тридцать - по опушке леса, метрах в пятнад-

цати от нас прошли в село Пейшков, около которого мы сидели. Немцы совсем молоденькие, лет по восемнадцать, не нюхали еще пороха. Это нас несколько приободрило. Так прошел наш первый день в оккупированной немцами Чехословакии.

Когда стемнело, мы осторожно вошли в село. Выяснили, что немцы перед заходом солнца укатили в город и поблизости, кроме кустовых жандармерий, состоящих из чехов и словаков, никого нет.

Здесь же мы узнали, что километрах в двенадцати однажды в бою с немцами убиты три парашютиста. Их видели в селе с оружием, и вместе с ними была девушка в очках. Ясно, что это наши, в очках - это Руфа Красавина. Лишь впоследствии мы узнали о судьбе своих дорогих друзей. Вот как это было.

Приземлились они удачно. Укрылись в лесу. Володя Зачупейко развернул радиостанцию, чтобы передать на родину радиограмму о результатах десантирования. Но передать ничего не удалось. Показалась цепь фашистов, прочесывавших местность. Ребята вынуждены были отходить в глубь леса и принимать бой. Иного выхода не было: их семеро, радиостанция с питанием, большой мешок с медикаментами, а немцев - не перечесть. В том бою погибли Даниил Дибдяк, Виктор Рудкай и Ян Новак.

...А мы шли на встречу с ними. Шли по ночам, не зная, что в живых их осталось лишь четверо...

Отряды, подобные нашему, носили название организаторских десантов. Основной задачей отряда было помогать в организации партизанских отрядов из местного населения, устанавливать связь с чешскими борцами против фашизма, прежде всего с подпольными организациями КПЧ, совершать диверсии на железнодорожном и шоссейном транспорте, нарушать связь, проводить акции на заводах и фабриках, работавших на гитлеровцев. Отряд также вел разведку и данные передавал вышестоящему штабу, готовил базы для приема новых десантов. Мы помогали чешским патриотам создавать революционные национальные комитеты.

Отряд в мае насчитывал 192 человека. Мы внесли свой вклад в борьбу против фашизма. Только в апреле-

мае 1945 года бойцами отряда было пущено под откос 8 поездов с живой силой и техникой противника, уничтожено 47 автомашин, взорвано 4 железнодорожных и 2 шоссеиных моста, уничтожено и взято в плен 247 немецких солдат и офицеров. Все эти данные отражены в оперативном отчете отряда штабу партизанского движения при военном совете 4-го Украинского фронта.

* * *

Минуло тридцать лет после войны. Первое мая 1975 года мы встречали в кругу боевых друзей в Чехословакии, в бывшем своем партизанском районе. Были все, кто остался жив: комиссар отряда Иозеф Кагала, пулеметчик Богумил Томан, разведчик Ладислав Швец, помощник командира отряда по хозяйственной части Игнац Газуха и многие другие. Я смотрел на них, постаревших, побелевших, элегантно одетых, а видел тех, еще молодых, в видавших виды гимнастерках и ватниках, с вещмешками, набитыми динамитом и патронами...

Чешские друзья мои не раз бывали в гостях и у нас, в Зауралье, в Кургане, в моей квартире на улице Гоголя...

ПЕТР НАГОРНЫХ

ПАРТИЗАНСКИЙ ПОДРЫВНИК

Петр Дмитриевич Нагорных, 1921 года рождения, в армию призван в 1940 году. Служил на границе с Восточной Пруссией.

Воевал в партизанском отряде. На его боевом счету пять крупных диверсий, 32 подрывные операции на железных дорогах. Участвовал в открытых боях с фашистами. По характеристике командира партизанской бригады майора Морозова он был "смелым, дисциплинированным бойцом".

В школе я был отличником, активистом, участвовал в художественной самодеятельности, занимался охотой и рыбалкой. Набрал медали ордена десятого класса.

Анатолий СОФРОНОВ

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы.
И сосны слышали окрест,
Как шли на битву партизаны.
Тропкою тайной меж берез
Спешили дебрями густыми.
И каждый за плечами нес
Винтовку с пулями литыми.
В лесах врагам спасенья нет.
Летят советские гранаты.
И командир кричит им вслед:
"Громи захватчиков, ребята!"
Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы.
И сосны слышали окрест,
Как шли с победой партизаны.

1942 г.

ГАЛИНА ПОЛОЖЕНКО

„Я НИКОГДА НЕ ТЕРЯЛА ОПТИМИЗМА“

Галина Аполлоновна Положенко (Гундарева) родилась в 1924 году в городе Калининичи Полесской (ныне Гомельской) области Белоруссии. В семье было пятеро детей. Жили трудно, но интересно. Перед войной Галина отличницей окончила 9-й класс, вступила в комсомол.

Разразилась война, и Галина после неудавшейся эвакуации оказалась на оккупированной территории. Была связной, воевала в партизанском отряде до освобождения Белоруссии Советской Армией в 1944 году.

Окончила в 1949 году биологический факультет Белорусского государственного университета. Работала на Минском заводе медицинских препаратов, на Курганском комбинате „Синтез“, преподавала в пединституте. На пенсию вышла в 1980 году.

В школе я была отличницей, активисткой, участвовала в художественной самодеятельности, помогала отстающим в учебе. Избрали меня комсоргом девятого класса.

Когда началась война, я и моя старшая сестра Аза с двумя детьми пытались уйти из Калинковичей. Нам опасно было оставаться на оккупированной территории. Муж Азы, Станислав Львович Новак, старший лейтенант запаса, организовал группу по вылавливанию немецких диверсантов. Когда же немцы окружили наш город, он с боем вывел из окружения группу, которая соединилась с частями Красной Армии. (Погиб он в 1942 году на Украине). Понятно, что это не могло остаться тайной для немцев. А я боялась угона в Германию...

Мы успели добраться до какой-то деревушки на Брянщине, когда нас настигли немцы. Пришлось возвращаться домой.

Дома серьезно задумалась, как жить дальше, что делать, как спастись от угона на работу в Германию... Мне, как и многим моим сверстникам, помог мой "крестный отец" - фельдшер Отливанчик (забыла его имя и отчество). Он был в составе медицинской отборочной комиссии у немцев и, как мог, "браковал" нас, тем самым спасая от угона в рабство.

Я вместе с другими девушками устроилась разнорабочей на железную дорогу. Мы грузили и разгружали вагоны, подметали пути, следили за чистотой на вокзале. Эту работу устроила нам бывшая десятиклассница Антонина Тыщук, работавшая переводчицей в управлении дороги. А ее отец и брат были агентами гестапо. Одна из одноклассниц, помню, предупредила меня, что Анатолий Тыщук расспрашивал ее обо мне и угрожал: "Пусть дрожит эта комсомольская морда, я до нее доберусь, болтаться ей на виселице".

С наступлением холодов Антонина посоветовала мне проситься на работу горничной у начальника станции. Это был очень вежливый человек, не обижал меня. Поработав у него пару месяцев, я по совету той же Антонины перешла на работу в продуктовый склад. Старшим на складе был пожилой немец, инвалид. Относился он ко мне хорошо, позволял есть, сколько захочу. Только выносить со склада ничего было нельзя. За это наказывали жестоко. Иногда старший сам насыпал в

пульки немного муки, сахара и выносил за ограду. Сунув мне все это, объяснял: неси домой, матери.

Мы с девочками нередко собирались у кого-нибудь дома, разговаривали о том, как помочь армии в борьбе с фашистами. Все больше склонялись к мысли о связи с подпольщиками или партизанами. Но как это сделать, не знали. А тут еще несколько групп подпольщиков были раскрыты, и ребят отправили в Германию. Это было летом сорок второго года.

В конце 1942 года одна из девушек нашей школы, Юлька Круглякова, предложила мне стать связной партизанского отряда. Ее родственники жили в окрестных деревнях, она их навещала и там познакомилась с партизанами. Я согласилась.

Сначала я через нее получила задание собрать сведения о размещении в городе воинских частей, набросать план, где и какие учреждения немцев расположены. Затем мне было поручено вести агитационную работу среди чехов, гарнизон которых располагался в километре от нашего дома. А жили мы на окраине города, рядом были поле и лес.

Весной 1943 года Юлька сообщила мне, что ребята из отряда хотят встретиться со мной лично. В деревне Горочичи, в 13 километрах от Калинковичей, находилась диверсионно-десантная группа Алексея Корнеева. Там я получила задание отравлять продукты на продскладе, где я работала. За пакетиками с ядом надо было ходить самой. Самое сложное при этом было переходить через железнодорожный переезд, на нем всегда торчали часовые. Несколько проще было, когда там дежурили чехи. Они не так строго проверяли, можно было "заговорить им зубы". Но однажды они едва не сдали меня в гестапо.

При очередной встрече командир группы А. Корнеев наказал мне делать все возможное, чтобы увести чехословацкий гарнизон к партизанам. План был такой: на связь с группой Корнеева должны прийти 2-3 проверенных чеха, с ними будет обговорено, когда и как гарнизон может уйти к партизанам. Для того чтобы родственники чехов не подверглись немецким репрессиям, решили поступить так: чехи с оружием на машинах поедут в

лес, якобы на заготовку дров. Их там будут ожидать партизаны. При встрече будет организована стрельба в воздух, чтобы имитировать захват их в партизанский плен.

Все было продумано, подготовлено. Одного не могли предусмотреть, что среди них окажется предатель, который и сообщил все немцам. В последний момент, когда чехи уже садились в машины, немцы окружили их, разоружили и арестовали. Всех увели под конвоем. Бежать удалось лишь нескольким чехам, главным образом тем, кто знал дорогу к партизанам. (Об этом мне рассказал чех Яшка, которого я встретила в одном из партизанских отрядов, будучи уже сама партизанкой).

Спустя несколько дней после провала "чехословацкой операции" я отравила продукты на складе и в столовой и на рассвете 11 июня 1943 года ушла в партизанский отряд. Матери оставила записку, чтобы она меня простила, что по-иному я поступить не могу.

Как потом мне рассказала мать, вскоре в наш дом нагрянули гестаповцы, допрашивали ее, били, чтобы сказала, где дочь. Мать упорно твердила, что не знает, что, возможно, ее увезли с собой чехи (такое иногда случалось с нашими девушками). К счастью, мать до прихода гестаповцев успела спрятать в подвал моих младших сестру и брата. Она осталась жива, но ей отбили легкие. Она заболела скоротечной чахоткой и умерла зимой 1945 года, недожив до победы.

...Вначале я была в диверсионно-десантной группе, а затем в сентябре перешла в отряд им. Ворошилова 99-й бригады Полесского соединения (99-я Калинковичская бригада), так как группа Корнеева возвращалась на Большую землю. В отряд я была зачислена рядовым бойцом. Несла караульную службу, ходила в разведку, в составе группы обстреливала немецкие воинские эшелоны, идущие по дороге Калинковичи - Гомель. По этой железной дороге шло много поездов с живой силой и боевой техникой, и она хорошо охранялась немцами: через каждые несколько сот метров стояли вышки с часовыми и минометами, местность была хорошо при-

стреляна, лес вдоль дороги вырублен. Наша задача заключалась в том, чтобы подобраться поближе, вывести из строя локомотив и как можно дольше задержать немцев. Кто-то стрелял из ПТР по тепловозу, остальные — по вагонам. И быстро уходили, так как сразу же по нам велся прицельный минометный огонь.

Приходилось мне участвовать и в налетах на немецкие гарнизоны в деревнях, на их обозы, участвовать в “рельсовой войне”, ходить в поле за картошкой, хранившейся зимой в буртах рядом с деревней, в которой стояли немцы... Не раз командир отряда объявлял мне перед строем благодарность.

Когда пришли советские войска, наш отряд влился в их состав. И для меня война окончилась первого июля 1944 года. Последнее, что мне было поручено, это увезти в Калинковичи больного тифом бойца Красной Армии, который воевал в нашем отряде еще с весны 1944 года. Это был старший лейтенант Федор Миронович Гринчук.

Повидавшись с матерью и родными, я поехала в Злынку, в штаб партизанского движения, чтобы оформить свои документы. Там мне предложили поработать в штабе по оформлению партизанских документов, и я вместе с ним переехала под Минск.

(В штабе я узнала, что представлена командованием партизанского отряда к ордену Отечественной войны и медали “Партизан Белоруссии”. И хотя позже это подтвердили бывший командир отряда Ф.Г. Ухналев и бывший начальник штаба отряда Пленкин, наград этих я так и не получила. Видимо, представление где-то затеялось).

Работая в штабе партизанского движения, я узнала, что из эвакуации вернулся Белорусский государственный университет и объявляет набор студентов. Я подала документы с просьбой зачислить меня на первый курс биологического факультета. Меня приняли. Так я стала студенткой.

Жили мы в общежитии по 12-15 человек в комнате. Общежитие в первый год почти не отапливалось. Занимались в холодных аудиториях. Лекции писали в перчатках, карандашом, так как чернила замерзали. Ото-

гревались только в читальном зале областной библиотеки, куда после лекций ходили заниматься. Продовольственную карточку сдавали в студенческую столовую, где получали скудный обед. Но, несмотря ни на что, тяга к знаниям была огромная, мы соскучились по учебе. Я училась на "отлично", получала повышенную стипендию. Иногда удавалось выкроить какие-то рубли, купить на рынке ломоть хлеба, в котором было мало муки, а больше картошки, отрубей и еще чего-то. Голодала, конечно. Но оптимизма не теряла. Будучи на втором курсе университета, поступила еще в музыкальное училище, занималась по классу арфы. Иногда приходилось жертвовать обедом в столовой, чтобы не опоздать на занятия музыкой.

Ясно, что истощенный организм не мог выдержать такого напряжения. Начались голодные обмороки, я часто стала болеть. По требованию декана факультета биологии занятия музыкой пришлось оставить.

В 1949 году я окончила университет и по моей просьбе была направлена на работу на Минский завод медицинских препаратов в качестве микробиолога цеховой лаборатории. После месячных курсов повышения квалификации в Москве осваивала новое стрептомициновое производство. Активно занималась комсомольской работой, была членом райкома комсомола.

А потом вышла замуж за офицера, и пришлось делить его военную кочевую судьбу, воспитывать детей (их у меня трое). Была и учительницей, и библиотекарем, и врачом-лаборантом, и заведующей клинической лабораторией. И снова - производство: курганский комбинат "Синтез". Довелось поработать и в пединституте. Вот такая долгая жизнь. На пенсию вышла в 1980 году.

ИВАН ПОПОВ

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЩОРСА

Попов Иван Петрович - участник Великой Отечественной войны, партизан, родился в 1911 году в Кировской области в семье крестьянина. До войны работал в колхозе, леспромхозе.

25 августа 1941 года мобилизован в ряды Красной Армии. Участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

16 февраля 1942 года в бою был ранен и попал в плен. В сентябре 1943 года совершил побег из плена, а в октябре вышел на партизанский отряд им. Ворошилова партизанской бригады им. Щорса. За выполнение боевых заданий награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, восемью медалями.

25 августа 1944 года при выполнении задания был тяжело ранен и после лечения в госпитале демобилизован.

С сентября 1953 года живет в Кургане. До выхода на пенсию в 1967 году работал на заводе "Уралсельмаш" (КЗКТ).

ВЛАДИМИР ПРОКАЗОВ

...И ШЛИ НА БИТВУ ПАРТИЗАНЫ

Проказов Владимир Ильич родился в 1932 году в Курской области. Совсем мальчишкой в ноябре сорок первого года попал в партизанский отряд. Был связным во второй Курской партизанской бригаде под командованием В.И. Ковардаева. Партизанил Владимир Ильич до февраля сорок третьего, когда партизанская бригада вошла в состав Красной Армии, а он был зачислен подносчиком снарядов в одну из батарей.

Во время Орловско-Курской битвы был тяжело ранен. После излечения в госпитале вернулся в родную деревню, дотла сожженную немцами.

После войны окончил училище пищевой промышленности, торговый институт и строительный техникум (заочно). Около сорока лет работал в Курганском облпотребсоюзе.

-Уже в первые дни войны в директивах правительства и ЦК ВКП(б) говорилось о необходимости создания партизанских отрядов на временно оккупированных территориях. В июле начали создаваться подпольные обкомы и райкомы; в труднодоступных местах закладывались базы оружия и продовольствия, создавались партизанские (истребительные) отряды.

У нас в Курской области для этого были выбраны северо-западные районы - Хомутовский, Дмитриевский,

Троснянский, Конотопский и другие. Это места, покрытые обширными лесами, изрезанные балками и оврагами, примыкающие к огромным лесным массивам Брянщины.

Отец мой, Проказов Илья Иванович, с первых дней был зачислен в Троснянский партизанский отряд. Надо сказать, что вначале создавались мелкие отряды, действующие разрозненно. Впоследствии на базе Дмитриевского, Рыльского, Хомутовского, Троснянского, Конотопского, Крупецкого, Рыльского, Глуховского, Михайловского отрядов и групп бойцов, вышедших из окружения, были созданы первая и вторая Курские партизанские бригады. Координировал их действия представитель обкома Петр Васильевич Шубин.

В начале сентября 1941 года немцы подошли вплотную к западным границам Курской области. И вот в один из сентябрьских дней жители моей деревни Ветринки увидели вдалеке на лугу три танкетки и с полсотни солдат с автоматами и гранатами у пояса. На улице быстро собралась толпа, люди с ужасом ждали, что теперь будет.

Немцы подошли к толпе, знаками объяснили, что им надо переправиться через речку Свапу. Им показали брод, и они ушли.

Две недели деревня жила спокойно. Люди работали, заканчивали уборку на колхозных полях, хлеб делили по семьям и прятали, как могли. Только председатель колхоза, председатель сельсовета и несколько комсомольцев ушли из деревни якобы на заработки. Позднее выяснилось, что все они подались в партизаны.

В начале октября в деревню приехал офицер с переводчиком и десятком автоматчиков. Сигналили всех нас на площадь возле школы. Офицер держал речь: "Господа колхозники, сегодня нам надо выбрать старосту. Он будет представлять новую власть великой Германии..." Выбрали Ивана Попрядухина, человека умного, сердечного. И не ошиблись. Когда началась мобилизация молодежи на работы в Германию, дядя Ваня, получив в Тросне разнарядку, вечером обходил сельчан и предупреждал их, чтобы их взрослые дети месяца на два ухо-

дили из дома, прятались или отправлялись к партизанам. Но прослужил он недолго - отказался, сославшись на здоровье.

На его место прислали полицая. Тот служил ревностно, по малейшему подозрению избивал сельчан. А нашей семье угрожал расстрелом за то, что мы "семья партизана". Не знаю, что было бы с нами, если бы ноябрьским вечером к нам не наведались четверо вооруженных мужчин: "Ну, Екатерина Григорьевна, собирай семью, уходим. Стало известно, что завтра вас заберут в гестапо". Через час мы были готовы. Три дня спустя пришли в Михайловские леса, где располагался партизанский отряд, и встретились там с отцом. В те дни он командовал группой партизан, а позже был назначен комиссаром отряда.

Прошло несколько дней, и настала пора прощаться с отцом: нас с матерью должны были переправить в Химельские леса, а оттуда на Большую землю. Но я заявил, что хочу воевать с отцом и никуда не поеду. Мать, конечно, в слезы. И тут вмешался отец: "Пусть остается!" Проводили мы маму и двух моих сестер, а я остался в отряде второй Курской партизанской бригады.

Определили меня в хозяйственную часть. Я ухаживал за лошадьми, чистил картошку, собирал желуди для "кофе", драл лыко на лапти. Кстати, лапти были ходовой обувкой у партизан - легкой, удобной, теплой. С отцом виделся редко.

Но вот как-то в феврале 1942 года отец пришел, забрал меня и увел в штаб. В штабной землянке сидел за столом командир второй бригады Владимир Иванович Ковардаев. Они с отцом сказали мне, что надо сходить в Студенок и Крапивку. В деревне Крапивке, в третьем доме от церкви, живет хозяин, а звать его Иван Андреевич. И что он скажет, хорошенько запомнить. А по дороге примечать в деревнях, какая там техника, много ли немцев...

Дали мне одежонку похуже, котомку: иди проси милостыню. Проводили из отряда до первого села. За шесть дней я побывал в нескольких деревнях, на явочной квартире у Ивана Андреевича и благополучно вернулся. Обо

всем рассказал командиру бригады. Вот так я стал связным в партизанском отряде.

Следующая моя вылазка прошла не так гладко. Ковардаев дал задание сходить в деревню Высокое, узнать, какие там части, есть ли полицейский участок, какая техника. Шел я уже более уверенно, и эта уверенность вышла мне боком. Иду по главной улице, вижу группу полицейских, попытался обойти их, но услышал окрик: "Эй, парень, иди сюда!" Давай меня расспрашивать, кто такой, куда иду, зачем. "Иду в соседнюю деревню к тетке". Обыскали: "Пойдешь с нами в полицейский участок". И тут вмешался один из них, дал мне пинка под зад: "Дуй к своей тетке, да больше не шастай!"

Когда пришел на доклад к командиру, он уже знал, что со мной случилось, из других источников. Получил я тогда хорошее внушение. Вот тогда я сразу как будто повзрослел, понял, что не в игрушки играю и моя бравада может большой бедой обернуться.

С начала 1942 года партизанская бригада начала планомерные стычки с врагом: уничтожать небольшие гарнизоны, полицейские участки, предателей, нарушать линии связи. Под особым вниманием партизан были железные дороги, разгоралась "рельсовая война".

Партизанские отряды были для немцев, как кость в горле. Но и немцы не дремали. В середине марта наше положение заметно ухудшилось. Стычки с немцами происходили все ближе к нашей главной партизанской базе, мы несли серьезные потери. И штаб бригады принял решение не вступать в серьезные бои с превосходящими силами хорошо вооруженного противника, а организованно отходить в северном направлении в дремучие брянские леса, так как в них находились партизаны других соединений, и совместными силами попытаться разгромить карательную группировку немцев. Так оно впоследствии и произошло.

Находясь в этом изнурительном, с боями походе, я приобрел и боевой, и жизненный опыт. Ведь порой только за один бой подростки становились не только взрослыми, но и седыми...

Весной 1942 года ЦШПД (Центральный штаб партизанского движения) рекомендовал Курским бригадам возвратиться в свою область для выполнения диверсионных операций. Наша бригада вернулась в Дмитриевские леса. Немцы и здесь не оставляли нас в покое. Но, надо сказать, это были их мелкие операции, в большинстве случаев силами чехов, болгар, полицейских, которые не горели особым желанием встречаться с нами в лесу.

Как-то в июне командир бригады Ковардаев пригласил меня, Ваню Кононова, Диму Щеглова и Костю (фамилию, к сожалению, забыл). В землянке находился мой отец. Они вдвоем и поставили нам задачу. В селе Верхне-Высоком сосредоточиваются карательные подразделения. Они должны следовать в нашу сторону через речку по небольшому деревянному мосту. Он не охраняется, но хорошо просматривается из села, с полицейского участка. Если его взорвать, немцы "в наказание" могут учинить жестокую расправу над местными жителями. Поэтому нам, подросткам, предложили пойти на "военную хитрость".

Мы взяли бредень и пошли к речке. Разделись и стали ловить рыбу, постепенно приближаясь к мосту. С собой у нас была поперечная пила, которую мы тащили под водой на веревке, привязанной за ногу. Подозрений особых у немцев и полицейских мы не вызывали: ну ловят пацаны рыбу, и пусть ловят.

Подойдя к мосту, мы быстро перепилили наискосок четыре опоры. Потом прошли вверх по течению, смотали бредень, оделись. Поздно вечером вернулись в лагерь.

Позже мы узнали: через несколько часов, как мы ушли от моста, на него въехала машина с карателями и пушкой на прицепе. Внезапно мост повело в сторону, машина и пушка рухнули в воду... Карательная операция была сорвана на несколько дней.

За лето и осень мне много раз приходилось ходить на связь с подпольщиками. Помню, пришел на явку в церковь города Фатежа. Это километрах в сорока от лагеря. Вошел, в церкви молебен идет по случаю какого-то

праздника. Снял кепку, перекрестился, шевелю губами, будто молитву читаю, а сам все ближе к попу подхожу. Приблизился к нему, он глянул и шепчет: "Ты Володя?". "Да", - киваю. "После службы зайди за алтарь". Я так и сделал.

Он достал письмо, распорол мой пиджак у плеча и аккуратно зашил в него письмо. На пятый день я без приключений вернулся в отряд. А в награду получил от командира коробку конфет.

Однако не всегда мои походы проходили благополучно. Как-то в деревне Самоварово я, "нищий", вызвал позрение полицейских. Забрали меня в участок, сначала вежливо так спрашивали, кто да откуда, потом мои "сказки" им надоели и они меня стали бить плеткой и сапогами, пока не потерял сознание. На другой день показали местным жителям для опознания. Но никто не признал меня. Не добившись ничего путного, меня отпустили.

Отлежался я у какой-то бабки и вернулся в отряд. Вид у меня был такой, что меня едва узнали. Отец сильно расстроился.

Перед новым, 1943, годом по старому стилю вызвал меня в штаб командир бригады. Когда я вошел в землянку, он усадил меня, долго расспрашивал, как живется мне в лагере, не надоело ли воевать... А потом говорит: "Крепись, сынок, твой папа, а мой боевой товарищ и друг, пал смертью храбрых..."

...Целую неделю я не мог прийти в себя, а потом стал проситься на задания. Но меня под разными предложениями не пускали, боялись, что при встрече с фашистами могу натворить глупостей.

Шла зима сорок третьего. Части Красной Армии приблизились к нашему партизанскому краю. 15 февраля наша бригада праздновала встречу с частями Красной Армии. Линия фронта надолго стабилизировалась, аж до пятого июля - начала знаменитой Курской битвы. Партизанская бригада влилась в состав действующей армии и заняла оборону близ Поньрей. Я был зачислен в одну из батарей подносчиком снарядов.

14 июля в разгар битвы я был ранен. Очнулся только на другой день: в голове, ушах ужасный шум, все болит, весь забинтован... И снова беспамятство. На третий или четвертый день врач рассказал, что меня ранило в голову, в ступню правой ноги, оборвало три пальца на правой руке... "Ты, парень, в рубашке родился. Если бы осколок, попавший в лоб, вошел чуть глубже, конец тебе..."

В госпитале я узнал, что нахожусь в городе Фатеже, недалеко от мест, где партизанил. Да и моя родная деревня в 35 километрах.

Шестого августа мы, раненые, узнали, что Москва салютовала в честь освобождения Орла, Белгорода, Курска.

Выздоровливая, я задумался о своей дальнейшей жизни. Остался я один: отец погиб, где мать и сестры, живы ли - не знаю. Ведь мы от них никакой весточки не получали с отцом с тех пор, как они ушли из лагеря. И такая тоска напала, жить не хотелось. Мое состояние заметили товарищи по палате, врачи, стали присматривать, чтобы не натворил глупостей.

Приближался день выписки из госпиталя. В середине сентября выдали мне сухой паек на десять дней, и отправился я в родную Ветринку. Подошел к деревне и вижу с пригорка: вместо домов одни только трубы торчат. Подошел к своему бывшему дому, стою на пепелище, плачу. И тут вижу, вдали будто мать идет. Мираж, думаю. Протер глаза - мать! Они лишь несколько дней назад пришли в деревню, живут в полуразрушенном блиндаже в искореженном саду. Радость, слезы, рассказы о гибели отца, о их жизни во время разлуки... Но как бы ни велико было горе, чувство радости брало верх: раз остались живы, переживем все трудности. А их впереди было еще немало.

...Людей в деревне почти не осталось: мужики на фронте, кто эвакуировался и еще не вернулся, кого угнали в Германию... Остались бабы, старики да дети.

Наступала зима 1943-1944 гг., а с нею - холод и голод. Голодной смертью умирали люди. Не обошла беда и нас, похоронили мы бабушку и младшую сестренку. А как выжили остальные члены семьи, знает только бог.

Весной колхозу и населению выделили кое-какие семена для посева. Поля и огороды копали вручную. Норма в колхозе была такая: на взрослого - 6 соток в день, на подростка - 3 сотки. Вскопать, заборонить и посеять. А ведь надо было еще и на своем огороде работать. Этот адский труд усугублялся еще и тем, что в земле оставалось много мин, снарядов. Смерть подстерегала на каждом шагу.

В августе в нашей деревне произошло радостное событие - пришла правительственная помощь колхозу: четыре пары волов, 12 коров, три лошади, плуги и другой сельхозинвентарь. Населению раздали кое-какую одежду, обувь, жиры, мыло, соль... Мы воспрянули духом.

С осени начали работать школы в округе, улучшалось снабжение населения предметами первой необходимости - керосином, спичками, мылом, солью... Постепенно жизнь налаживалась.

Летом сорок восьмого в нашу Ветринку заглянул "вербовщик", искал желающих поступить в Чкаловское училище пищевой промышленности. Мать посоветовала мне: "Иди учись, сынок, все ближе к хлебу. Даст бог, выживешь..."

МАРИЯ СЕРГЕЕВА

ПСКОВИТЯНКА

Сергеева Мария Ивановна родилась в 1923 году в деревне Киселево Опочецкого района Псковской области. Во время оккупации ее родных мест боролась с немецко-фашистскими захватчиками в партизанском отряде.

После войны приехала в Курган. Работала в городской больнице, на 5-м энергоучастке.

До войны я успела окончить два курса Опочецкого медицинского училища.

Началась война. Не прошло и месяца, как наш район 12 июля заняли немцы. Началась совсем другая жизнь. Молодых людей, способных работать, насильно увозили в Германию. Дошла очередь и до меня. Я под разными предложениями отказывалась. В наказание была отправлена на торфоразработки. Работа эта сама по себе очень тяжелая, в болотах, в грязи и воде. А к тому же, понятно, никто не заботился ни о нашем питании, ни об одежде. Наказывали за малейшую провинность. Хоть умри, а норму выдай. А норма была прямо-таки непосильная. Но делали, под страхом делали.

Вскоре поползли слухи о партизанах. Нашлись среди них и мои знакомые. Они-то и свели меня с руководством третьей Калининской партизанской бригады.

Вскоре я получила первое задание. Выполнила его. Это было своего рода проверкой. После этого я стала

партизанской связной и разведчицей. В мои обязанности входило собирать данные о вооружении и передвижениях немецких войск, об устройстве оборонительных сооружений, о количестве солдат и полицейских в гарнизонах и быстро доставлять эти данные в бригаду.

Когда нашу местность армия освободила от немцев, моя партизанская жизнь закончилась. А потом так получилось, что я, псковитянка, в 1949 году приехала в Курган, да так и прожила здесь всю жизнь.

БОРИС ТОМСКИЙ

ПАРТИЗАНСКИЕ ПУТИ-ДОРОГИ

Томский Борис Александрович родился в 1922 году в Белоруссии, в поселке Западная Двина. До войны работал бракером леса на Иковском мехлесопункте. В армию призван в 1940 году. Служил на Дальнем Востоке. Войну встретил в Западной Украине командиром танка. Был ранен. Попал в плен. Бежал.

Воевал в составе партизанского соединения С. А. Ковпака...

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями "За боевые заслуги", "За отвагу", "Партизану Отечественной войны", "За победу над Германией" и другими.

Из армии демобилизован в 1944 году. Окончил Свердловский строительный техникум. Работал на разных должностях в строительных организациях.

Наш 363-й отдельный танковый батальон стоял на берегу Амура. Вокруг сопки, болота. Жизнь шла обычная: учения - теория, практика, строевые занятия...

В апреле 1941 года все резко изменилось: наш батальон перебросили в Западную Украину. Он был преобразован в 37-ю танковую дивизию. Разместилась она под городом Кременцом. Жили мы в палаточном городке, ожидая прибытия материальной части. Но ее мы так и не дождались.

Началась война. Часть была кое-как укомплектована танками и брошена в бой. Приходилось отступать под натиском противника. Короткие стычки. И снова отступление.

Ожесточенные бои за г. Проскуров. При разведке боем мой танк подорвался на mine. Я был тяжело ранен. Очнулся в повозке рядом с другими ранеными. Слышу рядом крики на непонятном языке. С трудом повернулся, огляделся и понял, что попал в плен.

...Нас везли долго. И все время не покидала мысль о победе. Только бы раны немного подзажили. Где-то через месяц нам, небольшой группе таких же, как я, удалось бежать. Двоих убили при побеге. Через день мы наткнулись на разъезд и рассыпались в разные стороны.

Меня приютила одна украинская семья, которая и выходила меня. Прожил я там до весны и стал пробираться к своим.

Около местечка Чудно вышел неожиданно на немецкий обоз и снова попал в плен. Охранял обоз и меня мадьяр. Воспользовавшись его неповоротливостью, мне удалось бежать. Снова блуждание по занятой немцами земле. У Изяславля вышел к реке. Вплавь переправиться - ноги еще не зажили, не переплыть. Была не была, направился к мосту. Его охраняли два немецких автоматчика. Они остановили меня и отправили в комендатуру. Дорога туда шла через базар. Кругом народу много. Воспользовавшись этим, я снова бежал...

Я понял, что дойти до своих вряд ли смогу. Стал искать партизан. Но конспирация у них, видно, была хорошая, и мне выйти на них не удавалось.

Наконец в Житомирской области встретился со связными партизан. Они помогли выйти на подпольщиков. Это было в июле сорок второго. С этого времени я стал работать по заданиям подпольщиков города Ямполья. Распространял листовки, добывал, как мог, оружие, боеприпасы, травил стрихнином хлеб, подготовленный для отправки в Германию. А стрихнин я добывал в аптеке, куда устроился работать конюхом. Так продолжалось до июля 1942 года, пока немцы не стали подозревать меня в связи с подпольем. Снова пришлось бежать. К счастью, встретил один из партизанских отрядов "деда". Так звали партизаны прославленного командира соединения Сидора Артемьевича Ковпака.

ИЗ СПРАВКИ, подписанной С. А. Ковпаком:

“Дана Томскому Б. А. в том, что он действительно был в соединении Ковпака, в 6 роте на должности командира разведзвезда. За время своего пребывания с группой партизан взорвал три железнодорожных моста на линии Шепетовка-Тарнополь”.

ИЗ СПРАВКИ:

“В отряде Ковпака тов. Томский летом 1943 года сделал осевой рейд из района Тарнополь-Карпаты-Городница Житомирской области. Во время рейда участвовал 28 раз в боях с немцами и националистами...”

Командир п/соединения лейтенант СНЕЖИНСКИЙ.
Политрук соединения ст. политрук БУГАЕНКО.
18 мая 1944 года”.

В сентябре 1943 года при переходе железной дороги Шепетовка-Славута я был ранен. Подобрали меня и спасли диверсанты партизанского соединения Олексенко.

ИЗ СПРАВКИ:

“Удостоверение выдано тов. Томскому Борису в том, что он действительно является заместителем по разведке командира партизанского отряда им. Калинина соединения партизанских отрядов Каменец-Подольской области под командованием депутата Верховного Совета СССР тов. Олексенко.

Просьба к частям Красной Армии не препятствовать в выполнении поставленной командованием соединения задачи и оказывать всемерное содействие.

Командир соединения п/о
Кам.-Под. обл. депутат
Верховного Совета СССР ОЛЕКСЕНКО.
Комиссар соединения майор ЛАГУТА.
Начальник штаба соединения
лейтенант ЛОКТЕВ.
2.3.44 г.”

Позже пришлось партизанить в том же отряде им. Калинина, но уже под командованием командира соединения А. Снежинского. Я состоял у него в должности адъютанта. Правда, это в самом конце, а так воевал бойцом, командиром взвода, начальником особого отдела отряда.

18 мая 1944 года партизанский отряд соединился с частями Красной Армии и был расформирован. Получил я 20 мая справку Украинского штаба партизанского движения за номером 6879, где сказано, что я партизанил и был отправлен в тыл, в распоряжение Курганского обкома ВКП(б).

На прощание Снежинский выдал мне характеристику с лестным для меня отзывом:

“...Все обязанности тов. Томский выполняет честно и добросовестно. Дисциплинированный, отважный, боевой командир. Представлен к правительственной награде. Ранее награжден медалью “Партизану Отечественной войны”. Предан партии Ленина-Сталина и Советской Родине”.

Вот так и закончилась моя военная и партизанская жизнь. Теперь предстояло учиться, работать на гражданке. Так получилось, что я всю жизнь после войны проработал в строительстве.

ИВАН ФРАНЦКЕВИЧ

ТАКОЙ ДОЛГИЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ

Францкевич Иван Иванович, 1917 года рождения, был призван в армию в апреле 1941 года. Служил в 506-м стройбате на сооружении аэродрома в Пинской области. В числе первых вступил в войну. Отступал. Оказавшись на оккупированной немцами территории, вступил в партизанский отряд.

После соединения отряда с регулярными войсками - снова в армии. С боями прошел путь от Вислы до Франкфурта-на-Одере.

Демобилизовавшись в декабре 1945 года, служил в ЧК по ликвидации банд. И только в 1949 году сдал оружие, занялся мирным трудом.

- До 1939 года я жил в Западной Белоруссии, входившей в состав панской Польши. Того, что пришлось натерпеться от панов, не высказать. И когда на рассвете 17 сентября пришли советские пограничники, я сразу же изъявил желание помогать им. Активно работал по установлению Советской власти на освобожденной территории, за что не раз получал благодарности от командиров.

В 1941 году, в апреле, пришла пора служить в армии. Попал я в 506-й стройбат. Строили мы аэродром возле города Лунинец Пинской области (это в 8 километрах от моего дома).

22 июня на расположение нашей части упали первые бомбы. В течение 6 дней нас бомбили, но нечасто, и мы

продолжали бить щебень для аэродрома. Но, видно, немцы пронюхали про строящийся аэродром и на седьмой день навалились на нас. Все эти дни мимо шли и шли войска из-под Бреста. И вот и мы вынуждены были двинуться на восток.

Порядка в войсках не было никакого, все смешалось-перемешалось. Помню, командир роты послал меня в хозвзвод сказать, чтобы скорее догоняли батальон. А старшина хозвзвода арестовал меня, обезоружил, и только чудом мне удалось убежать. Доложил командиру роты, что старшина повел хозвзвод на... запад.

Дня два мы отступали более-менее организованно, а потом всякая связь с командованием потерялась, начальства никакого не стало. Спасайся кто как может. Дом мой остался позади, я прошел всего в 30 километрах от него. Прошел слух, что немцы уже на Днепре. К своим не прорваться. Товарищи советовали сдаться в плен, но, видя, как зверствуют немцы, я не согласился. Дома жена беременная, вся родня... Если узнают, что я бывший активист, всех их кончат. Думал-думал и решил: будь что будет, дойду до дома, хоть попрощаюсь. Примерно через месяц я тайком добрался до дома.

Туго приходилось мне вплоть до 1942 года, когда появились партизанские отряды. В мае 1942 года меня опознали в другом районе, схватили, долго били, а потом увезли за 22 километра, в Пузичи, чтобы повесить. Привезли меня уже затемно, и я всю ночь смотрел на болтавшиеся на виселице три петли. Утром меня выручил какой-то красивый немецкий офицер. Немец ли это был или переодетый партизан, не знаю. Больше я его не встречал. Но немцы его долго искали.

Свирепствовали немцы здорово. Во время облавы побили много народа, сожгли десятки деревушек и хуторов. В моей деревне из 64 дворов осталось 22.

Но после той облавы партизаны прочно взяли власть, сделали аэродром.

Я уже был бойцом первого конного взвода второй роты отряда им. Чапаева бригады им. Ленина партизанского соединения Героя Советского Союза генерал-майора Василия Коржа. Моя семья была при отряде. Несколько раз нападали на нас каратели, но безуспеш-

но. Только в январе 1944 года мы уложили более 80 пьяных власовцев. До самого прихода Красной Армии власть была партизанская.

И вот я снова в армии, снова на фронте. Прошел от Сандомирского плацдарма до Франкфурта-на-Одере в составе 66-го отдельного батальона 69-й армии Первого Белорусского фронта.

В декабре 1945 года демобилизовался. Но с оружием не пришлось расстаться: долго еще с чекистами участвовал в ликвидации банд у себя на родине.

В 1949 году сдал оружие и с семьей (а у нас уже было пятеро детей) уехал в Курганскую область. Здесь с женой нажили еще пятерых детей. Все выучились, у всех есть хорошие профессии, квартиры. И все это дала мне советская власть, за которую я боролся с 1939 года.

ПОЛЕ СЛАВЫ

На поле славы не найдешь павших,
 Не обнеси здесь никогда стены
 Ни цоком стены неосвоенной,
 Ни стеной неодолимой,
 Ни стеной неодолимой,
 Ни стеной неодолимой,

**ВСЕ
 ДЛЯ ФРОНТА**

Какая дружба не равняется той,
 И как бы для меня с нашими страна
 Давшим бой непобедимой сурьбы,
 Сидящие в ней - неслучайно с тобой,
 Близки неслучайно - доказавши себе,
 А где-то там, где бьются, неслучайно,
 Где неслучайно шит расшитый в шурт,
 По-прежнему хлебу водамой,
 Бойцы дивизию и дивизию поют,
 Кружится слава дивизию дивизию,
 А трюк войны - не мажорский трюк,
 Не на ступеньке, не восторгом славы,
 Как полагать и восторгом славы,
 Как полагать и восторгом славы,
 Как полагать и восторгом славы,
 На ступеньке, не восторгом славы,
 Где в бой войны, не восторгом славы,
 Расшитый хлеб, не восторгом славы?

Константин МАРТОВСКИЙ

ПОЛЕ СЛАВЫ

На этом поле не найдешь патрона,
Пробитой каски, ржавого штыка.
Но здесь стояла насмерть оборона
Четыре года долгих, как века.
Четыре года!
Не свистели пули,
Не лезли танки на стену стена,
Но здесь трудились, спин не разогнули,
Пока весь мир корежила война.
Смотрело небо холодно и черство.
Сушило ветром тощие пласты.
О, женское великое упорство,
Каких преград не одолеешь ты!
И ведь без мала с голыми руками
Давали бой неласковой судьбе...
Сдавали кони - маялись с быками,
Быкам невмочь - пахали на себе.
А где-то там, где фронт, передовая,
Где каждый шаг рассчитан и упруг,
Почет особый хлебу воздавая,
Бойцы дивились мужеству подруг.
Кружилась в небе дьявольская "рама",
А гром войны - не майская гроза.
Но не отступишь, не потерпишь срама:
Как после взглянешь в женские глаза?
Как после взглянешь на родное поле,
На тот подзол, на тощие пески,
Где в дни войны, натужившись до боли,
Растили хлеб, невзгодам вопреки?

ВЕРА АРХИПОВА

КСТАТИ МАРТОВСКИИ

ФАБРИКА БЫЛА И ДОМОМ, И СЕМЬЕЙ

Архипова Вера Ивановна родилась в 1925 году. Во время войны, оставшись с двумя младшими сестрами, 16-летней девочкой пришла работать на трикотажную фабрику имени Н.К. Крупской. И всю жизнь проработала на этом предприятии.

В послевоенные годы была мастером производственного обучения, начальником смены.

Вера Ивановна всегда была человеком активной жизненной позиции: дважды избиралась депутатом Курганского городского Совета депутатов трудящихся, вела на фабрике большую воспитательную работу с молодежью, возглавляла со-

вет наставников, была членом фабричного комитета профсоюза.

Ныне она является председателем территориального совета ветеранов № 3 г. Кургана.

После окончания семи классов я поступила в бухгалтерско-экономический техникум. Очень хотелось учиться, получить специальность. Наверное, все так и было бы, если бы не война.

Ушел на фронт отец, а мама моя умерла еще в 1932 году. Осталась я с двумя младшими сестренками на руках. Надо было как-то жить. Пришлось бросить техникум и думать о работе.

В то время к нам в город была эвакуирована трикотажная фабрика из Одессы. И вот 31 января 1942 года пришла я на эту фабрику. Было мне тогда шестнадцать лет. На возраст особо не смотрели, не одна я такая была.

Размещалась фабрика по улице Береговой, было два цеха - вязальный и швейный. Сначала шили вручную, но в марте сорок второго подвели электричество. Я быстро освоила несколько профессий: швей-мотористки, оверловщицы, бортовщицы и другие...

Сказать, что работать было трудно, значит, ничего не сказать. В цехе был страшный холод; печка из железной бочки, установленная посреди помещения, мало помогала. Работали в телогрейках, мерзли пальцы рук. Трудились в две смены по 12 часов, без выходных, без отпусков. Бывало, встанешь из-за рабочего места, а голова кружится от голода. Пределом мечты было поесть ржаного хлеба с солью.

Картошка дома кончилась. Мы ходили на свалку мясокомбината, собирали всякие обрезки, мыли, варили и ели. Казалось, ничего нет вкуснее, чем лепешки из мороженой картошки, которую собирали по весне. Да что там, одним словом, голодали.

И вот что интересно, на работе не ныли, не плакались на судьбу, может, потому, что видели: всем трудно. И норму выполняли на 150-200 процентов. Тогда лозунги были: "Все для фронта, все для победы!", "Быть в труде, как в бою". И хотя нам было по 15-16 лет, мы их серьезно воспринимали. Не беда, что старший мастер называл нас "детским садом". Мы выполняли специальный заказ - обеспечивали солдат бельем, вязали свитеры, вязали и обшивали обмотки...

Как правило, с окончанием рабочей смены наш трудовой день не заканчивался. Где мы только не работали! Голодные, полураздетые в 30-градусный мороз шли на вокзал разгружать вагоны с углем или на строительство железнодорожной ТЭЦ. Именно шли, пешком шли, автобусов-то в то время не было. Таскали на носилках песок, щебень, кирпич...

Сырье на фабрику часто приходило с перебоями. Но мы не бездельничали: нас посылали работать на "Кургансельмаш". Я, например, работала там приемщицей

на калибровке мин. Смена - с 8 вечера до 8 утра - казалась в холодном цехе вечностью. Занимались и лесозаготовками - ездили в Кособродск на погрузку леса. Бревна длинные, тяжелые, и мы, девочки, должны их грузить на платформы. Однажды зимой нас не смогли посадить в вагоны, и мы в мороз ехали до Кособродска на открытых платформах. Мы околели, обморозились. Плакали, боялись, что совсем замерзнем. Приехали в Кособродск вечером, согреться нигде, на вокзале холодина. Так и коротали ночь. А утром - на погрузку бревен...

Был у нас и подшефный госпиталь. Мы ходили к раненым бойцам, писали письма, штопали белье. А то и концерты устраивали...

Так и жили, и работали, пока не пришла Победа.

В сорок восьмом меня направили от фабрики в Москву на учебу. Вернувшись, я стала инструктором производственного обучения, а затем начальником смены. Моя смена хорошая была, передовая, план всегда перевыполняла. В 1953 году меня делегировали в Москву, на съезд работников легкой промышленности. Довелось побывать и на съезде научно-технического общества в Москве.

В 1963 году вступила в партию и до сего дня остаюсь коммунистом.

На фабрике я проработала 40 лет и 4 месяца. У меня в трудовой книжке всего одна печать. Словом, жизнь прожила с фабрикой и на фабрике. А теперь вот фабрика банкрот, и мы, ветераны, оказались "ничейные". Правда, теперь у нас есть территориальный совет ветеранов № 3, который я возглавляю. Вот прошло отчетно-выборное собрание, и наши ветераны дали совету отличную оценку. Значит, мы еще нужны людям, кое-что делаем для них и ради них.

ТИМОФЕЙ АНТОНОВ

ШЛИ НА ФРОНТ ПОЕЗДА...

Антонов Тимофей Наумович родился 7 января 1905 года в с. Ново-Троицком Мокроусовского района Курганской области. 30 лет проработал на железнодорожном транспорте - кочегаром, помощником машиниста, машинистом паровоза. Почти 10 лет - на станции Зима Иркутской области, а с мая 1941 г. и до выхода на пенсию - машинистом в депо Курган. Всю войну водил поезда.

Награжден медалью "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

Родился я в деревне, а всю жизнь проработал на паровозе. Так уж получилось. Мне было 23 года, когда я, деревенский парень, послушался своего отца и без его благословения уехал из деревни. Посадил на телегу жену и маленькую дочку и уехал. В Иркутскую область, подальше от отца. И вот там связал свою жизнь с железной дорогой. Поработал немножко кочегаром на паровозе, помощником машиниста, а потом выучился на машиниста.

Поднабрался опыта и решил вернуться в родные места. В мае 1941 года был уже в Кургане, устроился в депо, опять же на паровоз. А в июне ко мне перебралась семья, в которой уже было две дочки. Жить бы да радоваться, но через несколько дней началась война. Многих железнодорожников призвали на фронт.

Все, кто остался по брони, работали, не считаясь со временем. Но все равно много паровозов стояло, некому было водить составы. И вскоре (говорят, по распоряжению Сталина) многих железнодорожников вернули с фронта и посадили на паровозы.

Помню, на вагонах поездов, которые мы водили, были плакаты "Без тыла - не фронт!" Что и говорить, война есть война, там кровь, смерть... В тылу, конечно, не грохотали орудия, но лиха и здесь хватало. Тыл тоже проверял людей на прочность, проверял непосильным трудом. Тяжело было мужикам, а каково женщинам, что работали кочегарами?..

Как-то прислали к нам на паровоз двух девушек. Одну звали Вера, другую Таисья, лет по 19-20 им было. Бывало, чуть не падали от усталости, подавая уголь в топку. Жалели мы их, помогали, но лиха они хватили сполна.

Составы водили разные - воинские, грузовые, пассажирские. Самая большая беда была в том, что железная дорога не справлялась с огромным потоком грузов, эшелонов, поезда часто и подолгу стояли в пути.

Как-то наша паровозная бригада приняла поезд в Кургане. Доехали до Шумихи, а там получили распоряжение следовать дальше, до Челябинска. И где-то за Шумихой загорелся красный светофор. Остановились. Всю ночь простояли. А мороз был трескучий. Спецовки на нас застыли, колом стоят. Согревались как могли. Помощник мой, Алексей Чумаков, шутник был большой, чего только ни придумывал, чтобы рассмешить, заставить двигаться нас с Геннадием Грабенко, кочегаром. Сначала помогало, а потом у него от холода язык перестал ворочаться. Трое суток стояли... Как мы тогда не околели, не знаю. Но дальше вести состав мы не могли, прислали из Челябинска паровоз с новой бригадой, прицепили впереди нашего и поехали.

Водили мы и тяжеловесные поезда. Не каждый на это решался, нелегко было тащить тяжеловес, да еще инструкцией многое запрещалось, попробуй, нарушь.

Так вот, вела наша бригада однажды такой состав. В пути загорелась вагонная букса. Мастер (специалист по

буксам) сорвал стоп-кран, остановились. Он быстро все наладил. Это случилось где-то около Юрахлов, там подъемчик такой. Думаю, что же дальше делать? По инструкции надо расцеплять состав и частями вывозить на станцию. А у нас "на хвосте" уже появился поезд, идущий следом. Если таскать частями, то сколько еще поездов задержим? И я на свой страх и риск решил не "рвать" состав, а взять его сразу весь. В той поездке был с нами инструктор А.М. Утюмов, наш знатный машинист. Он не стал вмешиваться в мои действия. И я "взял" полный состав, привел его в Юрахлы.

А на другой день на планерке начальство устроило мне разгон: нарушил инструкцию... И тогда Александр Михайлович Утюмов вмешался, спасибо ему. Что, мол, вы делаете, машинист действовал решительно, в результате поезда пошли без задержки...

В войну на транспорте не раз приходилось рисковать, но рисковать с умом. Поэтому не раз получал так называемые наркомовские - это премия за безаварийную работу в течение года. Такую премию я получал в сорок втором, сорок третьем и сорок четвертом годах. А еще были премии за экономию топлива, за скоростное вождение поездов.

После тяжелой болезни в 1957 году до пенсии дорабатывал уже на маневровых паровозах. А потом еще несколько лет работал в котельных. На отдых ушел почти в 80 лет. Сейчас мне 94 года, и я рад, что дожил до славного праздника - 55-летия Победы.

ПЕТР БЕЗРОДНЫХ

ДОРОГА ЖЕЛЕЗНАЯ, А ЛЮДИ СТАЛЬНЫЕ

Безродных Петр Антонович родился в 1926 году. Окончив в начале войны железнодорожное училище, подростком работал в депо Курган на ремонте паровозов. После войны стал сначала кочегаром, а затем машинистом паровоза. С 1957 года и до выхода на пенсию водил электропоезда.

За самоотверженный труд во время войны имеет благодарность Наркомата путей сообщения и медаль "За доблестный труд в Великой Отечественной войне".

В 1941-42 годах я учился в железнодорожном училище № 1 на помощника машиниста паровоза. Это было тяжелое время. Особенно трудно было зимой: стояли страшные морозы, а мы ходили в депо на практику в фуфаечках и брезентовых ботинках на деревянной подошве - колодках. Но не жаловались, не ныли, понимали, что война идет, что на фронте еще тяжелей.

Выпустили из училища нас в 1943 году и направили на работу в депо Курган. А так как были мы еще несовершеннолетними, то определили нас слесарями по ремонту паровозов.

На работе было правило: пока не закончишь ремонт узла, не уйдешь из цеха. По 16-18 часов в сутки трудились. Норму выполняли на 200 и более процентов. Конечно же, недоедали, недосыпали. Другой раз проглотить свой скудный обед, пристроиться на минутку у теплой батареи, чуть вздремнешь - и снова за дело. До окончания войны не было ни отпусков, ни выходных. Сейчас вспоминаю все это, и не верится, что с нами это было, что это мы, по сути дела мальчишки, могли это выдержать. А ведь выдержали!

В это время я был уже комсомольцем. И на самые трудные участки, на прорыв, как тогда говорили, посылали нас. Бывало, работаем в загазованном цехе, с керосиновой лампой, закончим работу, выйдем на свежий воздух и чуть не падаем, голова кружится....

В 1944 году вызывает меня начальник депо в кабинет и говорит, что у нас, мол, не хватает технического персонала, переводим тебя техником по ремонту колесных пар. Я отвечаю, что у меня нет технического образования, не справлюсь. А он говорит, ничего, поможем.

Через месяц я уже работал самостоятельно, хотя давалось это нелегко. Бывало, чтобы освоить новое дело, сутками не уходил из депо: посплю несколько часов на лавке в кабинете бригадира - и опять за работу.

В сорок пятом меня перевели техником на подъемный ремонт паровозов. А тут и война закончилась.

Всю войну я добивался, чтобы меня отпустили на паровоз кочегаром, но начальник депо всегда отказывал: кочегаров, мол, мы всегда найдем, а вот техников пока нет. Хотя какой я техник - всего 7 классов. Наконец, когда закончилась война, я добился своего - стал кочегаром на паровозе. Через восемь месяцев уже ездил помощником машиниста, а позже - машинистом паровоза. В 1957 году пересел на электровоз машинистом, да так и проработал до пенсии.

Оглядываясь на пережитое, одного только хочу - чтобы молодежи не довелось испытать того, что выпало на долю нашего поколения.

ЛЕОНИД ГРИНЕВ

И ПОДРОСТКИ РАБОТАЛИ НА ПОБЕДУ

В 1944 году, окончив 5 классов, пришел Леонид Иванович Гринев в локомотивное депо Курган учеником токаря. Работал с такими же подростками 13-14 лет на ремонте колесных пар.

После войны окончил ЖУ-1, трудился кочегаром, машинистом паровоза, позже стал водить электропоезда. В локомотивном депо проработал в общей сложности 43 года.

ВЕРА КАНДАЛОВА

И ДЕНЬГИ, И СЛЕЗЫ

Кандалова Вера Михайловна родилась в 1924 году в селе Звериноголовском. Во время войны работала налоговым инспектором райфо. Большая война требовала больших средств, и налоговая служба играла важную роль в пополнении государственной казны. Но собрать налоги с обескровленного войной, обнищавшего населения было делом непростым.

Часто случалось и так, что женщины, поплакав о судьбе своей вместе с налоговым агентом или инспектором, несли последние копейки, отрывая их у полуголодных детей, проклиная войну и фашистов. И это тоже одна из трагических и героических страниц в летописи Великой Отечественной.

В 1941 году я по ходатайству заведующего Звериноголовским райфинотделом была отпущена из колхоза и поехала в Челябинск на курсы налоговых инспекторов. После окончания курсов работала сначала участковым инспектором, а с 1942 года - старшим налоговым инспектором. В каждом сельсовете работали еще налоговые агенты - такие же девчонки, как и я.

За мной была закреплена лошаденка, на которой я ездила по району, собирала деньги от агентов, а вечером (а то и ночью) сдавала их в Госбанк. Правда, после образования области в феврале 1943 года налоговые агенты стали сдавать деньги на почту. Работать приходилось по 12 и более часов в сутки. Питались мы очень плохо. На карточку, которую я получала в райфо, мне полагалось 200 г колючего овсяного хлеба. Летом выручала разная трава...

Бывало, стою я в деревне перед женщинами, голодная, замерзшая, на мне юбка из половички, бурки, шитые из маминой юбки, литые калоши. Прошу их уплатить сельхозналог или военный заем, они плачут, и я

плачу. И вот какая-нибудь из них говорит: “Бабоньки, кого с такого-то инспектора возьмешь, давайте поскребем, принесем деньги-то, а ребятишки уж как-нибудь на болтушке да картошке проживут”. И смотрю, несут ведь, последние копейки несут. Легко ли было брать их?..

А уж страху с этими деньгами пришлось натерпеться! Помню, еду я зимним вечером из подшефного Островского сельсовета на своей лошаденке, везу деньги в банк сдавать. И вдруг вижу, впереди на дороге два мужика стоят - не обойти - не объехать. Ну, думаю, дезертиры, заберут деньги. Дрожу вся, плачу. И тут слышу сзади колокольчик - наш председатель райисполкома едет. Так и сопровождал меня до самого Госбанка. А наутро я с перепугу заболела...

В другой раз по дороге из Озернинского сельсовета волков встретила. Зима, ночь, а на дороге волки. Остановилась, стучу кнутовищем о кошевку, а волки ни с места. Ладно, догнал меня комсомольский обоз - везли дрова на быках. Разогнали парни волков...

Да что там, всякое случалось, трудно было, вот только “зачетов” разных, “бартеров” не знали - все “живыми” деньгами платили. А в 1946 году я получила медаль “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”.

ЯКОВ КОНДРАХИН

ОБЫКНОВЕННАЯ БИОГРАФИЯ В НЕОБЫКНОВЕННОЕ ВРЕМЯ

Кондрахин Яков Васильевич прошел трудовой путь от тракториста до председателя исполкома районного Совета депутатов трудящихся. Как руководитель он сформировался в трудные годы войны, проявив лучшие черты своего характера - целеустремленность, волю, глубокое знание сельской жизни, любовь и уважение к людям, организаторские способности.

Его заслуги перед Родиной высоко оценены государством - он награжден орденом Ленина.

-Биография у меня самая обыкновенная. Трудиться я начал трактористом на "Фордзоне". Пахал, засеивал, убирал урожай на полях Макушинского совхоза - одного из первых и самых крупных на Урале. Работать было очень интересно. Это и понятно. Механизаторы в то время были в большом почете. О них слагали стихи, пели песни, на них заглядывались девчата. Выучился водить машину, освоил комбайн. Словом, стал, как бы сейчас сказали, механизатором широкого профиля.

Пришло время, и я ушел в армию. Служба моя пришлось на довоенные годы. А когда демобилизовался, приехал в Пищальскую МТС Половинского района, поближе к родителям. Не сняв еще красноармейской формы, сел за руль автомобиля. Работал, как и прежде, в Макушинском совхозе.

Армия в те годы была очень хорошей школой - развивала, учила, воспитывала. Может, поэтому комсомольцы МТС избрали меня своим секретарем. Жить стало еще интереснее. Вашкирское - село большое, молодежи много. Мы часто проводили вечера, организовывали лекции, концерты художественной самодеятельности.

Вскоре на районной комсомольской конференции меня, шофера, избрали членом бюро райкома и утвердили заведующим отделом.

Наше поколение воспитывалось на примерах героев гражданской войны, челюскинцев, папанинцев, знаменитых героев-летчиков, передовиков и ударников пятилеток. Время было тревожное, и мы готовились сами и, как могли, готовили молодежь к защите любимой Родины.

Наша работа была замечена, и меня выдвинули на должность заведующего военным отделом райкома партии, а чуть позже - секретарем Половинского райкома партии по кадрам. Это была отличная школа работы с людьми, пора накопления жизненного опыта, организаторских навыков. Все это очень пригодилось в годы войны.

В декабре 1943 года мне пришлось возглавить Половинский райисполком. Время было крайне тяжелое. Шел третий год войны. Хозяйство района пришло в упадок. Деревни опустели. Работать было некому и нечем. А ведь фронту, военным заводам был нужен хлеб, и мы обязаны были дать его.

На стареньком райисполкомовском автомобиле я день и ночь колесил по полевым станам и фермам, чтобы из первых рук знать, как живут люди, в чем нуждаются, кому помочь в первую очередь. Знание положения дел на местах, в колхозах и совхозах, помогало принимать верные решения.

Помню, однажды, вернувшись из поездки по району, я предложил членам исполкома организовать районный фонд помощи семьям фронтовиков. Меня поддержали, и такой фонд был создан. И сослужил добрую службу остро нуждающимся семьям. В фонд вносили деньги, зерно, одежду, обувь, овощи - кто что мог. А затем сельсоветы раздавали это тем, кто особо нуждался. Особое внимание мы уделяли при этом детским домам, а их в районе было четыре.

Где-то в начале января 1944 года нам стало известно, что на танковом заводе в Челябинске создается крайне тяжелое положение с продовольствием. Решили помочь рабочему классу. В течение недели в селах было собрано и отправлено челябинцам около 100 тонн картошки и овощей.

Приходилось много заниматься размещением и обустройством эвакуированных, сбором теплых вещей для бойцов, школами, больницами, клубами, подпиской на военные займы... Райисполком, как и райком партии, был в ответе за все. Но главной задачей и заботой было выполнение заданий по сдаче хлеба государству, картофеля, овощей, продуктов животноводства. Ведь продукты на фронте приравнивались к пушкам, танкам, снарядам. Без них воевать было нельзя. И мы делали все, что можно, и даже больше того.

После войны, в 1951 году, я окончил партийную школу в Челябинске и был избран председателем Усть-Уйского райисполкома. А несколько лет спустя район (и я вместе с ним) оказался в центре целинных событий. Это было и трудное, и такое романтическое время. В район ехала масса добровольцев-комсомольцев. Создавались тракторные бригады. За короткий срок мы приняли и разместили более 500 юношей и девушек. Хозяйства получили 350 тракторов. Это был размах! В бригадах царил невиданный энтузиазм первопроходцев целины. К 1956 году в районе было освоено 100 тысяч гектаров целинных и залежных земель. Район сдал государству более 100 млн. пудов зерна. Многие механизаторы, хозяйственные, партийные и советские руководители были удостоены государственных наград. Я был награжден орденом Ленина - высшей наградой страны.

ЛЮБОВЬ КУНГУРЦЕВА

УЧИТЕЛЬНИЦА ВОССТАНАВЛИВАЛА ГОРОДА

Любовь Александровна Кунгурцева (Куприянова) родилась в 1921 году в Кургане в семье железнодорожника. Окончила педагогическое училище. В годы войны работала учителем начальных классов в Шепотковской школе. С 1943 года - в химлаборатории депо Курган. С 1947 года работала на восстановлении г. Калинин-града. В 1957 году вернулась в Курган и до ухода на пенсию трудилась в локомотивном депо. Активистка совета ветеранов депо.

Фонд помощи в семье Александровны Матаи под руководством чихой фонд был создан. И госслужа и добрую службу отработавшаяся семья. И фонд вносил деньги, одежду, обувь, продукты - кто что мог. А зимой гальсеты раздавали тем, кто особо нуждался. Особое внимание мы уделяли при этом детям: деньги, а их в рай при было четыре.

Где-то в начале января 1944 года как-то стал известно, что из Калининграда в Челябинск едет группа людей, которые собираются в предприниматель. Решено выехать рабочему классу. В течение недели в депо было объявлено и отпущено в Калининград около 100 тонн керосина и дров.

Леонид РЕШЕТНИКОВ

ПОДАРКИ ТЫЛА

Не от копилки, не от печки жарко
В завьюженной землянке старшины:
Сегодня здесь вручают нам подарки -
Привет родной далекой стороны.
Далекий тыл, сибирский да уральский,
Шлет мед и сало, письма и носки.
Теперь не страшен нам мороз февральский,
Лишь не было б остуды от тоски!
Вот мой сосед дареною махоркой
Чадит и видит - ты его пойми! -
Свой дом за далью дальнею, под горкой,
Родимый дом с женою и детьми.
И я себе кiset прибрал атласный,
Одной уральской девушки шитье.
Пусть не курю - мой выбор ненапрасный:
Меня прельстила карточка ее...

Зима 1942 г.

Подмосковье.

МАРИЯ МАСЛАКОВА

„МЫ КРОВЬ СВОЮ ДЛЯ РАНЕНЫХ ДАВАЛИ“

Маслакова Мария Романовна, 1924 года рождения, к началу войны работала учителем. В 1942 году поступила на фельдшерское отделение медицинского техникума. До 1944 года была активным донором, сдавала кровь для раненых, лечившихся в госпиталях Кургана.

После войны работала в системе здравоохранения Макушинского района.

Мария Романовна активно работает в Советском территориальном совете ветеранов.

Награждена медалью „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.“.

Я работала в средней школе, вела уроки физподготовки в пятых-десятых классах. 22 июня по радио сообщили о начале войны. Возле школы собрался митинг, а после него состоялись спортивные соревнования.

Перед нами, учителями физкультуры, была поставлена задача усилить физическую подготовку юношей - будущих бойцов. Особенно много внимания мы уделяли легкой атлетике, ориентированию, лыжам. Вместе со школьниками работали в поле, вывозили зерно на ток. Вели переписку с фронтовиками, готовили для них посылки.

Но всего этого мне казалось мало, хотелось попасть на фронт, а для этого приобрести нужную на войне специальность. Так с 1 января 1942 года я стала учащейся фельдшерского отделения Курганского медицинского техникума.

Были организованы две группы. В основном набирали медсестер, но были и учителя, в том числе и я. Почти все со средним образованием. С нами учились и эвакуированные из Ленинграда, Белоруссии. В числе главных дисциплин были военно-полевая, хирургическая подготовка.

Поступить-то я поступила. Но встал вопрос, как жить. Родители не в силах были мне помогать. Надо было искать средства к существованию самой. Это и привело меня в ряды доноров при госпитале № 3976, где главным врачом была Шварцман (имени ее не помню). За 100 г сданной крови платили по 120 рублей и давали разовый обед. А еще раз в месяц полагался сухой паек - набор продуктов. На хлебную карточку донора давали 800 г хлеба (а студентам - по 400 г). Вот на это надо было жить и регулярно сдавать кровь. При необходимости нас вызывали и раньше положенного срока. Донором я была до 1944 года.

Где-то в 1942 году в районе поселка Рябово были найдены залежи торфа. Мы были основной рабочей силой по его добыче. Орудие производства - секатор. Надо было за смену вырубить пять тысяч "кирпичей" и сложить их в штабель. О наиболее отличившихся писали в газете, называли "стахановцами". А премию девочкам выдавали полushалками.

Конечно, не только учебой да работой были живы. Давали концерты в госпиталях, встречались с ранеными, даже на танцы ходили.

С июня 1944 г. по январь 1945 г. я работала в ремесленном училище при 603-м заводе. Там я получала льготную хлебную карточку.

В декабре сорок пятого защитила диплом и была направлена заведующей райздравотделом в Макушинский район, где в кругу своих коллег и встретила День Победы.

А. Давидович

ЛИДИЯ ПОЛУНИНА

НА „ВТОРОМ ФРОНТЕ“

Полунина Лидия Александровна родилась в 1925 году в Кургане в семье рабочего. Во время войны работала на военном заводе. Всю жизнь активно занимается общественной работой. Наставник молодежи.

Награждена медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", юбилейными медалями. Ветеран труда. Имеет много Почетных грамот и благодарностей за самоотверженный труд и большую общественную работу.

-Мне было пятнадцать лет, когда я пошла работать на военный завод № 707, эвакуированный из Гомеля. Работала сверловщицей в комсомольско-молодежной бригаде имени Зои Космодемьянской. Делали мы мины для фронта. Я была ростом маленькая и не могла дотянуться до ручки станка. Для меня сделали специальную подставку, и я сразу "подросла". Сначала работала на одном станке, а когда освоилась и поднабралась опыта, стала обслуживать три станка. Работать приходилось и на упаковке продукции. Старались делать это скорее, чтобы мины без задержки уходили на фронт.

Рабочий день был ненормированный. Работали по 12 и более часов, а то и сутками не уходили из цеха. А

после работы мы шли в военный госпиталь, помогали раненым, кормили и одевали тяжелобольных, выводили их на прогулку, писали под их диктовку письма. А в праздничные дни организовывали для них концерты.

С песнями провожали на фронт и своих парней. А вечерами ходили по домам, собирали разные вещи для солдатских посылок, вышивали кисеты. Радостно было получать благодарственные письма солдат.

За систематическое перевыполнение нормы мне в срок третьем году было присвоено звание "стахановка".

Накануне Дня Победы мы после тяжелой работы крепко спали, когда разбудил нас голос диктора по радио: "Победа!"

На городской площади был большой праздник-митинг. Для меня это был праздник вдвойне - мне вручили мою первую медаль.

После войны наш "Кургансельмаш" перешел на выпуск мирной продукции, делали молотилки, веялки и т.д. Я работала в это время слесарем-сборщиком. А с февраля 1955 года, уже на "Уралсельмаше", снова сверловицей, маляром.

После работы мы принимали участие в строительстве клуба завода, в благоустройстве дорог, улиц, скверов. Приходилось участвовать и в заготовке леса, и в уборке урожая, и в других работах. И как-то все это делалось по-молодежному, весело, с настоящим энтузиазмом.

Тридцать лет я была нештатным инспектором по делам несовершеннолетних, долгие годы - наставником молодежи. Трудовой стаж у меня - 48 лет, а стаж общественной работы - более 40 лет. Я и теперь, находясь на заслуженном отдыхе, не устранилась от общественных дел - активно работаю в клубе "Патриот", бываю в учебных заведениях, в молодежных коллективах...

АНТОНИНА ПАЛЛАГИ

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Паллаги Антонина Павловна родилась в 1929 году. Рано лишившись родителей, осталась круглой сиротой. Всю войну работала в колхозе. В 1947 году была направлена на учебу в курганскую школу фабрично-заводского обучения № 2. После ее окончания работала на стройках города. Получив 5-й рабочий разряд, вернулась в ФЗО-2, где 10 лет трудилась мастером производственного обучения. Окончила строительный техникум.

С 1960 года и до выхода на пенсию работала в областной конторе Госбанка.

Награждена медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

В самом начале войны, в 1941 году, пропал без вести мой отец, а в феврале 1943 года от непосильной работы и голода умерла мать. Родственников никого не было, я осталась одна.

С первых дней войны пришлось работать в колхозе. А после потери родителей с ранней весны до поздней осени днем и ночью обитала, как и другие беспризорные, на полевом стане, среди трактористов и прицепщиков.

...Это случилось ранней весной 1942 года. В ночную

смену мы с трактористкой Любой Ярковой пахали поле под посев пшеницы. Я работала у нее прицепщицей, и было мне тогда тринадцать лет.

Глубокой ночью Люба остановила трактор и кричит мне:

- Тонька, сбегай за водой, в радиатор долить надо! А я кружок без тебя проеду.

Схватила я ведро - и на край полосы, к бочке с водой. Зачерпнула - и назад. Села в свежую борозду, жду трактор... Сколько времени прошло, не знаю, только очнулась я от того, что Люба трясет меня за плечи, по щекам хлещет, сама плачет:

- Что ж ты делаешь, нашла место, где спать - в борозде! Как я тебя заметила, не знаю. Еще бы метр проехала, и конец тебе, задавила бы насмерть!

Наконец до меня дошло, что случилось. И перепугалась я сначала, а потом обрадовалась: жива!

Утром об этом вся деревня только и говорила. А я тот случай на всю жизнь запомнила. Помнит его и Любовь Ивановна Яркова, которая и по сей день живет в том же селе Варлаково, где произошло все это.

В родном колхозе я проработала до ноября 1947 года, когда отправили меня в ФЗО.

Началась другая полоса моей жизни.

АНАТОЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ

ЗВУЧАЛО СЛОВО, КАК НАБАТ

Севастьянов Анатолий Степанович, ветеран труда, журналист. Во время войны работал заведующим отделом пропаганды и агитации, секретарем Половинского райкома КПСС. В 50-60-е годы - на журналистской работе: зам. редактора газеты "Советское Зауралье", ст. редактор общественно-политических программ Курганского телевидения. С 1971 до ухода на пенсию работал на КЗКТ им. Карбышева.

Награжден медалями "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", "За освоение целинных земель", "Ветеран труда" и др.

Член Союза журналистов России.

В субботу, 21 июня 1941 года, в Зауралье стояла отличная погода. Было в меру жарко, цвели цветы, после обильных дождей изумрудно зеленели травы, ветерок гнал по небу легкие облака.

Под стать природе было и настроение людей. Поля обещали хороший урожай, и сельчан это радовало. Перед началом сенокоса и уборки можно было и отдохнуть. В райцентре Половинное, Байдарах, Сумках, в других селах проводились культурные и спортивные мероприятия. Молодежь веселилась всю ночь, благо, ночь с двадцать первого на двадцать второе июня - самая короткая в году.

С рассветом, чтобы не опоздать к поезду, мы с преподавателем истории Половинской школы С.К. Черняевым выехали в Курган: в понедельник в Челябинске

открывалась областная научно-педагогическая конференция. Участие в ней для меня, молодого учителя (я только что получил назначение на должность директора Байдарской НСШ), было большой честью.

На вокзале в Кургане было многолюдно и шумно. Из репродуктора слышались музыка и песни. Затем Москва стала передавать вести с полей и сообщения о достижениях трудящихся. Все шло как обычно. И вдруг...

"Товарищи, через несколько минут будет передаваться важное правительственное сообщение".

Стрелки часов показывали 13.58 местного времени. Набитый пассажирами, шумный и беспоконный, как пчелиный улей, зал мгновенно притих, насторожился. Молчало и радио. Лишь слышались доносившиеся из динамика четкие, размеренные, как биение сердца, удары метронома.

И вот - 14.00...

"Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем заявление Советского правительства..."

В зале наступила глубокая тишина.

"Сегодня в 4 часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города..."

От имени правительства выступал В.М. Молотов. Заявление заканчивалось оптимистично: "Наше дело правое. Враг будет разбит! Победа будет за нами!".

Люди слушали, затаив дыхание. Заявление повторили еще дважды. Затем по местной связи передали, что всем пассажирам рекомендуется возвращаться по месту жительства. Вокзал опустел.

Мы сдали в кассу билеты и, чтобы как-то успокоить себя, пошли к Тоболу и долго в раздумье сидели на его берегу. Было на редкость тихо, от воды веяло прохладой, в синеве неба красиво парили птицы. Но настроение все больше падало, росла тревога. Мучила мысль: как это могло произойти, что будет с Родиной, с нами?..

Домой мы вернулись в понедельник. Волнение еще не улеглось, люди продолжали негодовать, возмущаться вероломством Германии, повсеместно шли митинги, собрания. Кажется, никогда еще за всю историю района не собиралось у трибун так много народа. А в райвоенкомат, сельские Советы поступали заявления с просьбой немедленно направить на фронт.

“Готовы по первому зову партии и правительства встать в ряды непосредственных защитников Родины, не пожалеем своей крови, а если понадобится, и жизни в борьбе с фашизмом”, - записали в своей резолюции жители родного села Байдары.

В одночасье все изменилось. Рухнули, стали нереальными вчерашние мечты и надежды. Посуровели лица мужчин и женщин. Начиналась другая жизнь - военная, суровая, полная лишений и горя. Почти каждый день под плач матерей, жен, дочерей, подруг и невест провожали на войну молодых мужчин и парней.

В те дни мне как представителю райкома комсомола довелось работать в составе районной комиссии на призывных пунктах. Среди мобилизуемых в армию были представители разных поколений - отцы семейств и безусые юноши, бывшие красноармейцы и новобранцы. Естественно, каждый из них воспринимал происходящее по-своему: с тревогой, тоской и даже со страхом перед неизвестным. Но паники, отказов, дезертирства, опозданий на комиссию не было.

Помню такой случай. Однажды во время сбора резервистов, который мы проводили в райвоенкомате, кто-то включил радио, и в помещении вдруг, как по команде, прекратился разговор, наступила глубокая тишина. В эфире звучало строго и торжественно, как набат:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Песню Лебедева-Кумача и Александрова “Священная война”, написанную 22 июня, многие слышали впервые и сидели, как завороченные.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, -
Идет война народная,
Священная война...

Смолкли последние аккорды и слова, но никто не решился нарушить тишину. Никогда еще - ни до, ни после этого - не приходилось мне видеть, чтобы песня, даже самая популярная, производила такое сильное впечатление, так обжигала сердца, вдохновляла людей.

Один за другим, группа за группой уезжали половинцы в Чебаркуль для подготовки к смертному бою с фашизмом.

У многих из нас представления о войне были, мягко говоря, наивными. С подачи официальной пропаганды рассуждали: пусть только сунутся, дадим по зубам, остановим и разобьем на их же территории. Иначе и быть не может, ибо "танки наши быстры", самолеты летают "выше, дальше и быстрее всех", а главное - "нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет". Мы были детьми своего времени и чистосердечно верили этому.

Конечно, мы не только пели "Если завтра война", но и самоотверженно трудились для укрепления оборонного могущества страны, изучали военное дело, сдавали нормы на значки "Готов к труду и обороне", "Ворошиловский стрелок", шли в военные училища, овладевали профессиями танкистов и летчиков. Все это, конечно, не пропало даром. Люди не без основания верили в победу. Но до нее было еще далеко.

В годы войны я, молодой учитель истории, не призванный ввиду близорукости в армию, работал в отделе пропаганды и агитации Половинского райкома партии. По долгу службы и личному призванию постоянно общался с колхозниками, механизаторами, служащими, бывал у них на работе и дома, проводил беседы, выступал на собраниях и по радио, читал лекции, печатался в газетах и потому хорошо знал, что значит для людей правдивое слово. А оно было другом и наставником, придавало силы, звало вперед, к победе. Об этом убедительно свидетельствовали самоотверженный труд на полях и фермах, активное массовое участие в движении помощи фронту.

При райкоме действовала постоянная группа докладчиков, при партийных организациях и сельсоветах - агит-

коллективы. Проводились доклады, беседы, громкие читки газет, на полевых станах и животноводческих фермах имелись доски показателей, газетные витрины, витрины "На фронтах Отечественной войны", выпускались "Боевые листки".

Общаться с людьми было интересно. Приедешь, бывало, на полевой стан, и тебя сразу же окружают колхозники, трактористы, слушают, затаив дыхание, стараясь запомнить подробности, чтобы рассказать о них другим. А после доклада на общую тему как-то само собой начинается непринужденный разговор о том, как идут дела в колхозе, бригаде, что надо сделать сегодня и завтра, чем помочь Красной Армии, чтобы приблизить день победы.

...Осень 1941 года была ненастной и холодной. Редкий день проходил без дождя. Хлеб осыпался, убирать его было невозможно. На поле не заехать даже на лошади. Пытались жать серпами - не получается, ноги вязнут в почве. Настроение колхозников упало. Я в то время как представитель райкома находился в колхозе "Большевик" и, понятно, переживал вместе с ними.

А с фронта шли тревожные вести. Немцы рвались к Москве. Колхозники волновались: удержат ли нашу столицу?

Вот тогда и пришла мне в голову мысль обратиться к истории Отечественной войны 1812 года. Привез на полевой стан роман Л.Н. Толстого "Война и мир" и начал читать страницы, посвященные Бородинскому сражению. По крыше колотит дождь, неистово дует ветер, а в жарко натопленной избушке на полу и скамейках сидят колхозники. Я читаю страницу за страницей и изредка комментирую. Сделаем небольшой перерыв - и снова за книгу. Иногда до глубокого вечера, при свете керосиновой лампы. Эхо Бородинского сражения 1812 года было созвучно битве за Москву в 1941 году.

Так великий русский писатель своим словом помогал советским людям пережить трагическое время, вселял надежду.

На видных местах в райцентре время от времени появлялись плакаты, выпускаемые ТАСС. Большие, кра-

сочные, с выразительными рисунками и кратким текстом, они неизменно привлекали общее внимание. Еще бы! Каждому казалось, что это именно на него так пристально смотрит, именно к его сердцу и совести обращается эта строгая русская женщина - Родина-мать. И тебя же уверяет на другом плакате солдат: "Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!"

Подолгу останавливались люди и у сатирических окон-карикатур, выполненных в стиле журнала "Крокодил". Вот одно из них. На переднем плане - наглый, самоуверенный подросток в военной фашистской форме, вдали - довольная, любующаяся своим чадом супружеская пара. Внизу плаката четверостишие Самуила Маршак: "Чтоб отец, глядя на сына, мог с достоинством сказать: "Настоящая скотина, целиком в отца и мать!"

"Окно" это было выпущено в 1942 г., стихи Маршак больше нигде не печатались, никаких записей у меня нет, но, удивительное дело, все это хранится в моей памяти. Видимо, "Окна ТАСС", как и "Окна РОСТА", выпускаемые в свое время с участием Владимира Маяковского, имели большую силу воздействия.

Каким-то образом у нас оказалась крупномасштабная карта СССР. Мы склеили листы, обозначающие европейскую часть страны, и вывесили у себя в кабинете. По сообщениям Совинформбюро определили линию советско-германского фронта и обозначили ее на карте красной нитью, державшейся на патефонных иголках. Места крупных военных сражений (Москва, Ленинград, Киев, Сталинград, Курск и др.) отмечались особо, кружками. Мы внимательно следили за сообщениями Совинформбюро и в соответствии с ними перемещали линию фронта. В конце 1944 г. наша красная нить совпала с Государственной границей СССР: советская земля была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Мы достали карту Европы и продолжали следить за победоносным наступлением Советской Армии. "У вас, как в Генеральном штабе", - шутили вернувшиеся домой фронтовики.

Карта пользовалась большой популярностью. Здесь мы регулярно проводили семинары политинформаторов и агитаторов.

“А не провести ли нам районный смотр художественной самодеятельности?” - идея эта появилась неожиданно, и встретили ее неоднозначно. “Какой смотр? До этого ль сейчас, в столь трудное время? Люди на одной картошке живут”, - говорили одни. “Да, трудно, голодно, но тем более надо отвлечься”, - отвечали другие.

Наконец члены инициативной группы разъехались по селам, чтобы помочь энтузиастам. И действительность превзошла самые лучшие ожидания. В смотре, который проходил в феврале – начале марта 1944 г., участвовали 15 сельских коллективов, более 300 исполнителей. А лучшие из них в канун Международного женского дня были приглашены в райцентр на заключительный концерт.

Клуб был переполнен до отказа, зрители весьма доброжелательны: почти все выступления сопровождалось бурными аплодисментами. Я был председателем жюри, потому помню многие подробности. В составе хора колхоза “Спартак”, например, были люди весьма почтенного возраста - 75-80-летние колхозники. Очень хорошо выступал хор села Башкирского под руководством большого любителя пения, человека тоже почтенного возраста Е.Я. Малькова. Они исполняли свадебный обряд, народные песни “Вдоль по улице”, “Парень шутки шутил”... А вот коллективы села Сумки и Половинского детдома порадовали зрителей современными песнями, танцами, акробатикой.

Смотры сельских талантов стали традиционными.

...Да, и в войну душа хотела отогреться, принимала в себя не только горе народное, но и его песню, его веру.

* * *

В начале мая 1945 года я как представитель райкома партии находился в селе Хлупово в ордена Ленина колхозе “Гигант”. Стояла солнечная, очень теплая погода, и колхозники всю вели полевые работы. “А сеять нынче, - не скрывая радости, говорил мне бригадир трактористов Т.Ф. Горбунов, - мы начали на полторы недели раньше прошлогоднего”. Весна 1945 г. вообще была не-

обыкновенной. Снег сошел рано, и было много-много подснежников. Они росли, кажется, всюду, на каждой солнечной полянке, и выглядели крупнее обычного. Людей все это радовало.

Восьмого мая весь день мы с председателем колхоза Антоном Леонтьевичем Завьяловым провели в поле, беседовали с трактористами, колхозниками, проверяли качество работы. В деревню вернулись поздно вечером, усталые, но довольные ходом сева.

А рано утром меня разбудила хозяйка квартиры, где я остановился, Соколова:

- Вставайте! Товарищ Севастьянов! - возбужденно кричала она. - Вставайте же! Война закончилась! По радио передали. Нет больше войны!

Я быстро оделся, побежал в сельсовет, позвонил секретарю райкома Константину Александровичу Комарову:

- Что делать?

- Послушайте по радио Указ Президиума Верховного Совета о празднике Победы и собирайте митинг. Полевые работы не приостанавливайте, сев надо продолжать.

Собирать митинг, однако, не понадобилось. К сельсовету уже сбегались люди, радостные, возбужденные, шумно разговаривали между собой, смеялись. А те, кто получил похоронку, плакали...

На улице около сельсовета появился стол, его накрыли красной материей, кто-то принес и поставил у стола красный флаг. Я встал на табуретку, чтобы всем было видно, и начал митинг.

В те годы мне, партийному работнику, часто приходилось выступать перед людьми, но, кажется, никогда еще не говорил я с таким волнением, так вдохновенно. И никогда еще не слушали так внимательно и благодарно. Тот час неповторим.

А вскоре я был уже в Половинном. У здания райисполкома и райкома - сотни людей, флаги, транспаранты. Шел митинг...

Трудно передать словами то, что было утром этого дня. Люди плакали от счастья, целовались и обнимали

друг друга. Радость переполняла сердца, рвалась наружу, бурлила, как весенний поток. Казалось, и солнце, и небо, и начинающие зеленеть деревья торжествуют и радуются вместе с людьми.

Таким - немеркнущим светлым - вот уже пять с половиной десятилетий хранится в моей памяти утро 9 мая 1945 года.

В лесу на Южном Урале

- Осенью 1942 года Челябинский облисполком на основании постановления Государственного Комитета Обороны (ГКО) дал Половинскому району задание: до наступления весенней распутицы заготовить для нужд обороны на западе области 30 тысяч плотных кубометров древесины. Задание даже для военного времени было чрезвычайно напряженным. В колхозах было мобилизовано 250 человек пешими и 150 с лошадьми. В середине октября была отправлена по железной дороге первая партия лесозаготовителей, с которой выехал и я как представитель Половинского райкома партии и райисполкома.

На станцию Миньяр, место нашего назначения, поезд прибыл ночью. Было морозно, ветрено, шел снег. Мы быстро выгрузились из вагонов и тотчас до отказа заполнили небольшой деревянный вокзал. В помещении было тепло, и люди быстро уснули, а я в сопровождении встретившего нас представителя леспромхоза пошел в поселок. Только теперь я мог оглядеться вокруг, насколько это возможно ночью.

Справа, где-то далеко внизу, чернел лес и бурлила горная река Сим, давшая название новому леспромхозу, а слева возвышалась гора, к которой вплотную примыкали вокзал и другие пристанционные постройки.

Утром было решено, что прибывшие ночью разместятся на участке Тарасово, а те, кто приедет позднее, - на Черной речке и в ближайшем городке. Был проведен инструктаж по технике безопасности, и на завтра - в лес, на работу.

Представляете себе такую картину. Вековые сосны, ели, лиственницы - крепкие, могучие, высокие. Как подступиться к таким великанам? Как повалить их, если в

руках лишь простенькая пила да топор? Да и кто самито лесорубы? Молоденькие девушки, женщины-колхозницы, парни, по каким-либо причинам не взятые в армию, да старики, среди которых немало инвалидов. А ведь здесь физическая сила нужна, и немалая, нужны опыт работы в лесу, сноровка, выносливость. Деревья засыпаны глубоким рыхлым снегом: сойдешь с тропинки - провалишься до пояса. Прежде чем браться за пилу, требуется расчистить, протоптать площадку, иначе ничего не сделаешь. А как повалить в нужном направлении дерево-гигант, очистить его от сучьев, распилить? И, наконец, как вывезти из леса, доставить на железнодорожную станцию?

Но все шло своим чередом. Во время войны любое, даже очень трудное, дело спорилось. Ранним утром бригады выходили в лес. Мужчины, те, кто помоложе, валили деревья, женщины очищали их от сучьев, распиливали стволы. Потом сообща, всей артелью вытаскивали заготовки на опушку леса. Протоптав дорожки, подъезжали возчики, грузили их на сани и увозили.

Работали весь световой день, без перерыва на обед. С наступлением темноты собирались в бараке, сушили одежду и шли в столовую. Готовили для нас обычно суп-лапшу и какую-нибудь кашу. По карточкам каждый получал 600 граммов хлеба, немного масла и сахара. По тем временам это было сравнительно неплохо, но ведь люди работали в заснеженном лесу, на морозе, и пайка им, естественно, не хватало.

День, как правило, заканчивался политинформацией и беседой. Мужчины рассаживались вокруг печки, в которую непрерывно подбрасывали дрова, женщины - на нарах. Ни электричества, ни даже керосиновой лампы в бараке не было, беседовали при свете лучины. Обсуждали выполнение заданий, технику безопасности, читали письма из дома. Но главной и постоянной темой было положение на фронтах. Ни газет, ни радио у нас не было. Выручал бухгалтер леспромхоза Абрам Ильич. Каждую ночь он почти дословно записывал радиопередачу "В последний час" и утром посылал нам на участок. Ребята по очереди жгли лучину, а я читал информацию и новости с фронта.

Новый, 1943-й, год встречали празднично. В бараке поставили стройную елку, настоящую лесную красавицу, нарядили ее разноцветными бумажками и тряпочками, выпустили специальный номер стенгазеты "Лесоруб". Вечером с баяном приехал нач. участка И.С. Боровиков. После ужина из двойной порции супа и каши устроили концерт, пели, плясали, читали стихи.

Шел четвертый месяц лесозаготовок. Люди устали, были на пределе. К тому же во второй половине января резко похолодало. Ртутный столбик упорно держался на отметке минус 25-30 градусов. Ветер обжигал лицо, наметал сугробы. Работать становилось крайне трудно, особенно тем, кто находился на склоне горы. Одежда и обувь у многих износились, леспромхоз же дать практически не мог ничего, кроме непривычных нам лаптей. В бараке было холодно, сыро, хотя печь топили круглые сутки. Негде было ни отдохнуть, ни просушить одежду. Не удовлетворяло и питание. Настроение рабочих упало, стали поговаривать о побеге домой.

Однажды, вернувшись с Черной речки, где я два дня проводил с рабочими, в Тарасово, я не узнал свой коллектив. Барак гудел. Все суетились, шумели, торопливо собирали вещи. В помещении было очень сыро и холодно. В печке дымились, шипели, но совершенно не давали тепла сырые дрова. "Массовый побег домой", - понял я. Подозвал знакомых ребят, велел разломать старую сарайку, напилить дров и топить печь. Сделали это ребята быстро, не прошло и часа, как в бараке заметно потеплело. В столовой между тем подготовили хороший обед, а в магазине стали выдавать горячий хлеб, масло и сахар. Настроение людей переменилось.

Почти с первых же дней продолжала висеть над нами не менее острая и большая проблема кормов. По решению облисполкома сено мы должны были получать на месте, но необходимых запасов его здесь не было, заявки наши выполнялись лишь наполовину. Создалась угроза бескормицы, гибели лошадей. Я послал тревожную телеграмму председателю райисполкома К.А. Комарову. Через какое-то время в наш адрес на станцию Миньяр пришел эшелон с сеном. Но через две-три недели кормить лошадей снова стало нечем.

Однажды вечером заходит ко мне сторож:

- Разрешите прирезать лошадь, погибает от истощения. Закроем соломой, а утром снимем шкуру.

Но снимать утром шкуру не пришлось. Ночью рабочие разрубили тушу на куски, сварили и съели.

Другим вечером в наш домик, шумно хлопнув дверью, ворвалась женщина:

- Кто здесь старший? Ваши мужики увезли мое сено. Чем я буду кормить корову? А у меня трое детей, муж на фронте.

Сено солдатке, конечно, вернули. Но и наше положение было на пределе.

Я послал срочную телеграмму секретарю райкома Н.И. Климину. Он обратился в Челябинский обком, с помощью которого и удалось наконец решить вопрос с кормами.

Жизнь на всех трех участках шла нормально. Ранним утром люди выходили в лес, валили и очищали деревья, распиливали их и вывозили к железнодорожной станции. В феврале нам доставили "Челябинский рабочий" с Указом Президиума Верховного Совета СССР об образовании Курганской области. Политинформация в тот вечер была необычной. При свете лучин рассматривали карту, старались запомнить количество населения, городов, районов и населенных пунктов, делились мнениями. Курган, ставший областным центром, был ближе к нам, чем Челябинск, и это радовало нас.

Домой мы уезжали до весенней распутицы, в середине марта. Прощай, Южный Урал! Прощай, лес!

ГАЛИНА ИГИШЕВА

СНАРЯД В ДЕТСКИХ ЛАДОНЯХ

Игисхева Галина Маркеловна родилась в 1918 году в деревне Малое Дубровное Половинского района. Работала учительницей. Перед войной и в военные годы - мастером на военном заводе. Затем вернулась к своей мирной профессии. С 1949 года живет в Кургане. Окончила заочно Московский финансовый институт. Работая в Курганском машиностроительном институте, защитила кандидатскую диссертацию. Ныне - пенсионерка.

В 1939 году я работала учительницей на строительстве завода № 114 (теперь завод пластмасс) в г. Копейске Челябинской области. По решению Челябинского обкома комсомола была направлена в г. Нижний Тагил на действующий завод № 56 учиться на мастера для работы на заводе № 114, который готовился к пуску. Оба эти завода начинали взрывчаткой корпуса снарядов различного назначения и калибра.

На завод № 114 я вернулась в конце 1940 года в должности контрольного мастера, позже работала производственным мастером. Там и застала меня война. Муж ушел добровольцем на фронт.

Мы работали за заводе по 12 часов, а при необходимости и вовсе не уходили из цехов, переводились на казарменное положение.

С началом войны я была назначена начальником смены в мастерскую, где начинали маленькие 37-миллиметровые зенитные снаряды. Мы знали только часть технологического процесса, которая непосредственно касалась нашей мастерской. Все было засекречено. Под моим руководством работали дети-детдомовцы 14-15 лет. Даже не знаю, откуда этот детский дом был к нам эвакуирован. Трудились не покладая рук, не считаясь ни со временем, ни с тяжестью работы. Например, когда привозили корпуса снарядов к мастерской, то мы сами с детьми разгружали 50-килограммовые ящики.

Однажды в ночную смену вдруг погас свет, остановились станки, зазвенели выбитые стекла мастерской, закачались стены здания, дети закричали. Мы, старшие, действуя по инструкции, вывели детей в подготовленные для подобных целей траншеи и сидели там до утра. Слышали, как рвались снаряды в одной из мастерских, дети плакали, мы их успокаивали, как могли. Утром мы узнали: взорвался котел с расплавленным тротилом в одной из заливочных мастерских.

Не знаю, что это было: или оплошность плавильщика, или диверсия. Это случилось в 24 часа, когда первая смена еще не ушла, а вторая уже пришла. Сколько было жертв, мы не знали. Не взорвался весь завод лишь потому, что между всеми мастерскими при строительстве были насыпаны огромные земляные валы и вырыты траншеи, которые не позволили сдетонировать снарядам, находящимся в других мастерских и штабелях. Завод не работал 2-3 дня. Когда нужно было начинать работу нашей мастерской, нам было трудно уговорить детей. Дети боялись, натягивали на головы одеяла, не хотели слушать наши доводы, но в конце концов постепенно "отошли". И снова мастерская стала работать нормально.

Продукты питания выдавались по карточкам, кроме того, в цехах мы получали бесплатно молоко, сливочное масло (за вредность), талоны в столовую (называли эти талоны стахановскими). Однажды мои многодетные соседи потеряли все хлебные карточки на месяц. Я и несколько других бездетных отдали им свои карточки. А сами месяц жили только на цеховом дополнительном питании.

В 1944 году мой муж вернулся из госпиталя после тяжелой контузии и ранения. Его как строителя направили на восстановление освобожденного от фашистов Севастополя, и мы уехали в Севастополь. Там я вернулась в школу, а муж работал начальником подсобных предприятий в тресте "Севастопольстрой". Город был разрушен. Для жилья мы нашли домик, который можно было восстановить, сами восстановили, там и жили. Наш домик был недалеко от Килим Бухты на Корабельной стороне. В это время проходила Ялтинская конференция руководителей трех союзных держав (Сталина, Рузвельта и Черчилля). По ее окончании мимо нашего домика прошла кавалькада легковых автомобилей в Килим Бухту, где был пришвартован английский корабль. Провожали господина Черчилля. Конечно, улицы были пустынные, мы наблюдали за этой процессией из окна.

Однажды нашу школу № 28 г. Севастополя посетила госпожа Черчилль. Ее встречали почтительно, но "без особого дружественного расположения" (таково было указание). Госпожа Черчилль посещала Севастополь с целью помочь детям разрушенного города, но в чем ее помощь выразилась, мне лично неизвестно.

Работая в школе № 28 г. Севастополя, я после тщательной проверки была допущена связной с шефствующим над нашей школой линейным кораблем "Севастополь". Часто приходилось бывать на корабле, а члены экипажа посещали школу. Общение было очень интересным.

Жилось в Севастополе трудно: шла война, город в развалинах, питание по карточкам. Но мы знали, за что боремся: "Наше дело правое. Победа будет за нами!" Мы в это свято верили и победили. Победили наша взаимная выручка, наша единая, сплоченная семья всех народов, победила наша гордость за родное Отечество, к которому весь земной шар относился с уважением. А что теперь? За что и за кого умирают наши люди? За доведенную до нищеты Россию? За олигархов, ограбивших трудовой народ и "распухших" на слезах и горе вскормившего их и униженного ими народа?..

Руководство "Севастопольстроя" настаивало, чтобы муж мой остался в Севастополе. Было предложение поехать восстанавливать Киев. Но я так тосковала по моей милой Сибири, по снегу, по лыжам, по конькам, что мы добились разрешения вернуться домой и в 1946 году приехали в Челябинск. А День Победы мы встречали в Севастополе на Графской пристани.

В 1949 году мужа перевели в г. Курган. Живя в Кургане, я окончила заочно Московский финансовый институт. Когда в Курганском машиностроительном институте открыли экономический факультет, меня пригласили работать на кафедру политической экономии. Здесь я написала и защитила диссертацию, получила ученую степень кандидата наук и звание доцента.

Я, девчонка-сирота, начавшая работать по найму с 14 лет, в "застойный" период получила бесплатно высшее образование, ученую степень и ученое звание без отрыва от основной работы, имея семью. Когда я защищала диссертацию в Москве в университете им. Ломоносова и меня, чья родина - Малое Дубровное Половинского района Курганской области, слушали ученые-академики с мировыми именами, мне казалось, что это сон. Но это была явь. Это было то дорогое для простого человека, что мы теперь потеряли. И мы вспоминаем прожитые нами трудные годы, как светлое прошлое, когда мы были уважаемыми гражданами великой страны.

АЛЕКСАНДР ЕРЕМЕЕВ

ВЫСОКО ДЕРЖАЛИ МАРКУ

Еремеев Александр Платонович всю свою сознательную жизнь посвятил развитию молочной промышленности Зауралья, и в частности, ее основополагающей составляющей - маслоделию. Ветеран молочной промышленности, заслуженный работник пищевой индустрии Российской Федерации, главный мастер маслоделия, кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени - этих званий и наград Александр Платонович удостоен за большой вклад в одну из ведущих отраслей агропромышленного комплекса Курганской области.

А начиналось все в предвоенные и военные годы...

-В 1939 году, окончив семилетку, я поступил в Чапинский техникум молочной промышленности. С 1 июня 1941 года мы втроем проходили практику на Белоярском маслозаводе Шадринского района. Здесь 23 июня мы узнали страшную весть: война!

Закончив практику в июле, я уехал в Щучье, где с 10-летнего возраста жил и воспитывался у сестры. По приезде сразу устроился на работу в заготзерно на отбор проб зерна. Для меня это было делом привычным, так как я, начиная с пятого класса, во время летних каникул работал на элеваторе. А в этом году был еще и особый расчет: я полагал, что с началом войны наш техникум закроют.

Но в августе пришел вызов, и учеба, как обычно, началась с первого сентября. Сильно поредели ряды студентов: парней призвали в армию, многие девушки не смогли продолжать учебу - пошли работать, чтобы помочь семьям, оставшимся без кормильцев. На третьем курсе из 60 человек осталось 15, а окончили техникум всего девять человек.

Но аудитории были переполнены. Дело в том, что из осажденного Ленинграда к нам был эвакуирован технологический институт молочной промышленности: в Чаши прибыли студенты двух последних курсов (кстати, было их немного), преподаватели, учащиеся ФЗУ. Словом, нас оказалось около пятисот человек, а техникум был рассчитан на 200-250. Заниматься пришлось в 2-3 смены.

Но жили дружно, помогали друг другу. Некоторые девушки-ленинградки были очень ослаблены, не могли посещать занятия. Дело усугубилось еще и тем, что кто-то разрешил им получать хлеб по карточкам сразу за 4-5 дней. Съедят они быстро свою пятидневную норму, а затем сидят голодом. Но вскоре с этим разобрались и неразумное распоряжение отменили.

Но, несмотря на трудности, жизнь в техникуме кипела. Работали кружки самодеятельности, ленинградские профессора читали лекции. Один из них вел литературный кружок, и на его лекции набивался полный зал слушателей.

В мае сорок второго нас направили на практику в помощь предприятиям, так как людей не хватало. Мы уехали в Ишимо-Тобольский трест (ныне Тюменская область). Я попал на Ильинский маслозавод мастером-маслоделом. Все работы на заводе выполнялись вручную: крутили сепаратор, маслобойку, таскали лед из подвала, тары не было, масло потребителям отпускали в пергаментных мешках. Работали одни женщины, в основном эвакуированные из Ленинграда, ослабленные. Я среди них был один мужчина. К счастью, скоро с фронта вернулся после ранения мастер, и я передал ему дела. А трест перевел меня на Усовский завод помощником мастера.

Масло здесь упаковывали в бочки по 100 кг (да сама бочка - 25 кг) и скатывали в подвал. При погрузке не просто было выкатить их оттуда. Работали на заводе по 12-14 часов...

Кончилась практика. Первого сентября я вернулся в техникум. Предстояло выполнить дипломную работу. Делать это приходилось в тесной комнатке, при коптилке, так как все аудитории были заняты. О питании и вспоминать не стоит - жили впроголодь. Я, например, окончил техникум, имея рост 175 см и вес всего 45 кг.

Итак, 30 декабря 1942 года я защитил диплом на "отлично". 3 января 1943 года покинул техникум. Немного отлежался у сестры в Щучье и 2 февраля прибыл по назначению - мастером маслоделия на Каргапольский маслозавод - один из лучших в Курганском тресте. Трудностей и здесь хватало, но все же работалось полегче, чем на ишимских заводах.

Здесь я получил квартиру, женился, у нас родился первенец. Но жизнь сделала крутой поворот. В школах не хватало учителей физики и математики. И вот нас, десятичных комсомольцев, отправили учиться на курсы физиков-математиков. После их окончания я был направлен в Черепановскую школу, где учились дети из Ленинграда и деревенские (из двух сел).

Сняли мы комнатку у одной колхозницы в д. Черепаново, и начал я работать в школе, а жена в детдоме воспитателем. Сначала дети встретили меня настороженно, но скоро контакт установился и дела пошли на лад. Преподавал я математику, физику, химию и... литературу.

В конце учебного года Курганский трест настоял на моем возвращении в маслодельную промышленность. Трудно было расставаться с детьми. Позже мои ученики часто приезжали к нам и подолгу гостили...

За годы работы на Каргапольском заводе, как во время войны, так и после нее, я не раз бывал на всех молочно-товарных фермах зоны завода. Приходилось много беседовать с доярками, учить их, поощрять лучших, работать с заведующими фермами. И это дало свои результаты: Каргапольский маслозавод по качеству масла стал лучшим не только в тресте, но и среди первых в Советском Союзе.

В 1949 году мы выступили в СССР инициаторами повышения качества масла. Наша инициатива была широко поддержана. Свои обязательства мы успешно выполнили. Заводу было присвоено звание "Предприятие высокой культуры", а я в числе первых 10 мастеров страны получил звание "Главный мастер маслоделия".

Н

... в 1949 году мы выступили в СССР инициаторами повышения качества масла. Наша инициатива была широко поддержана. Свои обязательства мы успешно выполнили. Заводу было присвоено звание "Предприятие высокой культуры", а я в числе первых 10 мастеров страны получил звание "Главный мастер маслоделия".

РАИСА ЧИСТЯКОВА

«...И КРЕСТ МОЙ, И СУДЬБА, И СЧАСТЬЕ»

Чистякова Раиса Сергеевна в годы войны работала директором школы, возглавляла детдом эвакуированных детей, была редактором районного радиовещания.

После победы, в 1945-м, снова вернулась в школу, с которой не расстается по сей день, несмотря на свои почти 80 лет. С 1963 года работает в школе № 41 г. Кургана.

В общей сложности почти 45 лет возглавляла учительские партийные организации. Награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне".

-Известие о начале войны застало меня в селе Ново-Кочердык (ныне село Целинное Курганской области). Мне как секретарю учительской комсомольской организации местной школы поручили открыть митинг, посвященный этому страшному событию. Почему именно мне выпала эта участь? Дело в том, что в сельской парторганизации состояли три человека, люди это были порядочные, но малограмотные, и им трудно было вести такое ответственное мероприятие.

Когда я узнала о своей миссии, то прежде всего отыскала в селе старого солдата, участника первой мировой. Он свою коротенькую речь на митинге закончил словами: "Мы немца били, а вам надо его добить".

Ново-Кочердык был объявлен районным сборным пунктом, и уже к 10 часам утра сюда потянулись вереницы людей, которым предстояло отправиться на фронт.

...А жизнь продолжалась. К началу октября 1941 года в нашей средней школе остались одни женщины. Я была назначена директором. И сразу навалились трудности. Число учеников увеличивалось изо дня в день - в наш коллектив влились 178-я ленинградская школа, детский дом из Полтавы. Надо распределить детей по классам, а учителей и воспитателей, эвакуированных вместе с ними, обеспечить работой. Со вторым было проще: мужчины уходили на фронт, и их места занимали вновь прибывшие. А вот с учениками было сложнее: классы переполнены - по 50 ребят в классе, благо типовое помещение школы это позволяло.

Так случилось, что в одной школе нас оказалось четыре директора - директор ленинградской школы Анна Евсеевна Беленькая, директор Полтавского детдома Лука Степанович Герасименко, директор местного детдома Ибрагим Иванович Сагадеев и я. Все они обладали большим учебным, воспитательным, житейским опытом, успели повидать всякого. А мне, "ведущему" директору, шел в ту пору 21-й год. Но они признали меня и очень много помогали в организации работы, в налаживании школьной жизни.

А трудностей всегда было выше головы. Взять хотя бы отопление школы. Ведь силами учителей, воспитателей и учеников мы заготавливали до 1000 кубометров дров. Меня и сейчас эта цифра в дрожь бросает, а тогда ничего, все было нипочем. Одно лишь страшно было: утром ученик приходит в школу, на уроки, а вечером - повестка, отправка на фронт. Вот к этому никак невозможно было привыкнуть. Забирали ребят 1924 года рождения. С первыми мы простились с Борисом Ливановым, Тимофеем Власовым, Алексеем Столбовым, Леонидом Злоказовым, Леонидом Наумовым... Как длинн этот список!

После тяжелого ранения вернулся с войны Тимофей Власов, но через полгода его не стало. Оплакивали его вместе с родителями и мы, учителя. С похорон шли разбитые, угнетенные...

Но надо было жить, работать. Нас ждали дети. Школа работала в три смены, вечерами занимались при свете керосиновых ламп. Для учителей был строгий лимит - 2 литра керосина на месяц. Но все это как-то не пугало, понимали: война. Жили дружно, как одна семья. Вместе читали письма с фронта от мужей и бывших учеников, вместе переживали потери близких, тяжелые ранения, радовались добрым весточкам. Как сейчас вижу почерневшее лицо Магды Георгиевны Давыдовой, получившей извещение о голодной смерти мужа в блокадном Ленинграде. Мне, такой молодой, только начинавшей жить, приходилось утешать в горе тех, кто годился мне в матери. Господи, чего это стоило! Ну чем было помочь Анне Евсеевне Беленькой, когда из осажденного Ленинграда привезли ее опухшего от голода мужа. Сердце этой доброй женщины не выдержало...

Помимо основной работы, которой, казалось, были заполнены сутки до последнего часа, приходилось заниматься и общественными делами. В 1943 году я была избрана секретарем территориальной партийной организации. А спрашивали тогда за все очень строго. Райком партии умел помогать, но и требовал, как положено.

В 1943 году в село Сетовное прибыли дети, эвакуированные из Курской области, из трех ее районов - Щебекинского, Старого Оскола и Нового Оскола. Когда детдом перевели в Ново-Кочердык, меня назначили его директором. Тогда ведь желания твоего или согласия не спрашивали - надо! В августе пришлось школу оставить.

Приняла я 150 детей, разутых, раздетых, голодных. Из прифронтовой полосы собирали в вагоны детей целыми семьями. Помню, из семей Пелиховых и Митрофановых было по пять детей, Сапрыкиных и Огурцовых - по трое. В дороге многие заболели корью, ребятишки были крайне истощены, дистрофия была страшная. Помню, Валя Мезенцева даже ходить, руки поднимать не могла. Надо было обогреть, одеть-обуть, лечить, кормить... А фондов на питание и одежду не было до 15 декабря. Детей приходилось кормить и одевать "из местных ресурсов", а что могли дать председатели колхозов, население? У самих нищета. Но делились чем могли.

Все мои хождения по областным инстанциям кончались очередными обещаниями. А фондов как не было, так и не было. И тогда я решилась - написала письмо Председателю Государственного Комитета Обороны И.В. Сталину. Ровно через две недели детдому дали все и даже больше, вплоть до американского шоколада. Вот так подействовал ответ из приемной Председателя ГКО.

...В 23 года я поседела, от перенапряжения расстроилось здоровье, мне настоятельно советовали сменить работу. Райком партии направлял в это "пекло", он же и побеспокоился о моем трудоустройстве - я получила должность редактора районного радиовещания. Мне всегда везло на добрых людей, и здесь взял надо мною шефство редактор районной газеты "Вперед" Александр Богатенко. Он и учил меня, и, что греха таить, много сам за меня делал.

...В 1945 году, уже после победы, я вновь возвратилась в школу, к детям. И по сей день, несмотря на свои почти 80 лет, работаю в курганской школе № 41. На пенсии не была еще ни одного дня. Но это уже другая история.

...Вспоминая военные годы, невольно ловлю себя на мысли: а ведь в чем-то нам было проще, легче, чем нынешним молодым. Была у нас ясность цели - победить! Была вера - победим! Была уверенность в послевоенном счастье. Это помогало не просто жить, а жить полной жизнью, радоваться жизни. Мы со всем максимализмом юности любили Родину в ее тяжкую годину и помогали ей, чем могли.

Увы, не то ныне. В годы теперешнего развала страны молодежь не только теряет веру в себя, но и в свою страну, Родину. 19 октября получила письмо. Пишет мой бывший ученик, который три года назад окончил Военно-медицинскую академию с "красным" дипломом. И вот теперь влачит нищенское существование. Он просит у меня совета, оставаться ему в России или уехать во Францию?

Когда мне было 23 года, я могла и подсказать, и посоветовать - все было ясно. А что сказать ему сейчас? И я теряюсь... Мне больно за него, больно за себя, за страну больно.

ОЛЬГА ШИХОВА

РАБОТАЛИ, ВЕРИЛИ, ЖДАЛИ

Шихова (Константинова) Ольга Тимофеевна, как и все деревенские дети, рано познала крестьянский труд. Но если до войны он был посильным, доставлял радость, то в суровые военные годы стал тяжелой обязанностью слабых, полуголодных подростков.

*Родилась и выросла она в деревне Подгорке При-
тобольного района. Через полгода после начала вой-
ны ей исполнилось 12 лет. И в таком возрасте испы-
тала она все тяготы жизни, выполняла ту работу,
которую раньше делали лишь взрослые.*

Колхоз наш назывался "Красная горка". Еще в мирное время все дети, в том числе и я, как могли помогали колхозу: пололи пшеницу, морковку, огурцы... Все это мы делали с удовольствием, для нас это был отдых от школьных уроков, развлечение.

Но вот началась война, и все изменилось. Всех мужчин и взрослых парней забрали в армию, остались в деревне старики, бабы да дети.

Из нашей семьи ушли на фронт четыре брата, отца взяли в трудармию, а сестру отправили в ФЗО. Осталась я с больной матерью. Надо было как-то жить.

Я училась в школе, но когда начиналась посевная, всех нас отправляли в колхоз. Учились только эвакуированные дети. А мы все работали: боронили на коровах, подвозили семена, загружали их в сеялки, в лукошки женщинам. Тогда ведь и вручную сеяли. Идет по полю женщина, лукошко с зерном на ремне через плечо, и разбрасывает семена. А когда стала постарше, то работала на прицепе - пахала, боронила...

Работали и на дальних пашнях. Дисциплина была строгая, домой не отпускали. Да и сама не пойдешь - допоздна в поле, а утром, чуть свет, снова на пашню. Спали в полевых избушках. Теснота, холодно. Так, сидя, подремлешь чуть - и ладно.

Все приходилось делать: и литовкой косить научилась, и воду ведрами таскала из речки Глядяны - колхоз-

ный огород поливала, и картошку, овощи сажала. И все ведь вручную.

А когда начиналась уборка, тут уж совсем не до отдыха: работали на соломокопнителях, на току, возили хлеб. Нагрузим 10-12 подвод и в ночь отправляем на элеватор или "глубинный" пункт. Лозунг был: "Все для фронта, все для победы!"

В 1943 году поставили меня работать весовщиком - принимала зерно от комбайнов и отправляла на элеватор. Все зерно взвешивалось, учитывалось до зернышка. На току девчонки работали - веяли, сушили, отгружали хлеб. Отдыхали мы только глубокой ночью, ведь комбайны работали, пока роса не падет. Разгрузим последнюю телегу от комбайна, сядем на ворох кучкой, зароем ноги в зерно, чтоб теплее было, да так и уснем. А рано утром опять за работу.

Так до поздней осени и жили на пашне. Бывало, земля застынет, снег идет, а мы все молотим снопы на току...

Приходилось и в лесу работать, дрова заготавливать для школы и для интерната; возить сено и солому. А ведь это все тяжелые работы. Но что делать, терпели.

Когда я училась в 6 и 7-м классах, то зимой подрабатывала колхозным почтальоном. Иду из школы, захожу в сельсовет за почтовой сумкой и в своей деревне разношу почту. Иду, а меня почти у каждого ворот ждут. Если есть письмо, то и я радуюсь. Но очень тяжело было вручать казенные письма-похоронки. Бывало, что сразу и отдать не могу этот конверт, только скажу: "Вам ничего нет". А когда сама успокоюсь, иду и отдаю. Часто меня просили почитать письмо. Ладно, если хорошее, а попробуй почитать похоронку. Люди рыдают, и я вместе с ними...

У нас в семье ведь тоже один брат под Ленинградом погиб, другой на Орловско-Курской дуге в танке сгорел. Да что там говорить, война - это страшно, не дай бог никому.

И вот ведь что: работы были тяжелые, мы разутые-раздетые, полуголодные, а ведь никто не отказывался. Все верили в победу, все ждали конца войны, надеялись. И помогали фронту как могли. Днем работали, а ночами вязали носки, варежки, готовили посылки на фронт...

И ждали возвращения своих.

СЕРГЕЙ ШОЛОМОВ

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Шоломов Сергей Георгиевич родился в 1928 году. Неделю спустя после начала войны ему стукнуло 13 лет. Известно, что на плечи подростков легла непомерная тяжесть войны. Не зря их называли "главной опорой тыла".

Вся жизнь Сергея Георгиевича связана с железной дорогой: работал мостовым рабочим, электросварщиком, дефекто-скопистом. А как работал, об этом говорят его награды и звания. Он награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалями "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", "За трудовое от-

личие" и другими. Ему присвоено звание "Заслуженный работник транспорта РСФСР".

— **С** началом войны пришлось мне распрощаться со своей школой № 14, что в Мало-Чаусово. В сорок первом я пошел в шестой класс, но пручился всего лишь два месяца...

Надо было помогать семье. Родители были нетрудоспособны, брат Михаил на фронте, а у сестры Екатерины своих девять детей. Пошел я искать работу: на какое предприятие ни приду - не берут. Мало того, что лет всего-то 13, так к тому же еще и ростом не вышел. И только в 1942 году приняли меня в 9-ю дистанцию пути мостовым рабочим на "Мост-Тобол".

Вскоре вызвали меня в отдел кадров и предложили поехать в Челябинск на курсы электросварщиков.

Вручил мне начальник отдела кадров Мартынов билет на поезд, командировочное удостоверение.

- Поезжай, учись!

Легко сказать - поезжай. А как, если я никогда и никуда еще не ездил. Пришел на вокзал - народищу! Подошел к одной тетке:

- Когда поезд отправляется?

- А вон тот, что на пятом пути, скоро отправится.

Я бегом в вагон. Залез на третью полку и заснул. Разбудили меня контролер и комендант поезда. Посмотрели мои документы, спрашивают:

- Куда едешь?

- В Челябинск на курсы, - говорю.

Они переглянулись, военный комендант и говорит:

- Слазь с полки, идем с нами. Надо выяснить, откуда ты сбежал и где взял эти документы.

Привели меня в комендантский вагон, все повыспросили, комендант и говорит:

- Какой Челябинск, парень! Поезд-то к Свердловску подходит.

А я ему:

- Наверное, поезд отвернул в другую сторону.

Разъяснили они мне, что не на тот поезд сел, сказали, что в 9 часов вечера будет поезд на Челябинск. А еще, что билет надо компостировать.

Вечером подали поезд на первый путь, а билет я так и не смог закомпостировать. Подхожу к милиционеру на перроне, помогите, мол, сесть в вагон. А он даже разговаривать со мной не стал. Вижу, пацаны, такие, как я, крутятся возле поезда:

- Что, ехать? Поедем вместе, на подножках.

Так вот и ехал от самого Свердловска до Челябинска. За двенадцать часов я совсем выдохся, еле держался за поручни, стал засыпать. Увидела меня женщина, что стояла между вагонами, поняла, что со мной происходит. Километра за три до Челябинска стащила меня с подножки вагона и давай оттирать снегом. Потом проводила до станции Челябинск пешком. (Спасибо ей, спасла мне жизнь.)

Целый день искал я дортехшколу, куда ехал, а затем общежитие. Ночь, темень (в городе светомаскировка), едва нашел свое общежитие в подвале по улице Тимирязева.

В общежитии отопления не было. Единственный источник тепла - киловаттная лампочка над столом. Спали, не раздеваясь, - в валенках, телогрейке, шапке. На один мат-

рац из соломы ложишься, другим укрываешься - вот и весь "комфорт".

Занимались с нами в школе только вечером, а днями мы добывали себе пропитание. В основном разгружали вагоны с углем на универсальной базе. За разгрузку платили нам солью. Получишь соль - и на "хитрый" рынок у вокзала: 16 рублей стакан. На выручку на всю братию покупали еду...

Однажды утром мы проснулись в ужасе, наш подвал затопило, вода - по самые сетки коек, пар, ни черта не видно. И так мы (а было нас 30 человек) перебивались трое суток. Простыли, кашляем, грязные. И терпение наше лопнуло. Собрались и пошли прямо в управление дороги к начальнику. Его секретарша, как увидела нас, обомлела. Вышел начальник, а мы грязные, немытые, громко кашляем. Только и спросил:

- Вы откуда такие?

Мы все рассказали. После этого нас перевели в барак, где и печное отопление, и кровати с простынями и одеялами, и помыться можно. Пошла жизнь!

Сдали экзамены - и домой. Но и тут без приключений не обошлось. Прежде чем закомпостировать билет, надо пройти санпропускник. Поезд вот-вот отойдет, а очередь в баню человек пятьдесят. Вышла бригадир и говорит:

- Если хотите пройти, заходите все вместе, мужики и бабы, в одно отделение.

А куда денешься, пошли...

А это было уже в сорок четвертом. Работал я тогда электросварщиком в мехмастерских 9-й дистанции пути. Тогда в деревню направляли специалистов в помощь сельскому хозяйству. Ехать в Кислянскую МТС Юргамышского района жребий выпал мне. Шел июнь.

В МТС сварщики-самоучки, конечно, были, но сложные работы они выполнять не могли. И мне приходилось заниматься наплавкой зубьев шестерен, шлицев, одним словом, реставрировать все детали для тракторов и комбайнов. А варить нечем, не то что электродов, проволоки нет. И директор МТС Остап Кондратьевич Степаненко нашел выход: посадил одного деда резать полоски из жестяной бочки из-под горючего. Обмазывали их мелом, жидким стеклом - вот тебе и "электроды".

Электричество для сварочных работ - от динамомашины, которую крутил газогенераторный трактор ЧТЗ. Сейчас вряд ли кто знает, что значит газогенераторный.

А значит это, что горючим для трактора служили сухие березовые чурочки. Кстати, на них и автомобили-полуполторы работали.

Готовили технику к уборочной. Работать мне пришлось по 10-14 часов в сутки. Приду утром на работу, а ко мне уже очередь - трактористы, комбайнеры с деталями. Так проработал недели две, и меня уже ветром стало покачивать, ел-то раз в день в столовой.

Кто-то рассказал о моем положении директору. Остап Кондратьевич вызвал меня в контору, расспросил, как живу, чем питаюсь.... И сел писать. Как оказалось, записки: заведующей столовой - чтобы кормили меня из "командирского котла", и столько, сколько съем; заведующей детсадом - чтобы приносили мне в комнату на завтрак и на ужин килограмм двести граммов хлеба; своей жене - Елизавете Петровне - чтобы дала мне подушку и кошму. Вызвал бригадира овощеводческой бригады, приказал ей снабжать меня свежими овощами. Посмотрел на мою одежонку, сплошь обгоревшую от сварки, и дал команду кладовщику снять с меня мерку и шить из комбайнового полотна рабочий костюм. А потом и говорит Остап Кондратьевич мне:

- А ты сегодня бросай работу и разнеси все мои записки.

После этого я ожил. Даже молоко мне давать стали. Так я работал у них до 6 ноября. Просили меня навсегда у них остаться. Но руководство дистанции на это не пошло.

Шестого ноября вызвал меня Степаненко к себе, сказал добрые слова, попрощались мы с ним, и я уехал в Курган, в свой цех.

Я всегда вспоминал и вспоминаю этого человека с великой благодарностью. И вот в год 40-летия Победы я через редакцию "Советского Зауралья" разыскал адрес Остапа Кондратьевича. Мы с супругой побывали у него в гостях, отметили День Победы.

* * *

А в сорок пятом я этот день так встретил. Работал в третью смену с 8 на 9 мая. Где-то часа в четыре утра заходит ко мне в сварочную главный бухгалтер Федор Николаевич Волков:

- Серега, бросай работу, победа!

ЕКАТЕРИНА ХУДЯКОВА

«МОЕ ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ»

Худякова Екатерина Семеновна родилась в 1923 году. Вся ее сознательная жизнь с ранней юности и по сей день связана с депо Курган. Все было в этой жизни - и голод, и холод, и мелкие обиды. Но не это главное для Екатерины Семеновны. Главное для нее - то светлое, та вера и надежда, во имя чего жила она, работала, до последней жилочки отдавая себя людям. Возраст ее вызывает уважение. Но и сегодня Екатерина Семеновна - женщина с истинно русской душой - в меру сил своих (а чаще и сверх сил) служит людям, служит добру. Верится: пока живы на земле такие женщины, не иссякнут добро, надежда и вера, не иссякнут силы России. И в этом ее счастье.

Иссякнут добро, надежда и вера, не иссякнут силы России. И в этом ее счастье.

Хочу поделиться воспоминаниями о моем родном депо, где я выросла и состарилась, откуда ушла на заслуженный отдых.

Из детского дома я приехала в Курган к брату. Но оказалось, что его забрали в армию. Пришлось идти к знакомым людям. Спасибо Алексею Гудкову, который принял участие в моей сиротской судьбе, помог мне устроиться на работу в паровозное депо. Это было 14 ноября 1941 года, а 9 ноября мне исполнилось 18 лет.

Я была маленькая ростом, худенькая. Когда пришла в отдел кадров паровозного депо (а начальником был

тогда Лаврентьев), посмотрел на меня начальник и говорит: "Что ж ты делать-то будешь в депо такая худышка?" А я тут же выпалила: "Помогать фронту!" Все, кто был в отделе кадров, заулыбались.

Приняли меня учеником слесаря в заготовительный цех. Учителем моим был уже немолодой мужчина Степан Петрович Печенкин. Он учил меня работать молотком так: закрой глаза и бей по зубилу. Я закрою глаза, ударю, а получается не по зубилу, а по руке. И смех, и слезы. Но я настойчивая, научилась не только молотком да зубилом работать, но и выполнять такие тонкие работы, как шабровка. Мне поручали обрабатывать секционные кольца, большие и малые барабаны. А там работа тонкая и точная.

Приходилось ремонтировать водоприемные рукава. Помню, идешь, несешь этот рукав через плечо, а он раскачивается и мотает меня из стороны в сторону. Но что делать, лезешь на паровоз, ставишь рукав на место и только тогда вздохнешь с облегчением. И снова - в цех.

С февраля 1942 года я уже стала работать самостоятельно, зарабатывать себе на житье-бытье. Жила на квартире. А когда мне дали общежитие, полегче стало. У меня появились деньги, и я могла на них что-то себе купить.

И все это время я училась: училась делать заклепки, гвозди, шпильки, которых на паровозе много надобно. Так получилось, что я три года работала старшей на метизах. У нас в бригаде было пять человек, задание мы выполняли на 120-180 процентов. Иногда приходилось работать сутками, но мы не унывали - цели, смеялись, шутили.

Главное для нас было - хорошо и вовремя выполнить свою работу, чтобы паровозы уходили без задержки. Все тяжелые годы войны у нас и мыслей других не было, кроме как помогать фронту для скорейшей победы. И когда она наступила, мы ликовали, ведь и наша доля была в этой победе.

После войны стали понемногу оттаивать - ходили в кино, в театр, на танцы. Были мы, правда, неважно одеты, но все на нас было чистенькое. Мы радовались своей свободе, тому, что жизнь налаживается.

Слесарем я отработала 13 лет - до 1954 года. После этого работала обтирщицей, расценщицей, а последнее время оператором группы технического учета локомотивного депо Курган.

Все годы я вела общественную работу: была внештатным инспектором городского комитета народного контроля, председателем товарищеского суда депо. С 1959 года и по сей день я являюсь заседателем горсуда. Сейчас занимаюсь с больными и немощными пенсионерами локомотивного депо. У меня таких подопечных 7 человек. Я посещаю их, рассказываю, что происходит на нашем предприятии, передаю деньги, подарки, которые выделяют начальник депо и председатель профкома. Я член совета ветеранов локомотивного депо. Горжусь этим и счастлива, что еще как-то могу послужить людям.

АЛЕКСАНДРА ЮРОВСКАЯ

„СЕМЯ“ ВОЙНЫ

Много написано о Великой Отечественной: подробно проанализированы военные операции и действия военачальников, известно, сколько было произведено танков, самолетов, пушек, винтовок, наконец. Но кто считал количество патронов, обычных винтовочных и автоматных патронов, выпущенных по врагу? А ведь их несметное количество изготовлялось на наших заводах, и каждый из них прошел через руки женщины, подростков, стариков, делавших их. Как это было, знает Александра Даниловна Юровская (Ковалева), в 16 лет производившая это „семя“ войны.

Мы с моей подружкой Раей Сурковой (Раисой Павловной Малоземовой) учились в 1941 году на курсах при Куртамышском сельхозтехникуме. Было нам по 16 лет, когда радио донесло до нас весть о войне. Наверное, сейчас это звучит слишком громко, но мы были действительно обеспокоены за судьбу страны, народа. Стремилась хоть как-то помочь Родине в это трудное время.

Узнав, что набирают рабочих на эвакуированный в г. Юрюзань Тульский военный завод, мы подали заявления и в числе 200 курганцев-добровольцев поехали в Юрюзань.

На заводе работали в секретном цехе на окончательном осмотре патронов. Стоя возле длинных столов, на которые подавались патроны, мы до рези в глазах всматривались в каждый из них, чтобы не пропустить брак. Считалось так: пропустил бракованный патрон - убил своего солдата. Заполняли 30-килограммовые ящики патронами и отправляли на фронт. Делали по две нормы и больше.

Рабочий день официально был 12 часов, но мы работали по 14-16. Обеденный перерыв - 30 минут. Выходных, а тем более отпусков, не было. И вот еще что, не-

которые подавались патроны, мы до рези в глазах всматривались в каждый из них, чтобы не пропустить брак. Считалось так: пропустил бракованный патрон - убил своего солдата. Заполняли 30-килограммовые ящики патронами и отправляли на фронт. Делали по две нормы и больше.

Рабочий день официально был 12 часов, но мы работали по 14-16. Обеденный перерыв - 30 минут. Выходных, а тем более отпусков, не было. И вот еще что, несмотря на такой режим, в цехе был идеальный порядок, все трудились добросовестно.

Поначалу мы жили на частных квартирах, но потом завод построил общежитие: двухэтажное здание на четыре большие комнаты. В каждой комнате нас жило 40 человек (в трех - девушки и в одной - ребята). Мы были из разных городов - Тулы, Москвы, Ленинграда, Воронежа, Кургана и других, но жили очень дружно.

Зимы стояли холодные, одежонка и обувь плохие, мы недоедали, недосыпали, но как-то все же выстояли.

Когда закончилась эта проклятая война, то стало легче: 8-часовой рабочий день, выходные. Мы совсем ожили.

За наш труд на заводе мы с Раисой награждены были медалями, хотя работали, конечно, не ради наград, а по совести...

Кадыр ДАЯН

ПОБЕДИТЕЛЬ

Осенен полыханьем
 Победного стяга,
 Сел усталый солдат
 На ступеньки рейхстага.
 Снял фуражку,
 Как труженик после работы,
 Вытирая со лба
 Капли жаркого пота.
 Положил автомат,
 Пыль стряхнул с гимнастерки,
 Из кисета отсыпал
 Щепотку махорки...
 Поглядел еще раз,
 Как над вражьей столицей
 На весеннем ветру
 Наше знамя лучится,
 Папиросу свернул,
 Затянулся спокойно
 И сказал:
 - Так любые закончатся войны.

9 мая 1945 г.

Берлин.

Перевод с башкирского

Н. Новоселова.

СОДЕРЖАНИЕ

Огненный путь к победе

Андриевских Валентина.....	9
Анброх Яков.....	11
Баженова Елена.....	15
Безбородова Мария.....	19
Биндюк Александр.....	24
Бомбина Мария.....	27
Бревнова Александра.....	28
Брюханов Алексей.....	32
Бывальцев Николай.....	33
Вахрин Геннадий.....	36
Васев Василий.....	39
Василевский Владимир.....	40
Веревкин Ефим.....	45
Ветлугин Анатолий.....	47
Гурьков Борис.....	48
Денисенко Григорий.....	51
Домарев Александр.....	56
Евдокимова Анна.....	58
Евдокимов Иван.....	61
Елисеев Федот.....	63
Ермолаев Юрий.....	67
Зайцева Ольга.....	73
Кадникова Мария.....	75
Кадников Яков.....	77
Камшилов Николай.....	79
Киреев Роман.....	83
Колупаев Эммануил.....	91
Красилов Михаил.....	93
Коник Владимир.....	95
Князевы В., М., И.	98
Киш Иван.....	103
Лавринов Николай.....	106
Лебедева Александра.....	108

015	Левицкий Михаил.....	110
515	Ленцнер Иван.....	113
415	Макарова Наталья.....	116
015	Митрохин Александр.....	118
555	Окольников Анфиноген.....	122
855	Пестерников Александр.....	125
185	Пестерев Анатолий.....	129
325	Попова Клара.....	131
065	Псурцев Виталий.....	134
345	Русинов Василий.....	137
845	Савельев Алексей.....	138
525	Санникова Мария.....	140
	Сафонов Виталий.....	143
	Сергеев Иван.....	144
	Сергеев Александр.....	145
885	Сединкина Антонина.....	148
185	Серков Владимир.....	149
485	Семенов Иван.....	155
	Сидоров Михаил.....	159
885	Суетин Николай.....	167
185	Сысолова Павла.....	169
885	Сычева Мария.....	172
875	Стариков Федор.....	173
875	Суриков Николай.....	174
875	Тарунин Александр.....	176
875	Троцкий Владимир.....	179
378	Чайковский Георгий.....	183
188	Черныш Владимир.....	186
585	Шишкин Сергей.....	188
885	Фадюшин Вениамин.....	193
000	Филимонов Роман.....	195
308	Хрущелева Анна.....	199
808	Щербаков Сергей.....	200
018	Яхонтова Александра.....	201

Народные мстители

	Акимов Владимир.....	208
--	----------------------	-----

Боровков Петр.....	210
Давыдова Александра.....	212
Калмыченко Мария.....	214
Кисель София.....	219
Коровин Александр.....	222
Нагорных Петр.....	229
Положенко Галина.....	231
Попов Иван.....	237
Проказов Владимир.....	238
Сергеева Мария.....	246
Томский Борис.....	248
Францкевич Иван.....	252

Все для фронта

Архипова Вера.....	258
Антонов Тимофей.....	261
Безродных Петр.....	264
Гринев Леонид.....	266
Кандалова Вера.....	267
Кондрахин Яков.....	269
Кунгурцева Любовь.....	272
Маслакова Мария.....	274
Полунина Лидия.....	276
Паллаги Антонина.....	278
Севастьянов Анатолий.....	280
Игишева Галина.....	292
Еремеев Александр.....	296
Чистякова Раиса.....	300
Шихова Ольга.....	304
Шоломов Сергей.....	306
Худякова Екатерина.....	310
Юровская Александра.....	313

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Великая Отечественная
в памяти фронтовиков
и тружеников тыла

Редактор

Литературная запись
воспоминаний ветеранов

Технический редактор

Корректоры

В. Портнягин

А. Нечухрин

Л. Боровкова

Т. Мельникова, О. Мурашова,

Г. Подольская, С. Уварова

Формат 84x108¹/₃₂. Объем 10 физ. печ. л., 16,8 усл. печ. л.
Тираж 4000. Заказ 1356.

Набрано в компьютерном центре газеты «Курган и курганцы».
640000, г. Курган, ул. Гоголя, 23.

Сверстано и отпечатано в государственном издательско-полиграфическом
предприятии «Зауралье». 640006, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

